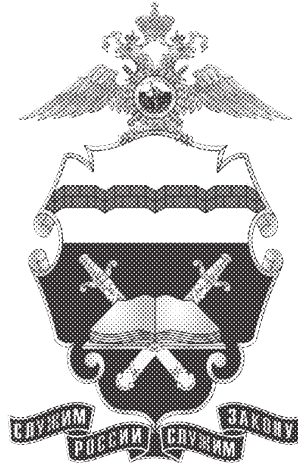

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<http://www.pressa-rf.ru>;
<http://www.akc.ru>

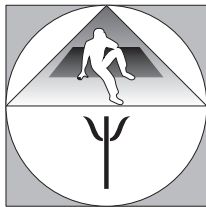

Научно-практический журнал

**Психопедагогика
в правоохранительных органах
Том 28
№ 1(92) январь – март 2023 г.**

Scientific practical journal

**Psychopedagogy in Law Enforcement
Volume 28
No 1(92) January – March 2023**

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Том 28, № 1(92) 2023

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-ru.ru>
<https://www.akc.ru>

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: психологические науки, педагогические науки, юридические науки

Редакционная коллегия

Г. Д. Бабушкин, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск) — *заместитель главного редактора*
М. И. Марьин, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет) — *заместитель главного редактора*
В. Л. Цветков, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя) — *заместитель главного редактора*
В. А. Адольф, д-р пед. наук, проф. (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева)
И. Ф. Андрущишин, д-р пед. наук, проф. (Казахская академия спорта и туризма, Алматы)
Л. Н. Антилогова, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Н. В. Астафьев, д-р пед. наук, проф. (Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)
В. И. Барко, д-р психол. наук, проф. (Харьковский национальный университет МВД Украины)
М. Блашкова, д-р психол. наук, проф. (Полицейская академия Чешской Республики)
В. В. Вахнина, д-р психол. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
В. В. Векленко, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет)
И. А. Ветренко, д-р полит. наук, проф. (Северо-Западный институт РАНХиГС, Санкт-Петербург)
И. А. Вишняков, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф. (Байкальский государственный университет, Иркутск)
Х. Х. Джейли, проф. военной психологии (Университет Англии Раскин, Великобритания)
С. Г. Еремеев, канд. психол. наук, доц. (Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск)
М. А. Ерофеева, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Э. В. Зауторова, д-р пед. наук, проф. (Вологодский институт права и экономики ФСИН России)
Э. Р. Исхаков, д-р мед. наук, проф. (Уфимский юридический институт МВД России)
А. Карпава, д-р социальных наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
Т. Н. Кильмашкина, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет)
М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
В. И. Коваленко, д-р пед. наук, проф. (Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина)
В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского)
Л. Н. Костина, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
И. О. Котенев, канд. психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
О. М. Красноярдцева, д-р психол. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
И. Б. Лебедев, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Е. И. Мещерякова, д-р пед. наук, проф. (Воронежский юридический институт МВД России)
Е. А. Науменко, д-р психол. наук, проф. (Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск)
А. А. Нечепуренко, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
В. Е. Петров, канд. психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
О. Л. Подлиняев, д-р пед. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
Л. М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф. (Томский национальный исследовательский государственный университет)
Д. С. Рудьман, канд. юрид. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Н. Н. Савина, д-р пед. наук, доц. (Новосибирский государственный университет)
Н. В. Сердюк, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)
П. Т. Тюрин, д-р психол. наук, проф. (Балтийская международная академия, Рига)
О. А. Ульянина, д-р юрид. наук, доц. (Российская академия образования, Москва)
А. Ю. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Н. В. Ходякова, д-р пед. наук, проф. (Академия управления МВД России, Москва)

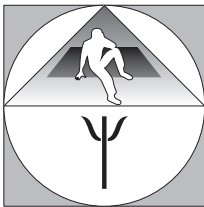
Е. В. Черный, д-р психол. наук, проф. (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь)
Г. С. Чодырова, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Ю. А. Шаранов, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
А. С. Шаров, д-р психол. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Е. П. Щербаков, д-р психол. наук, проф. (Омская гуманитарная академия)
М. С. Яницкий, д-р психол. наук, проф. (Кемеровский государственный университет)
Редакционный совет
В. Л. Кубышкин, канд. пед. наук (МВД России, Москва) — *председатель редакционного совета*
В. М. Крук, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана) — *заместитель председателя редакционного совета*
А. Г. Абдуллин, д-р психол. наук, проф. (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск)
В. Н. Александровская, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф. (Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького)
К. Андеш, д-р философии (Оборонный институт психол. исследований (ДИПР), организации оборонных исследований и разработок Министерства обороны, Индия)
М. В. Бавсун, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Т. Ю. Базаров, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Б. Б. Булатов, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
С. К. Буряков, канд. полит. наук (Омская академия МВД России)
Б. А. Вяткин, д-р психол. наук, проф. (Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
И. В. Гайдамашко, д-р психол. наук, проф. (Сочинский государственный университет)
Г. Г. Гонсалес, д-р пед. наук, доц., научный сотрудник (Университет Гранады, Испания)
А. В. Глазков, д-р психол. наук, проф. (Иркутский государственный университет)
В. А. Гусев, д-р юрид. наук, проф. (Омская академия МВД России)
Б. Ю. Дерешко, канд. юрид. наук, доц. (Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва)
В. О. Зверев, д-р ист. наук, доц. (Омская академия МВД России)
Ф. К. Зиннуров, д-р пед. наук, проф. (Казанский юридический институт МВД России)
А. Г. Караяни, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
В. Н. Коновалов, д-р пед. наук, проф. (Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск)
А. Г. Маклаков, д-р психол. наук, проф. (Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург)
С. Б. Малых, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
Н. А. Минжанов, д-р пед. наук, проф. (Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Республика Казахстан)
М. Мэтью, д-р психологии, проф. коммуникации и психологии (Оксфордский университет, США)
А. Н. Пастушеня, д-р психол. наук, проф. (Академия МВД Республики Беларусь, Минск)
В. М. Поздняков, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный психолого-педагогический университет)
А. А. Реан, д-р пед. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Руван Джаятунге, врач по психическому здоровью в армии Шри-Ланки, психотерапевт (Онтарио, Канада)
В. Ю. Рыбников, д-р психол. наук, д-р мед. наук, проф. (Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России, Санкт-Петербург)
В. Л. Ситников, д-р психол. наук, проф. (Санкт-Петербургский университет МВД России)
Р. Х. Усманов, д-р полит. наук, проф. (Астраханский государственный университет)
С. Н. Федотов, д-р психол. наук, проф. (Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя)
Б. А. Федулов, д-р пед. наук, проф. (Барнаулский юридический институт МВД России)
Н. В. Чекалева, д-р пед. наук, проф. (Омский государственный педагогический университет)
Ян Инвэнь, д-р права (Чжэцзянская академия СМИ и коммуникаций, КНР)
В. М. Ялтонский, д-р мед. наук, проф. (Московский государственный медико-стоматологический университет)

Учредитель издания: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Главный редактор **А. Ф. Караваев**. Редактирование, корректура **М. В. Виноградова**.

Компьютерная правка и верстка **М. Ю. Чалкова**. Перевод, корректура **Ю. И. Алферова**. Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии): Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России. Тел.: +7-913-971-80-28, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru, <https://pp.omamvd.ru>, <https://www.omamvd.ru>. Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись ПИ № ФС 77-74589 от 24 декабря 2018 г.

Выход в свет: 30.03.2023. Тираж 130 экз. Уч.-изд. л. 15,7. Усл. печ. л. 14,0. Заказ № 87.

Цена свободная. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Омская академия МВД России, 2023

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 28, No 1(92) 2023

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Internet Subscription
<https://www.pressa-rrf.ru>
<https://www.akc.ru>

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: juridical sciences, psychological sciences, pedagogical sciences

Editor-in-chief Aleksandr F. Karavaev — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

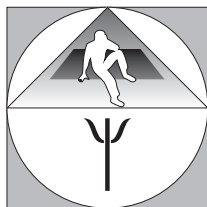
The Editorial Board

G. D. Babushkin, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor — *Assistant chief editor* (Omsk, Russia)
M. I. Mar'in, Doctor of Psychology, Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. L. Tsvetkov, Doctor of Psychology, Professor — *Assistant chief editor* (Moscow, Russia)
V. A. Adolf, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Krasnoyarsk, Russia)
I. F. Andrushchishin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Almaty, the Republic of Kazakhstan)
L. N. Antilogova, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
N. V. Astafiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Tyumen, Russia)
V. I. Barko, Doctor of Psychology, Professor (Kharkov, Ukraine)
M. Blashkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Prague, Czech)
V. V. Vahnina, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
I. V. Vachkov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vetrenko, Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
I. A. Vishnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor (Irkutsk, Russia)
H. H. Jamie, professor of Military Psychology (Kambridge, Great Britain)
S. G. Ereemeev, Candidate of Psychological Sciences, Associate-Professor (Krasnoyarsk, Russia)
M. A. Yerofeyeva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
E. V. Zautorova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Vologda, Russia)
E. R. Iskhakov, Doctor of Sciences (Medicine), Professor (Ufa, Russia)
A. Kárpava, Doctor of Social Sciences, Associate-Professor (Granada, Spain)
T. N. Kil'mashkina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
M. P. Kleymenov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. I. Kovalenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Belgorod, Russia)
V. V. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
I. O. Kotenev, Professor, Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)
O. M. Krasnoryadtseva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Tomsk, Russia)
I. B. Lebedev, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
E. I. Mescheryakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Voronezh, Russia)
E. A. Naumenko, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yugra State University, Khanty-Mansiysk)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. Ye. Petrov, Candidate of Psychological Sciences, Professor (Moscow, Russia)
O. L. Podlinyaev, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Irkutsk, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor (Tomsk, Russia)
D. S. Rudman, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Omsk, Russia)
N. N. Savina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate-professor (Novosibirsk, Russia)
N. V. Serdyuk, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Moscow, Russia)
A. N. Sukhov, Doctor of Psychology, Professor (Ryazan, Russia)
P. T. Tyurin, Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)
O. A. Ulyanina, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
A. Yu. Fedotov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
E. V. Cherniy, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Simferopol, Russia)
G. S. Chovydrova, Doctor of Psychology, Doctor of Medical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Yu. A. Sharanov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
A. S. Sharov, Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)
Ye. P. Shcherbakov, Doctor of Psychology, Professor — executive secretary (Omsk, Russia)
M. S. Yanitsky, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Kemerovo, Russia)
The Editorial Council
V. L. Kubyshko, Candidate of Pedagogical Sciences — *chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
V. M. Kruk, Doctor of Sciences (Psychology), Professor — *Assistant chairman of the editorial council* (Moscow, Russia)
A. G. Abdullin, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Chelyabinsk, Russia)
V. N. Alexandrovskaya, Doctor of Sciences (Philosophy), Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Donetsk, Russia)
K. Updesh, Ph. D. (New Dehli, India)
M. V. Bavsun, Doctor of Sciences (Law), Professor (St. Petersburg, Russia)
T. Yu. Bazarov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Moscow, Russia)
N. A. Baturin, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Chelyabinsk, Russia)
B. B. Bulatov, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, Candidate of Political Sciences (Omsk, Russia)
B. A. Vyatkin, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia)
G. G. González, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate-Professor (Granada, Spain)
A. V. Glazkov, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Irkutsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Sciences (Law), Professor (Omsk, Russia)
B. Yu. Dereshko, Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Moscow, Russia)
F. K. Zinnurov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Kazan, Russia)
A. G. Karayani, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
V. N. Konovalov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
A. G. Maklakov, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)
S. B. Malykh, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
M. Matthew, Doctor of Psychology, Professor of Communication and Psychology (New York, USA)
N. A. Minzhanov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, the Republic of Kazakhstan)
A. N. Pastushenya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Minsk, the Republic of Belarus)
Yu. F. Podlipnyak, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
V. M. Pozdnyakov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
A. A. Rean, Professor, academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)
Ruwan Jayatunge, Mental Health Doctor in Sri Lanka Army, Psychotherapist (Ontario, Canada)
V. Yu. Rybnikov, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
R. Kh. Usmanov, Doctor of Political Sciences, Professor (Astrakhan, Russia)
S. N. Fedotov, Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)
B. A. Fedulov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Barnaul, Russia)
N. V. Chekaleva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Omsk, Russia)
Yang Yingwen, Doctor of Law (Zhejiang, China)
V. M. Yaltonsky, Doctor of Medical Science, Professor (Moscow, Russia)

Founder Federal State Public Institution of Higher Education «Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

Editor-in-chief Karavaev A. F. Editor and Proofreading Vinogradova M. V. Desktop publishing Chalkova M. Yu. Translation and Proofreading Alferova Yu. I. Publisher, editorial office, graphic arts and express printing group address (printing house): Russia, 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian MIA. Tel.: +7-913-971-80-28, fax: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru>. Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration entry PI No FS 77-74589 dated December 24, 2018. Issued: 30.03.2023. Circulation: 130. Published sheets 15,7. Conventional printed sheets: 14,0. Order No 87. Any use of publication's materials is possible only with reference to the journal. © Omsk Academy of the Russian MIA, 2023

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Том 28, № 1(92) 2023

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Интернет-подписка
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

Шаранов Ю. А., Курган В. В.

Психологические риски сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности, и угрозы их безопасности 6

Зауторова Э. В. Психологическая

устойчивость сотрудников, несущих службу с оружием, в зависимости от выслуги лет в уголовно-исполнительной системе 15

Забегалина С. В., Кильмашкина Т. Н.

Личностные характеристики офицера и особенности восприятия его образа в представлениях военнослужащих 21

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОНАРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

Антилогова Л. Н., Евтихов О. В. Девиантность подростков и их жизненные ориентиры. 28

Белодед Д. Р., Енгальчев В. Ф., Корзунин В. А.,

Духновский С. В. Психологическая модель выявления потенциальных скулшутеров в цифровой образовательной среде 34

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

Евдокимов В. Б., Немировский В. А.

Проблемы восприятия антикоррупционного плаката 41

Ильин А. Н. Психологическая манипуляция

в рекламе как фактор изменения сознания в обществе потребления 49

Абдуллин А. Г., Тумбасова Е. Р., Кукар У. Ю.

Психологические последствия пандемии COVID-19 58

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ходякова Н. В., Гриценко Л. Л., Гордеева Е. Н.

Педагогические проблемы развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел и возможные варианты их решения 65

Шмачилина-Цибенко С. В., Котлярова Т. С.

Организация самостоятельной работы обучающихся в условиях использования дистанционных образовательных технологий 73

Минзянова Д. Ф., Фарахiev Д. М., Лазарева И. Ю.

Повышение антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России 83

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Южанин В. Е., Горбань Д. В., Бабаян С. Л.

Критерии степени исправления осужденных к лишению свободы: постановка проблемы 89

Кожевников В. В., Зверев В. О.,

Войнаровская Л. И. Виды правосознания в правоведении и возможная их деформация. 97

Мазунин Я. М., Мазунин П. Я.

Тактика предъявления для опознания людей (психологический аспект). 103

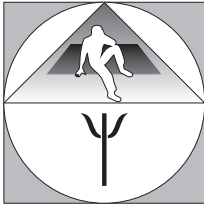
Борков В. Н. Наказание в дореволюционном,

советском и современном уголовном праве России: движение к антикриминальной консолидации общества 110

Бучакова М. А., Грязнова Т. Е.

Институт гражданства: вопросы теории и правоприменительной практики 115

Информация для авторов 120

PSYCHOPEDAGOGY IN LAW ENFORCEMENT

Volume 28, No 1(92) 2023

Has been published quarterly since May 1995

ISSN 1999-6241 (Print)
ISSN 2619-1180 (Online)
<https://pp.omamvd.ru>
Internet Subscription
<https://www.pressa-rf.ru>
<https://www.akc.ru>

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

MORALLY-PSYCHOLOGICAL, PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

- Sharanov Yu. A., Kurgan V. V.**
Psychological Risks for Police Officers Conducting
Post-Penitentiary Control of Crime
and Threats to their Security 6
- Zautorova E. V.** Psychological Stability of Armed
Employees on Duty according to the Term of Service
in the Penal-Executive System 15
- Zabegalina S. V., Kilmashkina T. N.**
Personal Characteristics of an Officer
and the Perception of his Image
by the Military Personnel. 21

PSYCHOLOGY OF DELINQUENT BEHAVIOUR

- Antilogova L. N., Evtikhov O. V.**
Juveniles' Deviance and Life Orientations 28
- Beloded D. R., Engalychev V. F., Korzunin V. A.,
Dukhnovsky S. V.** Psychological Model
for Revealing Potential School Shooters
in a Digital Educational Environment. 34

PSYCHO-CORRECTION AND REGULATION OF STATES

- Evdokimov V. B., Nemirovskiy V. A.**
Problems of Perception
of an Anti-Corruption Poster 41
- Ilyin A. N.** Psychological Manipulation
in Advertising as a Factor of Consciousness
Change in Consumer Society 49
- Abdullin A. G., Tumbasova E. R., Kukar U. Yu.**
Psychological Consequences
of COVID-19 Pandemics 58

PEDAGOGICAL SCIENCES

GENERAL PEDAGOGY. THEORY AND METHODS OF PROFESSIONAL EDUCATION

- Khodyakova N. V., Grishchenko L. L., Gordeeva E. N.**
Pedagogical Problems related to Development
of Law Enforcement Officers' Aesthetic Culture
and their Possible Solutions. 65
- Shmachilina-Tsibenko S. V., Kotlyarova T. S.**
Organization of Students' Self-Study Work with
the Use of Distance Educational Technologies 73
- Minzyanova D. F., Farakhiev D. M., Lazareva I. Yu.**
Improving the Anti-Corruption Culture
of Students of Educational Organizations
in the System of the Russian Ministry
of Internal Affairs. 83

JURIDICAL SCIENCES

GENERAL THEORETICAL AND BRANCH-RELATED ISSUES OF JURIDICAL SCIENCE AND PRACTICE

- Yuzhanin V. E., Gorban' D. V., Babayan S. L.**
Criteria for the Degree of Correction
of the Imprisoned Convicts: Setting the Problem 89
- Kozhevnikov V. V., Zverev V. O., Voynarovskaya L. I.**
Types of Legal Consciousness in Jurisprudence
and their Possible Deformation 97
- Mazunin Ya. M., Mazunin P. Ya.** Tactics
of Presenting Persons for Identification
(Psychological Aspect) 103
- Borkov V. N.** Punishment in Pre-Revolutionary,
Soviet and Modern Russian Criminal Law:
towards Anti-Criminal Consolidation of Society 110
- Buchakova M. A., Gryaznova T. E.** Institute
of Citizenship: Issues of Theory
and Law Enforcement Practice 115
- Information for authors** 120

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Morally-psychological and professional training and reliability

Научно-теоретическая статья

УДК 159.9 © Ю. А. Шаранов, В. В. Курган, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-6-14

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Психологические риски сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности, и угрозы их безопасности

Юрий Александрович Шаранов¹, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии; niospba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

Вероника Викторовна Курган¹, адъюнкт кафедры юридической психологии;

v.kurgan@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1616-1103>

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1, Россия

Реферат

Введение. Исследуются вопросы риска и угроз психологической безопасности сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности на территории, где концентрируются исправительные учреждения. Цель — выявление социально-криминологических особенностей пенитенциарной местности как источника возникновения рисков и угроз безопасности сотрудников полиции при осуществлении постпенитенциарного контроля. **Материалы и методы.** Использовались материалы отечественного и зарубежного законодательства, монографий и научных публикаций. В качестве основных методов исследования применялись контент-анализ, анализ статистических данных, классификация и сравнительный анализ собранной информации. **Результаты и обсуждение.** Раскрываются социально-криминологические особенности пенитенциарной местности, источники и механизмы профессиональной виктимности, психологическая устойчивость сотрудников полиции как феномен жизнестойкости. Классифицируются виды угрожающих ситуаций по степени опасности для сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности на территории концентрации исправительных учреждений. Изучаются основные негативные психические состояния лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений, как фактор возникновения рисков и угроз психологической безопасности сотрудников полиции. Проводится анализ зарубежного опыта службы пробации в области психологического обеспечения сотрудников специального надзорного органа. **Выводы.** От состояния постпенитенциарного контроля преступности в пенитенциарной местности во многом зависит уровень рецидивной преступности как наиболее опасного для национальной безопасности общества криминального феномена. В процессе осуществления постпенитенциарного контроля преступности сотрудники полиции, а также их родные и близкие находятся в состоянии психологической опасности. Постоянно действующие неблагоприятные социально-криминологические факторы пенитенциарной местности диктуют необходимость в высокой психологической устойчивости и жизнестойкости сотрудников полиции.

Ключевые слова: риск, угроза, психологическая безопасность, постпенитенциарный контроль, пенитенциарная местность, психическая устойчивость, профессиональная виктимность, психические состояния

Благодарности: В. В. Курган выражает благодарность коллективу кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Для цитирования: Шаранов Ю. А., Курган В. В. Психологические риски сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности, и угрозы их безопасности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 6–14. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-6-14>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © Yu. A. Sharanov, V. V. Kurgan, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-6-14

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Psychological Risks for Police Officers Conducting Post-Penitentiary Control of Crime and Threats to their Security

Yury A. Sharanov¹, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Science in Psychology, Professor, Professor at the chair of Legal Psychology; niospba@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>

Veronika V. Kurgan¹, post-graduate student at the chair of Legal Psychology; v.kurgan@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1616-1103>

¹ St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 1 Pilyutov st., St. Petersburg, 198206, Russia

Abstract

Introduction. The article considers issues of risks and threats to psychological security of police officers conducting post-penitentiary control of crime in the area where correctional institutions are located. The objective is to reveal social criminological peculiarities of the penitentiary location as the source of risks and threats to security of police officers conducting post-penitentiary control. **Materials and Methods.** The authors study materials of domestic and foreign legislation, monographs and scientific publications. Content analysis, analysis of statistical data, classification and comparative analysis of the collected data are employed as the primary research methods. **Results and Discussion.** The paper reveals social criminological features of the penitentiary location, sources and mechanisms of professional victimization, psychological stability of police officers as the phenomenon of life resilience. Types of threatening situations are classified according to the degree of danger for the police officers who conduct post-penitentiary control over crime in the area with correctional institutions. The researchers examine the main negative mental states of persons released from penitentiary facilities as the factor of risks and threats to psychological security of police officers. Under analysis is the foreign experience of probation service in the field of psychological maintenance of officers of a special supervisory body. **Conclusions.** The level of crime recidivism, as the most dangerous criminal phenomenon for national security of the society, largely depends on the state of post-penitentiary control over crime in the penitentiary location. Carrying out post-penitentiary control over crime police officers are under psychological threat as well as their relatives. Constant unfavourable social criminological factors of the penitentiary area require from police officers a high level of psychological stability and life resilience.

Keywords: risk, threat, psychological security, post-penitentiary control, penitentiary location, mental stability, professional victimization, mental states

Acknowledgments: V. V. Kurgan is grateful to the staff of the chair of Legal Psychology of the St. Petersburg University of the Russian Ministry of Internal Affairs.

Citation: Sharanov Yu. A., Kurgan V. V. Psychological Risks for Police Officers Conducting Post-Penitentiary Control of Crime and Threats to their Security. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 6–14 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-6-14>

Основные положения

1. Постоянно действующим неблагоприятным социально-криминологическим фактором пенитенциарной местности является проживание освобожденных из мест лишения свободы лиц на территории обслуживания территориального органа МВД России. Из чувства мести агрессия бывших осужденных может быть направлена на сотрудников полиции. Поэтому при осуществлении постпенитенциарного контроля преступности сотрудники полиции находятся в состоянии психологической опасности.

2. Психологическая устойчивость (стабильность) как феномен жизнестойкости является наиболее важным психическим образованием, определяющим готовность личности сотрудника полиции к возможным угрожающим ситуациям, обусловленным социально-криминологическими особенностями пенитенциарной местности.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность темы определяется высокой социальной значимостью обеспечения общественной безопасности граждан, проживающих в постпенитенциарной местности, а также необходимостью профилактики рисков и угроз безопасности сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности. Как правило, сотрудники полиции при несении оперативной службы, подвергаются повышенным рискам и угрозам личной безопасности, особенно в регионах, где концентрируются исправительные учреждения. Такие угрозы и риски в первую очередь исходят от лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, имеющих непогашенную либо снятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. В отношении этих граждан Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ¹,

¹ Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а также приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818² вводится административный надзор как форма постпенитенциарного контроля.

Рецидивная преступность — наиболее опасный, действительно угрожающий национальной безопасности криминальный феномен, вызывающий обоснованное беспокойство государства, — объективно требует особого правоохранительного контроля [1]. Вместе с тем опыт правоохранительных органов по противодействию и профилактике проявлений рецидивной преступности показывает, что сотрудники полиции при осуществлении постпенитенциарного контроля, несмотря на предпринимаемые меры защиты, наиболее уязвимы для совершения противоправных действий со стороны лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Как правило, объектом негативных психических воздействий бывших осужденных по-прежнему остается сотрудник полиции.

Личность бывшего осужденного под влиянием пройденного жизненного пути, экстремальных условий и обстоятельств после освобождения из пенитенциарного учреждения сохраняет разбалансированность в системе «человек — среда». Дефицит психических или физических ресурсов реадaptации осужденных выступает источником тревоги, связанным с ожиданием отрицательных событий и плохими предчувствиями, одним из механизмов эмоционального стресса и фрустраций [2]. Опыт оперативно-служебной деятельности показывает, что изменения психического состояния и поведения осужденных после освобождения из мест лишения свободы чаще всего повышают риск совершения повторных преступлений, в том числе в отношении сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль. Поэтому от правильной оценки ситуации и профессионально оправданных действий сотрудника полиции во многом зависит его собственная безопасность.

Психологическое сопровождение сотрудника полиции в постпенитенциарной области организуется на основе универсальных принципов, которые не учитывают в полной мере радикальные изменения в конфигурации рисков и угроз безопасности. Точно так же в структуре опыта многих сотрудников могут отсутствовать образы опасностей пенитенциарной местности, их понимание и трактовка, а также психологическая готовность правильной реакции на реальные и потенциальные угрозы. В результате наблюдаются ошибки в служебном поведении сотрудников, а также явления некомпенсируемого перенапряжения их психики, снижение функциональной активности [3], нарушение процесса непрерывного профессионального контроля за потенциальной рецидивной преступностью бывших осужденных.

Цель — выявление социально-криминологических особенностей пенитенциарной местности как источника возникновения рисков и угроз безопасности сотрудников полиции при осуществлении постпенитенциарного контроля.

Теоретические предпосылки и степень разработанности проблемы. Проблеме рисков и угроз личной безопасности при осуществлении сотрудниками органов внутренних дел постпенитенциарного контроля посвящено относительно небольшое количество публикаций. Преимущественно проблема рисков и угроз личной безопасности сотрудников органов внутренних дел изучалась в контексте экстремальной психологии. Так, результаты исследований, научный анализ и обобщение практического опыта специалистов опасных профессий представлены в трудах А. А. Деркача, В. Г. Зазыкина [4–6], Ю. М. Забродина [6], А. Г. Караяни [7], К. В. Карпинского [8], В. И. Лебедева [9], В. А. Пономаренко [10] и др. Практическая значимость многочисленных научных исследований в области экстремальной психологии состоит в создании и оптимизации условий для совершенствования профессиональной деятельности, поддержания профессионального здоровья и долголетия представителей профессий особого риска. Военный психолог А. Г. Караяни в своих публикациях подчеркивал, что одной из отличительных сторон служебной деятельности является высокая психологическая цена субъектов труда (объективируется в переживании опасности, неизвестности, новизны деятельностных обстоятельств, ответственности, психической напряженности, стресса, утомления), так как для ее реализации необходимо действовать исключительно предписанными приемами в обстановке противодействия экстремальных факторов [7, с. 24].

Вопросы психологии профессиональной безопасности сотрудников правоохранительных органов в экстремальных условиях деятельности рассматриваются в научных трудах И. И. Пацакула [11], Д. В. Сочивко [12], А. М. Сергеевой [13] и др. По мнению большинства авторов, обеспечение психологической безопасности профессиональной деятельности сотрудников представляет собой перспективное направление дальнейшего совершенствования психологического сопровождения профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Более того, подчеркивается необходимость учитывать уровень нервно-психической стрессоустойчивости и потенциал психической адаптации кандидатов для прохождения службы уже на стадии профессионального отбора.

В области пенитенциарной психологии накоплен значительный научный опыт психологической и воспитательной работы с осужденными. В том числе имеются

² О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

специальные исследования административного надзора как формы постпенитенциарного контроля (В. А. Королев [14], Д. В. Кураков [15], В. И. Холманский [16]). Основной задачей административного надзора, по мнению В. И. Холманского, является профилактика правонарушений среди поднадзорных лиц, формирование у них законопослушного поведения, что достигается, прежде всего, профилактическими беседами с такими лицами, разъяснительной работой, наблюдением за их поведением [16, с. 546]. Однако специфические риски и угрозы психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности, в качестве самостоятельной научной проблемы в юридической психологии еще не исследовались.

Изучение зарубежной литературы показало, что ведущими тенденциями развития профилактики преступного поведения в США и странах Западной Европы являются следующие: ориентация на профилактические и реабилитационные мероприятия по отношению к осужденным без изоляции их от привычной социокультурной среды [17; 18]; стимулирование гражданской активности в этой сфере; проведение психолого-профилактических мероприятий в зависимости от уровня риска повторных правонарушений [19]. Анализ практики сопровождения заключенных после их освобождения позволяет констатировать, что существует действенный механизм контроля за спецконтингентом со стороны сотрудников службы пробации³ и иных организаций, а также оказания помощи лицам, находящимся в условиях испытания (надзора) в течение срока, определяемого судом при назначении им условно-досрочного освобождения [20]. Заслуживает внимания опыт работы службы пробации Великобритании. Так, перед началом работы с лицами, ранее вступавшими в конфликт с законом, проверяют вероятность совершения ими повторного преступного деяния, а также измеряют возможные риски и угрозы личной безопасности при работе с данной категорией граждан. Психологическое обеспечение подготовки сотрудников службы пробации для работы с заключенными на современном этапе предусматривает разнообразные программы и курсы повышения квалификации, которые позволяют проводить обучение методам распознавания людей, имеющих психические дефекты. По специально разработанному учебному пособию и видеофильму обучаются офицеры полиции, которые служат в местах лишения свободы. Они получают знания о способах идентификации различных типов поведения,

свойственного людям с психическими аномалиями, и соответствующих методов реагирования на такое поведение [21].

В России подготовлен закон о службе пробации для сопровождения бывших осужденных, который может быть принят уже к середине 2023 г.⁴ В настоящее время некоторыми обязанностями указанной службы пробации наделены сотрудники полиции, осуществляющие в условиях психологического риска и угрозы безопасности постпенитенциарный контроль преступности.

При этом риск как неопределенное последствие действия лица имеет статус межотраслевого научного объекта исследований многих социальных и правовых наук. Внимание исследователей в основном сосредоточено не на психологической, а на социальной стороне риска, его проявлениях в обществе. В частности, социально-философский подход в исследовании рисков связан с акцентуацией внимания на прогностической способности, которая позволяет субъекту предвосхищать опасения ожидания и по возможности влиять на формирование образа желаемого будущего. Следует отметить, что прогностический опыт авторами интерпретируется как систематизированная совокупность разнообразных знаний и специальной деятельности, направленных на получение, осмысление и оформление информации о будущем, продуцированной социокультурными прогностическими практиками [22]. В данной трактовке прогностический опыт предстает в качестве атрибута сложной деятельности не отдельного, а, скорее всего, коллективного субъекта или самостоятельного социального института. Точно так же и гуманитарное измерение рисков в контексте социологического и институционального подходов преследует цели минимизации рисков, прежде всего социальных [23–25], в рамках концепции «общество риска» [26].

В психологии термин «риск» приобретает особое значение, так как это «ситуативная характеристика деятельности, состоящая в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствиях в случае неуспеха»⁵. Именно с точки зрения неопределенности ситуации оперативно-служебной деятельности и возможного недостижения ее цели, а также перерастания негативных последствий в фактор угрозы для психического здоровья в случае неуспеха мы и рассматриваем феномен риска⁶.

В юридической психологии риск является объективной составляющей профессиональной деятель-

³ Служба пробации существует в некоторых странах как форма условного осуждения, когда вместо лишения свободы осужденный направляется на определенный срок под надзор специальных органов.

⁴ Информационное агентство «Вести.ру», 31.01.2022. URL: <https://www.vesti.ru/article/2670634> (дата обращения: 20.10.2022).

⁵ Большой толковый психологический словарь / сост. Ребер Артур (Penguin); пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. М., 2000. С. 386.

⁶ Степанов В. Р. Основы теории принятия решений для гуманитарных специальностей: учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. и доп. Чебоксары, 2009. 184 с.

ности сотрудников полиции, что предопределяет необходимость осуществления специальных мероприятий различной направленности в целях снижения такого риска до минимально возможного предела [27].

Другими словами, риск — это действие (поступок), выполняемое в условиях выбора, когда существует опасность в случае неудачи оказаться в худшем положении, чем до выбора [28, с. 150].

Согласно требованиям Федерального закона «О полиции»⁷ перед сотрудниками стоят задачи обеспечения безопасности интересов общества и каждого гражданина в отдельности, что может заключать в себе определенную долю противоречия. Представляется трудным или невозможным в ряде критических случаев обеспечить одновременную безопасность того и другого. Может возникнуть драматическая ситуация, когда нужно делать выбор, жертвовать либо безопасностью общества, либо жизнью (здоровьем) человека, т. е. необходимость обеспечения интересов общества и государства становится угрозой безопасности конкретных людей. Риски надежности системы обеспечения общественной безопасности будут определяться готовностью личности пожертвовать безопасностью своей собственной жизни или собственного здоровья ради безопасности общества и отдельного гражданина.

Негативное отношение преступников к праву как социальной и инструментальной ценности, а также к нормативному порядку неизбежно приводит к расширению потенциала непрогнозируемых и неконтролируемых видов угроз и опасностей в различных сферах общественной жизни, в том числе в сфере субъективного права на защиту субъектом самостоятельно своей жизни и здоровья в ситуации опасности [29].

Угрозой безопасности называют совокупность условий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба, вреда жизненно важным интересам или самому существованию личности, организации, общества, государства. Угроза — это потенциальная возможность, осязаемая вероятность возникновения бедствия, крупных потерь, переживания горя, физической и психологической боли и страдания [30, с. 223].

В юридической психологии безопасности личности центральным является понятие «опасность» — результат воздействия на сознание сотрудника полиции стресс-факторов, а именно: поведения правонарушителей, действия стихийных сил природы, аварии или катастрофы, которые могут причинить ему физический или психологический вред, привести к несчастному

случаю и, возможно, гибели. Как правило, осознание опасности сопровождается сильными эмоциональными переживаниями сотрудника и отрицательными психическими состояниями⁸.

В деятельности сотрудников полиции постоянно присутствуют риск и опасность, поэтому формирование культуры безопасности является одной из приоритетных задач органов внутренних дел.

Материалы и методы

Использовались материалы отечественного и зарубежного законодательства в области осуществления постпенитенциарного контроля преступности, результаты диссертационных исследований психологических рисков и угроз безопасности сотрудников органов внутренних дел, монографии и научные публикации, раскрывающие особенности негативных психических состояний лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В качестве основных методов исследования применялись контент-анализ, классификация и сравнительный анализ собранной информации. С помощью статистического анализа и обработки данных изучено состояние оперативно-служебной обстановки пенитенциарной местности Амурской области. Методом классификации систематизированы основные виды угроз и рисков в деятельности сотрудников полиции в пенитенциарной местности.

Результаты и обсуждение

Социально-криминологические особенности пенитенциарной местности. Особый криминальный статус территорий, на которых концентрируются пенитенциарные учреждения, подтверждают результаты исследования Российского информационного агентства «Рейтинг». Так, Амурская область, на территории которой располагаются пять пенитенциарных учреждений, в том числе одна колония строгого режима, по итогам оперативно-служебной деятельности полиции за январь – сентябрь 2022 г. признана «самым опасным для жизни регионом». За девять месяцев 2022 г. в Амурской области было зарегистрировано 161,8 преступления на 10 тыс. населения. Кроме того, Приамурье лидирует и по количеству тяжких и особо тяжких преступлений: 43 на 10 тыс. жителей⁹.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы Амурской области по состоянию на 9 марта 2022 г. содержалось 3213 человек, на учете 18 филиалов уголовно-исполнительной инспекции состояли 5304 человека, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества¹⁰. Постоянно действующим неблагоприятным фактором пенитенциарной местности является именно проживание освобожден-

⁷ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Шаранов Ю. А. Психология безопасности : учеб. пособие. СПб., 2021. 96 с.

⁹ Официальный сайт УИС по Амурской области, 09.03.2022. URL: <https://28.fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁰ Издательство 2x2, публикация от 31.10.2022. URL: <https://2x2.su/news/society/amurskaya-oblast-stala-samym-kriminalnym-regionom-v-2022-godu.html> (дата обращения: 05.11.2022).

денных из мест лишения свободы лиц на территории обслуживания территориального органа МВД России. Многие из тех, кто отбыл наказание, могут замысливать тяжкие преступления, продолжать преступную деятельность, вовлекать определенные группы населения, прежде всего молодежь, в преступные группировки, тем самым усиливая влияние криминальной субкультуры на общество. Ввиду отсутствия прочных и устоявшихся жизненных принципов и стратегий, позитивных социальных установок бывшие преступники подвержены влиянию неформальных группировок отрицательной социальной направленности, входящих в пенитенциарное сообщество, имеющих непосредственную власть и силу в регионе [31].

В процессе реадaptации у бывших преступников по-прежнему остается высоким уровень тревоги, преобладают низкая самооценка, импульсивность и вспыльчивость, неспособность побороть вспышки агрессии, затрудненное усвоение требований правовых и нравственных институтов, низкий коммуникативный потенциал, сложный механизм адаптации к новым условиям [32]. Проявления приобретенных в процессе отбывания наказания негативных психических и психологических состояний они способны после освобождения направить на стигматизирующее их общество. Из чувства мести агрессия бывших осужденных может быть адресована сотрудникам полиции. Поэтому при осуществлении постпенитенциарного контроля преступности сотрудники полиции находятся в состоянии психологической опасности — риска оскорблений, унижений, а также преследования со стороны криминальных элементов.

Риски и угрозы психологической безопасности сотрудников. Такое психическое воздействие, как угроза применения насилия в отношении сотрудника полиции, может быть сосредоточено на членах его семьи и родственниках. Способ выражения угрозы может быть устным, письменным, осуществляться с помощью социальных сетей.

Социально-криминологическая обстановка является основным источником рисков и угроз безопасности жителей региона, а также оказывает дополнительное негативное воздействие на морально-психологическое состояние сотрудников полиции, осуществляющих профилактику рецидивной преступности среди лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений.

Угрожающими (опасными) ситуациями в деятельности сотрудников полиции в пенитенциарной местности, исходя из анализа опыта служебной деятельности, а также анализа научных источников по данной проблематике, выступают опасные явления террористической, экстремистской направленности, криминального характера — массовые беспорядки, разбои, грабежи [33], а также связанные с поведением

рецидивистов (как правило, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического опьянения, имеющих психические заболевания), представляющим угрозу для окружающих лиц; ситуации, требующие оказания первой доврачебной помощи бывшим осужденным, склонным к аддиктивному и суицидальному поведению; угрозы комплексного или гибридного характера, предполагающие наступление сразу нескольких видов опасных явлений.

Все указанные риски и угрозы можно классифицировать по критерию их наибольшей опасности. Так, проявления террористической направленности занимают первое место, следом идут угрозы экстремистского характера, затем криминальные факторы, преступное, аддиктивное и суицидальное поведение ранее совершавших преступления лиц, далее комплексные или гибридные угрозы, предполагающие наступление сразу нескольких видов опасных явлений.

Каждый вид опасностей включает в себя общие и специфические источники и механизмы негативного воздействия на психическое состояние граждан и сотрудников полиции. Так, опасность террористического акта, исходящая от ранее судимых лиц, «живущих по соседству», вызывает такие психические состояния, как тревога, страх, стресс и депрессия; угрозы криминального характера порождают состояния повышенной профессиональной тревожности, психической напряженности, фрустрации, агрессии, невроза; опасные явления, связанные с аддиктивным и суицидальным поведением лиц, ранее совершавших преступления, могут спровоцировать состояния аффекта и страха; угрозы комплексного или гибридного характера — сразу несколько видов негативных психических состояний.

В Амурской области в период с января по ноябрь 2022 г. зарегистрировано 11 преступлений, связанных с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, публичным оправданием терроризма или пропагандой терроризма, 9 из них совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, поэтому раскрываемость данного вида преступлений находится на предельно низком уровне ввиду сложности идентификации преступника в киберсреде. Однако известно, что все установленные лица, виновные в совершении преступлений террористической направленности, ранее вступали в конфликт с законом.

Статистика подтверждает и существование опасных явлений криминального характера, а также угроз, связанных с преступным и аддиктивным поведением лиц данной категории на территории области: 24,6% грабежей и 58,6% разбойных нападений совершены лицами, ранее вступавшими в конфликт с законом, в том числе ранее судимыми за подобные преступления. Кроме того, каждый второй из них в мо-

мент совершения преступлений находился в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Особое место в статистике преступлений в Амурской области занимают преступления против сотрудников полиции. Так, за 10 месяцев 2022 г. зарегистрировано 105 преступлений, совершенных в отношении сотрудников полиции, связанных с посягательством на их жизнь (ст. 317 УК РФ), применением насилия в отношении представителя власти — 62,8% (ст. 318 УК РФ) и публичным оскорблением — 34,2% (ст. 319 УК РФ). Вышеуказанные преступления в основном совершили граждане, ранее вступавшие в конфликт с законом, — 55,2%, из них 32,7% ранее отбывали наказание в виде лишения свободы в пенитенциарном учреждении. Половину таких преступлений совершили лица в состоянии алкогольного опьянения.

Приведенная статистика подтверждает, что состояние угрозы психологической безопасности сотрудников полиции и тенденция к развитию профессиональной виктимности вызываются именно социально-криминологическими особенностями пенитенциарной местности. При этом профессиональная виктимность является комплексным психологическим образованием субъекта деятельности, который находится в ситуации риска для жизни и здоровья, содержащей в себе реальную угрозу стать жертвой преступления, получить ущерб в виде определенных потерь физического, психологического или материального плана. Для профилактики профессиональной виктимности необходимо проводить в подразделении органов внутренних дел специальные воспитательные мероприятия и оказывать сотрудникам психологическую помощь.

Постоянное присутствие подобного рода рисков и угроз психологической безопасности, как правило, вызывает у сотрудников полиции, осуществляющих оперативно-служебную деятельность в пенитенциарной местности, различные по степени выраженности стрессовые расстройства (острое, посттравматическое), перманентное чувство рассеянности, неуверенности, сомнения в принятии решения или отказ от принятия решения, утрату контроля над обстоятельствами. Все эти негативные психические состояния сотрудников выступают почвой для появления признаков психологической дезадаптации, влияющей на оперативность и обоснованность принятия решения в опасной ситуации.

В связи с этим особые требования предъявляются к психологической устойчивости, или психической надежности, полицейских.

Психическая устойчивость полицейских к психологическим рискам и угрозам. Именно психологическая устойчивость (стабильность) как феномен жизнестойкости представляется наиболее важным психическим образованием, определяющим готовность личности

сотрудника полиции к возможным угрожающим ситуациям, обусловленным социально-криминологическими особенностями пенитенциарной местности.

Под психологической устойчивостью в смежных с психологией науках понимают сочетание природных способностей и приобретенных навыков поведения, позволяющих личности нормально функционировать при различных видах возмущений (флуктуаций) среды. В этом смысле близким к психологической устойчивости понятием является психологическая стабильность как совокупность устойчивостей к длительно действующим возмущающим факторам. Синтез устойчивостей и стабильности в контексте психологической теории позволяет вести речь о феномене жизнестойкости как способности человека защититься от возможных угроз и умении создавать для себя и окружающих психологически безопасную, благоприятную среду [34].

Восприятие и осознание сотрудниками полиции опасной ситуации в пенитенциарной местности как профессионально-адекватной, угрожающей или стрессовой, а также психологическая готовность к встрече с ней зависят от стиля поведенческого реагирования.

В публикациях представителей теорий поведенческой психологии подчеркивается корреляция социально типичных отношений личности с мотивами деятельности, а также роль отношений, наряду со свойствами нервной системы и темперамента, в формировании индивидуального стиля деятельности. Тем самым подразумевается, что активность личности и эффективность ее деятельности невозможны без индивидуального стиля: каждый субъект обладает своим индивидуальным стилем деятельности [33]. Вместе с тем когнитивные механизмы, эмоционально-волевые, мотивационно-ценностные, функциональные аспекты психики, образующие индивидуально-стилевое выражение процессов восприятия и осознания комплексных угроз при осуществлении постпенитенциарного контроля на территории концентрации исправительных учреждений, проявляют себя индивидуально.

Психологическое преодоление опасной ситуации и снижение виктимности сотрудников во многом обуславливаются уровнем их психологической подготовленности, способностью выбирать эффективные стратегии взаимодействия с лицами, ранее вступавшими в конфликт с законом, в том числе ранее судимыми за преступления, а также сформированной установкой на безопасную деятельность.

Следует подчеркнуть, что одной из перспективных научных задач, стоящих перед юридической психологией, является обоснование системы психологического обеспечения и профилактики угроз психологической безопасности сотрудников полиции, адекватной сложности деятельности постпенитенциарного контроля преступности.

Теоретические и практические положения о психологических рисках и угрозах безопасности сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности на территории пенитенциарной местности, могут стать основой для создания системы превенции и профилактики актуальной и потенциальной опасности, исходящей от лиц, ранее вступавших в конфликт с законом. Анализ существующей постпенитенциарной практики и соответствующих публикаций в области научной психологии доказывает необходимость разработки рекомендаций при подготовке нормативных правовых актов об организации оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России, оперативная обстановка в зоне обслуживания которых характеризуется рецидивным потенциалом ввиду территориального расположения пенитенциарных учреждений.

Выводы

1. Проведенный статистический анализ оперативной обстановки, складывающейся в пенитенциарной местности Амурской области, подтверждает, что особенности социально-криминологической обстановки являются основным источником рисков и угроз безопасности сотрудников полиции, осуществляющих профилактику рецидивной преступности среди лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений.

2. Угрожающими, опасными ситуациями в деятельности сотрудников полиции в пенитенциарной местности выступают явления террористической, экстремистской направленности; криминального характера; связанные с аддиктивным поведением рецидивистов, с необходимостью оказания первой доврачебной помощи бывшим осужденным, склонным к аддиктивному и суицидальному поведению; комплексные или гибридные угрозы.

3. Постоянное присутствие рисков и угроз психологической безопасности вызывает у сотрудников

полиции, осуществляющих оперативно-служебную деятельность в пенитенциарной местности, различные по степени выраженности стрессовые расстройства (острое, посттравматическое), перманентное чувство рассеянности, неуверенности, сомнения в принятии решения или отказ от принятия решения, утрату контроля над обстоятельствами. Все эти негативные психические состояния сотрудников выступают почвой для появления признаков психологической дезадаптации, влияющей на оперативность и обоснованность принятия решения в опасной ситуации, и, как следствие, вызывают развитие профессиональной виктимности.

4. Для снижения профессиональной виктимности сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности, необходимо создать программу их психологического обеспечения с учетом особенностей проявления у сотрудников психических состояний и психической устойчивости к психологическим рискам и угрозам.

5. Снижение виктимности сотрудников во многом обуславливается уровнем их психологической подготовленности и способностью выбирать эффективные стратегии взаимодействия с лицами, ранее вступавшими в конфликт с законом, в том числе ранее судимыми за преступления, а также сформированной установкой на безопасную деятельность.

Перспективы. Планируется проведение эмпирического исследования состояния психической устойчивости сотрудников полиции, осуществляющих постпенитенциарный контроль преступности на территории концентрации исправительных учреждений Амурской области, и уровня осознания ими опасных явлений. Возникает необходимость в исследовании общих закономерностей функционирования различных стилей деятельности и совершенствовании системы психологического обеспечения сотрудников полиции в условиях постпенитенциарных угроз.

Список источников

1. Наумов Е. В. Постпенитенциарный контроль и надзор в системе предупреждения рецидива преступлений: постановка проблемы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1(80). С. 129–131.
2. Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Особенности психологической защиты у осужденных в местах лишения свободы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 4(87). С. 398–403. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-4-87-398-403>.
3. Меркушева О. В. Атрибутивные технологии познания опасных явлений в деятельности сотрудников полиции на транспорте : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2020. 188 с.
4. Деркач А. А., Зазыкин В. Г. Профессиональная деятельность в особых и экстремальных условиях (психолого-акмеологические основы). М., 1998. 249 с.
5. Зазыкин В. Г., Кандыбович С. Л., Секач М. Ф., Смутьский С. В. Психическая устойчивость человека в особых и экстремальных условиях деятельности : монография. М., 2015. 727 с.
6. Забродин Ю. М., Зазыкин В. Г. Основные направления исследований деятельности оператора в особых и экстремальных условиях // Психологические проблемы деятельности в особых условиях : сб. мат.-лов. М., 1985. С. 5–17.
7. Караяни А. Г. Теоретические основы психологического обеспечения служебной деятельности // Юридическая психология. 2013. № 3. С. 22–26.
8. Карпинский К. В. Жизнедеятельность как форма активности субъекта жизни // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, Вып. 1. С. 184–202.
9. Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях. М., 1989. 304 с.

10. Пономаренко В. А. Психология человека опасной профессии (концепция опасной профессии) // Психологические основы профессиональной деятельности : хрестоматия. М., 2007. С. 225–230.
11. Пацакула И. И. Психология профессиональной безопасности сотрудников спецподразделений правоохранительных органов в экстремальных условиях деятельности (на материале исследования индивидуальной профессиональной безопасности) : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. 216 с.
12. Сочивко Д. В. Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 355 с.
13. Сергеева А. М. Психология безопасности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 1(6). С. 99–102.
14. Королев В. А., Швыркин А. А. Административный надзор как форма постпенитенциарного контроля за осужденными // Преступление, наказание, исправление: (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): III междунар. пенитенциарный форум : сб. тез. в 8 т. Рязань, 21–23 ноября 2017 г. Рязань, 2017. Т. 7. С. 168–174.
15. Кураков Д. В. Административный надзор в деятельности полиции : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2012. 188 с.
16. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Некоторые проблемы законодательного регулирования прав поднадзорных лиц и полномочий территориальных органов МВД России при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2022. С. 544–549.
17. Cohen T. H., Cook D., Lowenkamp C. T. The supervision of low-risk federal offenders: how the low-risk policy has changed federal supervision practices without compromising community safety. *Federal Probation journal*. 2016. Vol. 80, No. 1. Pp. 3–11.
18. Toronjo H. A Corrections Workforce for the 21st Century. *Federal Probation journal*. 2019. Vol. 83, No. 1. Pp. 3–7.
19. Andrews D. A., Dowden C. The Risk-Need-Responsivity Model of assessment and human service in prevention and corrections: Crime-Prevention jurisprudence. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*. 2008. № 4. Pp. 369–404. <https://doi.org/10.3138/cjccj.49.4.439>.
20. Поздняков В. М. Востребованность психологов при создании в России службы пробации // Человек: преступление и наказание. 2011. № 4(75). С. 131–135.
21. Новиков А. В., Слабкая Д. Н. Психокоррекционные программы, применяемые службой пробации Соединенного Королевства Великобритании // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11, № 1(1). С. 241–247.
22. Асеева И. А. Образы прогностического опыта в науке и культуре: на пути к интегративной модели : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2010. 344 с.
23. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 135–160.
24. Никитин С. М., Феофанов К. А. Социологическая теория риска: в поисках предмета // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 120–127.
25. Зубков В. И. Социологическая теория риска. М., 2003. 230 с.
26. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М., 2000. 383 с.
27. Слышалов И. В., Огородников М. А. О понятии, правовом регулировании и тенденциях обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 3(94). С. 169–175.
28. Ильин Е. Психология риска. СПб., 2012. 188 с.
29. Филиппсон К. Ю. К вопросу о правопреемстве субъективного права на защиту // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 2(92). С. 28–36.
30. Шаранов Ю. А., Иваницкий А. Т. Устойчивость системы ОВД в условиях гибридных угроз // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1. С. 218–225.
31. Шпилев Д. А., Еремеева А. А. Социальные связи осужденных (на примере Нижегородской и Вологодской областей) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4(56). С. 139–146.
32. Шуранова О. А. Предупреждение уголовно наказуемого поведения лиц, освобожденных из мест лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 225 с.
33. Меркушева О. В. Атрибутивные технологии познания опасных явлений в деятельности сотрудников полиции на транспорте : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2020. 188 с.
34. Корнилова Т. В. Жизнестойкость женщин, осужденных на длительные сроки отбывания наказания // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 131–136.

Поступила 16.11.2022; одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9.07; 159.96 © Э. В. Зауторова, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-15-20

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Психологическая устойчивость сотрудников, несущих службу с оружием, в зависимости от выслуги лет в уголовно-исполнительной системе

Эльвира Викторовна Зауторова^{1,2}, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, ведущий научный сотрудник; elvira-song@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 160002, Вологда, ул. Щетинина, 2, Россия

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Москва, ул. Нарвская, 15а, стр. 1, Россия

Реферат

Введение. Проблема психологической устойчивости сотрудников, несущих службу с оружием, актуальна для уголовно-исполнительной системы, так как не всегда удается предвидеть и предотвратить критические ситуации, возникающие в особых обстоятельствах уголовно-исполнительного производства, сопровождающиеся постоянной готовностью действовать в экстремальной ситуации (захват заложников, побег, бунты, непослушание и т. д.), высоким уровнем опасности для жизни и здоровья человека (вероятность применения оружия для убийства), что накладывает серьезную ответственность на сотрудника подразделений охраны за свои действия. Отсутствие психологической готовности к применению оружия, принцип строгого единоначалия и субординации в коллективе сотрудников исправительных учреждений, ненормированный график работы и другие факторы способствуют накоплению психологической напряженности, повышению уровня нервно-психического стресса и оказывают влияние на общее состояние работника. В связи с этим сотрудники, несущие службу с огнестрельным оружием, остро нуждаются в психологической диагностике и сопровождении. Цель — изучение особенностей психологической устойчивости сотрудников, несущих службу с оружием в условиях исправительного учреждения, с различной выслугой в уголовно-исполнительной системе. **Материалы и методы.** Использовались обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; эмпирический метод, включающий психодиагностическую методику «Нервно-психическая устойчивость — „Прогноз“» (Ю. А. Кировская), а также для сравнения двух независимых выборок непараметрический статистический U-критерий Манна-Уитни. В исследовании приняли участие 50 сотрудников ФКУ «Архангельская воспитательная колония» УФСИН России по Архангельской области с различным стажем службы в уголовно-исполнительной системе. **Результаты и обсуждение.** У сотрудников уголовно-исполнительной системы со сроком службы от 5 до 10 лет наблюдаются более высокие показатели уровня нервно-психической устойчивости и меньшие риски дезадаптации в стрессе, более низкие показатели уровня выраженности профессионального стресса. Согласно расчетным данным, сотрудники, несущие службу с огнестрельным оружием, с выслугой от 5 до 10 лет отличаются от сотрудников с выслугой до 5 лет повышенным уровнем выраженности таких симптомов, как привязанность, коммуникация и эксгибиционизм. По результатам экспериментального исследования, различия в характеристиках внутриличностных ресурсов, обеспечивающих психическую устойчивость сотрудников с различными сроками службы, применяющих в своей деятельности оружие, оказались статистически значимы. **Выводы.** Нервно-психическая устойчивость представляет собой как свойство личности, так и психическое состояние, которое обеспечивает соответствующее поведение человека в сложных, нестандартных ситуациях. Сотрудники со сроком службы до 5 лет отличаются от сотрудников со сроком службы от 5 до 10 лет по показателям психической устойчивости и опасности проявлений деструкций и деструктивного поведения в стрессовых ситуациях. Первые показывают склонность к определенным нарушениям психической деятельности, деструктивному поведению и специфическому восприятию окружающей среды в экстремальных условиях. Вторые имеют более высокий уровень нервно-психической устойчивости и меньший риск дезадаптации при стрессе.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, огнестрельное оружие, психологическая устойчивость, срок службы

Для цитирования: Зауторова Э. В. Психологическая устойчивость сотрудников, несущих службу с оружием, в зависимости от выслуги лет в уголовно-исполнительной системе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 15–20. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-15-20>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.07; 159.96 © E. V. Zautorova, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-15-20

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Psychological Stability of Armed Employees on Duty according to the Term of Service in the Penal-Executive System

Elvira V. Zautorova^{1,2}, Doctor of Science in Pedagogy, Professor, Professor at the chair of Legal Psychology and Pedagogy, leading researcher; elvira-song@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2 Shchetinin st., Vologda, 160002, Russia

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 15-a, bld. 1 Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

Abstract

Introduction. The problem of psychological stability of officers carrying weapon while on duty is relevant for the penal-executive system, since it is not always possible to anticipate and prevent critical situations arising in special circumstances of penal-executive proceedings: constant readiness to act in an extreme situation (hostage-taking, escape, riots, disobedience, etc.), a high level of danger to human life and health (the likelihood of using weapons for killing), which imposes serious responsibility on the officer of the security units for his actions. Lack of psychological readiness to use weapons, the principle of strict unity of command and subordination in the staff of correctional institutions, overtime work schedule and other factors contribute to the accumulation of psychological tension, increase the level of neuropsychic stress and affect the general condition of the employee. In this regard, employees carrying firearms on duty require psychological diagnosing and support. The objective is to study the peculiarities of psychological stability of officers with different terms of service in the penitentiary system carrying weapon while on duty under conditions of the correctional facilities. **Materials and Methods.** The following methods were employed: review and analytical method, that is theoretical analysis of scientific resources on the problems of the study, empirical method including psychodiagnostic method "Neuropsychic Stability — Forecast" (by Yu. A. Kirovskaya), as well as non-parametric statistical criterion for comparing two independent samples (Mann-Whitney U-test). The survey covered fifty employees of the federal budgetary institution "Arkhangelsk correctional colony" of the Russian Federal Penitentiary Service in Arkhangelsk region with different terms of service in the penitentiary system. **Results and Discussion.** The employees with term of service from five to ten years in the penitentiary system reveal higher level of the neuropsychic stability and lower risks of maladaptation in stress, lower levels in professional stress. According to the calculated data the armed employees on duty with term of service from five to ten years are distinguished from those with five years of service by the increased level of intensiveness of such symptoms as "affection", "communication" and "exhibitionism". Based on the experimental research the differences in characteristics of intrapersonal resources providing mental stability of employees with different terms of service who use weapon in their activity proved to be statistically significant. **Conclusions.** Neuropsychic stability is both a personality trait and a mental state that ensures appropriate human behavior in complex, non-standard situations. Employees with the term of service up to five years differ from employees with a term of service from five to ten years with regard to mental stability and the risk of manifestations of destruction and destructive behavior in stressful situations. The former have a higher level of neuropsychic stability and a lower risk of maladaptation under stress. The latter indicate a tendency to certain disorders of mental activity, destructive behavior and a specific perception of the environment in extreme conditions.

Keywords: penal-executive system, correctional institution, firearms, psychological stability, term of service

Citation: Zatorova E. V. Psychological Stability of Armed Employees on Duty according to the Term of Service in the Penal-Executive System. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 15–20 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-15-20>

Основные положения

1. Эффективность функционирования исправительных учреждений во многом зависит от профессиональной компетентности и психологической пригодности персонала. Поэтому предъявляются особые требования к личностным качествам сотрудников, несущих службу с огнестрельным оружием, так как характер выполняемой ими деятельности связан с необходимостью постоянной работы в режиме большого напряжения и самоотдачи, с высокой степенью риска потери здоровья и требует психологической устойчивости, повышенной социальной и профессиональной ответственности.

2. В настоящее время представляется важным вопрос повышения уровня психологической устойчивости сотрудников подразделений охраны исправительных учреждений, несущих службу с оружием. Это может быть достигнуто путем проведения активной просветительской работы, особенно с сотрудниками первых лет службы, направленной на помощь им в осознании значимости внутреннего душевного равновесия для сохранения своего психологического здоровья.

3. Основная задача психологического образования — расширить кругозор сотрудников в области психологических знаний в целях формирования основ самопознания, самоуправления, самоопределения

и саморазвития человека, в целом его психологической культуры и профессиональных компетенций.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Положение сотрудников исправительных учреждений (далее — ИУ) считается одним из самых сложных и опасных, особенно для несущих службу с оружием [1]. Наличие огнестрельного оружия во время службы существенно отличает их деятельность от работы других подразделений и служб уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Не всегда даже сотрудники с длительным стажем работы могут предвидеть и предотвращать критические ситуации, возникающие в особых обстоятельствах уголовно-исполнительного производства, сопровождающиеся постоянной готовностью действовать в экстремальной ситуации (захват заложников, побег, бунты, непослушание и т. д.), высоким уровнем опасности для жизни и здоровья человека (вероятность применения оружия для убийства). Все это накладывает серьезную ответственность на сотрудника за свои действия. В связи с этим функциональные показатели сотрудника, несущего службу с оружием, определяются высоким уровнем нервно-психического стресса.

Вопросы развития и коррекции нравственной устойчивости как одной из узловых характеристик субъекта, в том числе в ситуациях морального поведения,

нашли отражение в трудах Т. В. Голиковой, Г. Б. Михиной, Л. В. Рахматуллиной. Учеными-пенитенциаристами проведены комплексные исследования влияния стресс-факторов на профессиональную деятельность сотрудников (Б. Г. Бовин, А. В. Кокурин, Д. А. Красов, Е. В. Овчарова, Е. В. Распопин и др.) [2–4]. Определены этапы изменений личности сотрудника УИС под их воздействием — профессиональная девиация, профессиональная деформация и профессиональная деградация (М. Г. Дебольский, А. В. Ильин, А. В. Рогов). При этом следует отметить, что вопросы психической устойчивости к стрессу и его источникам у сотрудников подразделений охраны с различными сроками службы в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, изучены недостаточно полно.

Так, Г. Ф. Хохряков, исследовавший психические состояния тех, кто работает с лицами, преступившими закон, выявил, что у них заметно выражены такие негативные психические состояния, как тревожность, беспокойство и др. Как заметили психологи, все они «подключены к сети высокого напряжения»: психические расстройства встречаются у них на 16% чаще, чем у вольнонаемных граждан [5, с. 14]. К кандидатам на должность сотрудников, несущих службу с оружием, наряду со строгими требованиями к соматическому и психическому статусу, предъявляют высокие психологические требования: поддержание самоконтроля, психологическая устойчивость и способность адекватно реагировать в экстремальных ситуациях. Сотрудник должен иметь высокий уровень самообладания и самодисциплины, быть знакомым с методами самозащиты, уметь использовать физическую силу, специальное снаряжение и оружие [6].

Общая гипотеза, на которой строилась наша работа, заключалась в предположении, что существуют особенности нервно-психической устойчивости у сотрудников данной категории, имеющих различный срок службы в УИС.

Целью статьи выступает изучение особенностей психологической устойчивости сотрудников, несущих службу с оружием в условиях ИУ, имеющих различную выслугу лет в УИС.

Теоретические предпосылки, обзор проблемы.

В большом психологическом словаре А. Ребера под устойчивостью понимается «характеристика индивида, поведение которого надежно и последовательно»¹. О необходимости исследования феномена устойчивости личности впервые высказалась Л. И. Божович в 1966 г. в докладе на 18-м психологическом конгрессе, отметив, что в основе устойчивости личности лежит развитие высших человеческих потребностей [7].

В 1978 г. Л. И. Спивак предложил концепцию «нервно-психической активности» нервной системы

при существенных психических и физических перегрузках. Под нервно-психической устойчивостью он понимал «целостную совокупность врожденных (биологически детерминированных) и приобретенных личностных качеств, мобилизационных ресурсов и резервных психофизиологических способностей организма, обеспечивающих оптимальное функционирование личности в неблагоприятных условиях профессиональной среды» [8, с. 16]. Зарубежные авторы, исследуя когнитивные структуры, которые изучают отношение индивида к внешнему миру и к самому себе, определяют инвариантные характеристики, представляющие уровень личностных и когнитивных черт. Индивидуальная стабильность объясняется особенностями когнитивного стиля человека, которая является, в известной мере, неизменной причиной конкретного поведения или действия [9; 10].

Существенный вклад в изучение проблем устойчивости внесли теоретико-экспериментальные исследования В. Э. Чудновского [11], в которых отмечалось, если психическая устойчивость индивида является следствием изменения его психологических особенностей, то ему присуща способность изменять поведение в соответствии с конкретными потребностями и намерениями.

По мнению психологов, исследуемое свойство проявляется в способности эффективно и конструктивно отражать объективность в сложных, в том числе стрессовых, чрезвычайных ситуациях [12]. Анализ публикаций по проблемам изучения показателя нервно-психической резистентности у работников различных видов деятельности показывает связь между динамикой уровня нейропсихической резистентности и продолжительностью службы, отмечается также определенная связь между опытом и показателем нервно-психического стресса, а также между уровнем нервно-психического сопротивления и типом характера личности [13].

В современных публикациях прямо отмечается, что стабильность личности определяется сложным взаимодействием ее мотивации с психическими познавательными процессами и особенностями человека как субъекта профессиональной деятельности (мотивация, направленность, ценности). В нашем исследовании мы будем понимать нервно-психическую устойчивость как свойство личности и как психическое состояние, которое обеспечивает соответствующее поведение человека в сложных, нестандартных ситуациях.

На сегодняшний день проблема нервно-психической устойчивости лиц, несущих службу с оружием в условиях ИУ, все более актуальна: служебные нагрузки, имеющие неизбежные последствия для других сфер жизнедеятельности, способствуют кумуляции

¹ Ребер А. Большой толковый психологический словарь. М., 2000. Т. 2: П–Я. С. 358.

разнонаправленных проблем среди сотрудников, которые приводят к выгоранию, профессиональным деформациям, несоответствиям, моделированию конкретных профессиональных и семейных взаимоотношений и особым жизненным ситуациям [14–16]. Вышеперечисленное оказывает детерминирующее влияние на психическое здоровье и профессионально-служебную деятельность и требует научного понимания личностного и профессионального развития персонала пенитенциарной системы с учетом факторов, определяющих успешность их профессиональной деятельности [17; 18].

Материалы и методы

В ходе исследования использовались обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; эмпирический метод, содержащий психодиагностическую методику «Нервно-психическая устойчивость — „Прогноз“» (Ю. А. Кировская), направленную на выявление риска и дезадаптации в стрессе [19], для сравнения двух независимых выборок непараметрический статистический U-критерий Манна-Уитни². Исследование проводилось на базе УФСИН России по Архангельской области в 2022 г., в нем приняли участие 50 сотрудников отдела безопасности с различным сроком службы в пенитенциарной системе. Выборка была разделена на две группы, исходя из срока службы: группа 1 — сотрудники со стажем служебной деятельности до 5 лет (25 человек); группа 2 — сотрудники со стажем служебной деятельности от 5 до 10 лет (25 человек). Все респонденты представлены мужчинами в возрасте от 21 до 46 лет; их уровень образования: высшее — 3 человека, неполное высшее — 4, среднее — 43 человека.

Использованная методика позволила выявить уровень нервно-психической устойчивости, что является характеристикой как психического, так и соматического уровня здоровья личности. Начинать подведение итогов исследования рекомендуется с проверки искренности ответов респондента: если по данной шкале опрашиваемый набирает 5 и более баллов, результаты опроса недостоверны, ибо человек хочет казаться лучше, чем он есть. При этом нервно-психическая неустойчивость выше, чем больше получено баллов: каждый балл надо соотносить с условной шкалой нервно-психической устойчивости (в интервале от 1 до 10 пунктов), чем больше значение пункта условной шкалы, тем больше нервно-психическая устойчивость [19].

Результаты и обсуждение

Анализ эмпирических данных позволяет отметить, что сотрудники отдела охраны, несущие службу с оружием, со стажем до 5 лет имеют достаточный уровень нервно-психической устойчивости (таблица 1).

Таблица 1. Средние значения по методике «Нервно-психическая устойчивость — „Прогноз“» (Ю. А. Кировская) в группах 1 и 2
(Table 1. Average values according to the method of „Neuropsychic Stability — Forecast“ (Yu. A. Kirovskaya) in groups 1, 2)

Группы	Средние значения	Стандартное отклонение
Первая	5,1	0,9
Вторая	6,3	1,0

Респонденты группы 1 в экстремальных ситуациях показывают склонность к определенным нарушениям психической деятельности, к тому же указанные особенности сопровождаются деструктивным поведением и специфическим восприятием окружающей среды. Известно, что больше половины нарушений составляют факты злоупотребления спиртными напитками, несоблюдение исполнительской дисциплины, невыход на службу без уважительных причин, халатное отношение к служебным обязанностям. Можно предположить, что этим сотрудникам свойственны такие характеристики, как подверженность чувствам, влиянию случая и обстоятельств, нестабильное эмоциональное состояние и поведенческие реакции (агрессия, подавленность), беспринципность, неорганизованность, безответственность, что и подтверждается нарушениями служебной дисциплины, допущенными сотрудниками группы 1.

Респонденты, включенные в группу 2 (имеющие срок службы от 5 до 10 лет), характеризуются достаточно низкой вероятностью нервно-психических деструкций, вполне достаточной самооценкой и оценкой окружающей среды. Кроме того, не исключено, что у данной категории опрошенных возможны единичные, кратковременные нарушения поведения в экстремальных ситуациях при значительных физических и эмоциональных нагрузках. В отношении указанных сотрудников можно предположить такие характеристики, как высокая нормативность, сильный характер, добросовестность, уравновешенность, ответственность, стойкость моральных принципов, хороший самоконтроль.

Итак, на основе полученных результатов в целом по методике «Нервно-психическая устойчивость — „Прогноз“» мы предположили, что группы сотрудников, имеющих различный срок службы в УИС, будут отличаться по уровню и специфике проявления нервно-психической устойчивости. Для проверки гипотезы была проведена математическая обработка эмпирических данных с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Все результаты представлены в таблице 2.

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 2, позволяет заключить, что существуют статистически значимые различия по шкале нервно-психической устойчивости. Сотрудники со сроком службы до 5 лет отличаются от сотрудников со сроком службы

² Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2000. 350 с.

Таблица 2. Сводная таблица значимых различий по методике «Нервно-психическая устойчивость — „Прогноз“» (Ю. А. Кировская) в группах 1 и 2
(Table 2. Summary table of significant differences according to the method of „Neuropsychic Stability — Forecast“ (Yu. A. Kirovskaya) in groups 1, 2)

Наименование	Гр. 1 M ± σ	Гр. 2 M ± σ	t	Достоверность различий
НПУ	5,1±0,9	6,3±1,0	129	p≤0,01

от 5 до 10 лет по показателям психической устойчивости и опасности проявлений деструкций и деструктивного поведения в стрессовых ситуациях (значимость различий при $p \leq 0,01$). Можно предположить, что изменения в отдельных психологических особенностях, которые сотрудники отдела охраны указали в ходе исследования, в частности их психической устойчивости, произошли под влиянием условий профессиональной деятельности, профессиональных обязанностей и их продолжительности, сложной адаптации к специфике деятельности в ИУ в первые годы службы в УИС.

Таким образом, сотрудники со сроком службы от 5 до 10 лет имеют более высокий уровень нервно-психической устойчивости и меньший риск дезадаптации при стрессе. Исходя из этого, сотрудники с высоким уровнем психической устойчивости, как правило, обладают высокой адекватной самооценкой, адекватным восприятием реальности, имеют высокий уровень социализации, адекватно оценивают свою роль в работе коллектива, руководствуются соблюдением общепринятых норм поведения. Сотрудники, включенные в данную группу, более реалистичны в своем отношении к жизни, устойчивы к случайным перепадам настроения, способны контролировать себя, спокойны, уравновешенны, сдержанны, склонны к сбалансированному и спокойному решению возникающих проблем и трудностей, организованны, целеустремленны, мало подвержены различным сбивающим факторам. Кроме того, данная группа респондентов обладает большими коммуникативными способностями, легко устанавливает контакты с окружающими, менее конфликтна. Сотрудники характеризуются малой вероятностью психических деликтов, в случае выявления иных положительных показателей их можно рекомендовать на должности, требующие повышенной психической устойчивости.

Итак, подтверждается гипотеза, что существуют особенности нервно-психической устойчивости у сотрудников, несущих службу с огнестрельным оружием, имеющих различный срок службы в УИС.

Выводы

1. Нервно-психическая устойчивость представляет собой как свойство личности, так и психическое состояние, которое обеспечивает соответствующее поведение человека в сложных, нестандартных ситуациях. У работников различных видов деятельности отмечается связь между динамикой уровня нейропсихической резистентности и продолжительностью службы, между опытом

и показателем нервно-психического стресса, а также связь между уровнем нервно-психического сопротивления и типом характера личности.

2. У сотрудников, несущих службу с оружием, имеющих стаж до 5 лет, отмечается склонность к определенным нарушениям психической деятельности, деструктивному поведению и специфическому восприятию окружающей среды в экстремальных условиях. В связи с этим необходимо разработать коррекционную программу для работы с сотрудниками данной категории по формированию у них навыков самоконтроля и самообладания, основ самопознания, самоуправления и саморазвития, психологической культуры и профессиональных компетенций, что будет способствовать повышению нервно-психической устойчивости.

3. Сотрудники, несущие службу с оружием, имеющие стаж в УИС от 5 до 10 лет, отличаются более высоким уровнем нервно-психической устойчивости и меньшим риском дезадаптации при стрессе: они более реалистичны в своем отношении к жизни, устойчивы к случайным перепадам настроения, способны контролировать себя, спокойно принимать решения по возникающим проблемам и трудностям.

Рекомендации. Анализ полученных эмпирических данных, представленных в исследовании, позволит разработать систему профилактических мероприятий по повышению уровня нервно-психической устойчивости у сотрудников, несущих службу с оружием в условиях ИУ, а именно:

— проведение психологических мероприятий, направленных на повышение готовности сотрудников к применению оружия, формирование самоконтроля в экстремальных условиях;

— разработка и внедрение комплексной системы мероприятий в области проведения активной просветительской работы, повышения психологической образованности, профессиональной психологической подготовки и психологической коррекции сотрудников;

— организация психологического консультирования, психологическая коррекция, как индивидуальная, так и групповая.

Пенитенциарным психологам необходимо помогать сотрудникам осваивать упражнения аутотренинга, направленные на регуляцию собственного состояния, развитие способности к рефлексии, отработку навыков самоанализа (мысли, действия, отношения с другими сотрудниками и сравнения с ними), повышение осведомленности о своих желаниях, намерениях и поведении. Особое место в развитии профессиональной культуры сотрудника, несущего службу с оружием, занимает самовоспитание. Человек самостоятельно определяет пути и средства для формирования необходимых ему профессиональных качеств, избирает цели и задачи саморазвития, вырабатывает жизненные правила и принципы, которыми можно руководствоваться в деятельности.

Важность представляют умение устранять накопленный эмоциональный негатив, формирование уверенного поведения, соответствующего личным ресурсам, для преодоления психического истощения (развития чувства собственного достоинства, снижения уровня личной тревожности). Данная деятельность должна быть направлена на помощь сотрудникам в осознании значимости внутреннего душевного равновесия для сохранения своего психологического здоровья, повышения уровня психологической культуры, развития профессионально важных качеств личности.

Таким образом, сотрудникам отдела охраны, несущим службу с оружием, необходимо повышать степень психологической устойчивости, уровень эмоционально-волевой сферы, принимать участие в тренингах по эмоциональной регуляции, исполь-

зовать приемы саморегуляции поведения и т. д., как необходимого качества его профессиональной деятельности.

Перспективы. Настоящее исследование не исчерпывает всех сторон и проблем повышения уровня психологической устойчивости сотрудников, несущих службу с оружием. В качестве перспективы дальнейшего исследования может выступить установление особенностей проявления психологической устойчивости и других личностных качеств у сотрудников, имеющих более длительный срок службы в уголовно-исполнительной системе (более 15 лет, более 20 лет), а также разработка и реализация психокоррекционной работы по повышению психологической устойчивости, развитию способности к саморефлексии сотрудников, несущих службу с оружием.

Список источников

1. Вдовина Е. С., Вдовина А. А. Сравнительный анализ нервно-психической устойчивости сотрудников отдела безопасности и отдела охраны в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2019. № 2(220). С. 99–106.
2. Бовин Б. Г., Кокурин А. В., Красов Д. А. Изучение общепрофессиональных качеств сотрудников спецподразделений по конвоированию и подразделений охраны уголовно-исполнительной системы на основе экспертной оценки // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 80–91.
3. Овчарова Е. В. Психические состояния сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием, и их краткосрочная коррекция : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. 192 с.
4. Распопин Е. В. Психологическая устойчивость к внешним и внутренним источникам стресса: на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2013. 23 с.
5. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. 224 с.
6. Зауторова Э. В. К вопросу о формировании морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения к несению службы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2(34). С. 77–82.
7. Гуткина Н. И. Концепция Л. И. Божович о строении и формировании личности (культурно-исторический подход) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 116–128.
8. Спивак Л. И., Барабаш В. И. Оценка состояния нервно-психического здоровья кандидатов в военно-учебные заведения // Военно-медицинский журнал. 1979. № 5. С. 15–17.
9. Bieri James. A study of generalization of changes within the personal construct system. Unpub. Ph. D. dissertation, Ohio State Univ. Cambridge: Harvard Univ., 1953. 167 p.
10. Bugental J. F. T. A method for assessing self and not-self attitudes during the therapeutic series. *Journal of Consulting Psychology*. 1952. No. 16. Pp. 435–439.
11. Чудновский В. Э. Нравственная устойчивость личности: психологическое исследование. М., 1981. 208 с.
12. Минуллин А. З. Психологические особенности устойчивости к экстремальным условиям у сотрудников, осуществляющих государственную защиту // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52. С. 384–389.
13. Бутова Е. А. Изучение особенностей военно-профессиональной деятельности и нервно-психической устойчивости военнослужащих // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 51. С. 9–12.
14. Сучкова И. В. Проблемы психологического сопровождения сотрудников уголовно-исполнительной системы, несущих службу с оружием // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в УИС : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф., посвященной 25-летию со дня образования психологической службы уголовно-исполнительной системы / под общ. ред. Д. В. Сочивко. Рязань, 2017. С. 347–354.
15. Смекалкина Л. В., Рыбников О. Н. К оценке отдаленных последствий боевого стресса // Психология экстремальных ситуаций / под ред. В. В. Рубцова, С. Б. Малых. 2-е изд., стер. М., 2008. С. 275–278.
16. Пестриков Д. В., Полянин Н. А., Пинтяшин Е. В. Формирование психологической готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к применению боевого оружия в экстремальной ситуации // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 56–65.
17. Сутормина В. А., Украинский С. В. К вопросу о психологической реабилитации сотрудников ОВД после применения огнестрельного оружия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 10-2. С. 131–134.
18. Рябова М. Г., Канунников Р. И. Личностные детерминанты форм аддиктивного поведения у сотрудников органов внутренних дел (на примере ургентной зависимости) // Психология и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 44–53.
19. Доница А. Д. Использование методик оценки нервно-психической устойчивости для диагностики донозологического статуса в экстремальных условиях // Успехи современного естествознания. 2015. № 9-1. С. 45–48.

Поступила 26.09.2022; одобрена после рецензирования 22.10.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Научно-практическая статья

УДК 159.922 © С. В. Забегалина, Т. Н. Кильмашкина, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-21-27

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Личностные характеристики офицера и особенности восприятия его образа в представлениях военнослужащих

Светлана Викторовна Забегалина¹, кандидат психологических наук, психолог Военной комендатуры (гарнизона 2 разряда); svetlanviktorovna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2615-8298>

Татьяна Николаевна Кильмашкина², доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права; kilmashkinat@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3663-7102>

¹Центральный военный округ, 432001, Ульяновск, Россия

²Юридический факультет института экономики, управления и права, Московский государственный областной университет, 1410143, Московская область, Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24, Россия

Реферат

Введение. Объективная потребность Российского государства в подготовленных офицерских кадрах предполагает особое внимание к личностным характеристикам офицера и особенностям его образа у военнослужащих. В силу социально-политической обстановки в стране, проводимой спецоперации по денационализации Украины это стало еще более актуальным, так как подчиненный личный состав должен брать пример с личности офицера — военного профессионала, патриота, защитника Отечества. Это обуславливает практическую значимость научного анализа личностных характеристик офицера и особенностей его образа у военнослужащих как основу его авторитета в воинском коллективе. С образом офицера у военнослужащих во многом связана и оценка его эффективности, авторитетности и т. д. Военная реформа, проводимая в условиях социального кризиса российского общества, низкая эффективность обеспечения социальных, духовных и профессиональных потребностей военнослужащих привели к ряду негативных явлений в офицерской среде, таких как деградация нравственных ценностей института военной службы, ориентация значительной части офицерского состава на утилитарно-прагматический компонент в профессиональной деятельности, незаинтересованность в обучении и воспитании подчиненных, отсутствие стремления к профессиональному и личностному самосовершенствованию. В связи с этим возникает вопрос, каким же хотят видеть офицера военнослужащие по контракту, разрешению которого и посвящено настоящее исследование. **Материалы и методы.** Методологические основы решения проблемы включают в себя комплекс психологических, военно-педагогических подходов, теорий и концепций, раскрывающих особенности личности офицера. В работе были использованы методика Т. Лири, опросник «Карта оценки личности офицера», методика косвенного измерения системы самооценок. В качестве основных интерпретационных методов выступили сравнительный анализ, математическая статистика, в том числе корреляционный анализ по Спирмену. В исследовании приняли участие 60 военнослужащих. **Результаты и обсуждение.** Выявлены качества личности офицера, которые связаны в представлениях военнослужащих по контракту с образом офицера. Наиболее типичными оказались такие черты личности, как смелость, справедливость, честность, которые как составляющие образа офицера значимо взаимосвязаны. **Выводы.** Исследование показало, что существуют значимые взаимосвязи личностных характеристик офицера с особенностями его образа у военнослужащих. Карта оценки личности офицера, разработанная в целях исследования, является действенным прогностическим инструментом, так как охватывает профессионально важные и профессионально значимые качества офицера, которые могут быть оценены окружающими (экспертами) без дополнительных диагностических методик, и показывает, насколько и с чем именно желательные для офицера качества связаны с измеряемыми по традиционным методикам показателями.

Ключевые слова: карта оценки личности офицера, личностные характеристики, адаптация к служебной деятельности, прогноз адаптации личности, военно-профессиональная деятельность, личность военнослужащего, косвенное измерение системы самооценок, особые условия

Для цитирования: Забегалина С. В., Кильмашкина Т. Н. Личностные характеристики офицера и особенности восприятия его образа в представлениях военнослужащих // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 21–27. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-21-27>

Scientific and Practical Article

UDC 159.922 © S. V. Zabegalina, T. N. Kilmashkina, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-21-27

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Personal Characteristics of an Officer and the Perception of his Image by the Military Personnel

Svetlana V. Zabegalina¹, Candidate of Science in Psychology, psychologist of the Military Commandant's Office (garrison 2nd category); svetlanviktorovna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2615-8298>

Tatiana N. Kilmashkina², Doctor of Science in Law, Professor, head of the chair of State and Law Theory; kilmashkinat@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3663-7102>

¹Central Military District, Ulyanovsk, 432001, Russia

²Law Faculty of the Institute of Economics, Management and Law, Moscow region State University, 24 Vera Voloshina st., Mytishchi, Moscow region, 1410143, Russia

Abstract

Introduction. The objective need of the Russian state for trained officer cadres implies special attention to the personal characteristics of the officer and the perception of his image by the military personnel. Due to the socio-political situation in the country, the special operation to denationalize Ukraine, this has become even more relevant, since subordinate personnel should follow an example of the personality of an officer — a military professional, patriot, defender of the Fatherland. This determines the appropriateness and practical significance of the scientific analysis of the personal characteristics of the officer and the features of his image as viewed by the military personnel, as the basis of his authority in the military collective. The image of an officer viewed by the military personnel is largely related to the assessment of his effectiveness, authority, credibility, etc. The military reform carried out permanently over the past decade and in the context of the social crisis of the Russian society, the low efficiency of ensuring the social, spiritual and professional needs of military personnel have led to a number of negative phenomena in the officer's environment. These include degradation of the moral values of the institute of military service, the orientation of a significant part of the officers to the utilitarian-pragmatic component in professional activities, disinterest in the training and education of subordinates, lack of desire for professional and personal self-improvement. In this regard, a problem arises: what kind of an officer do the contract soldiers want to see? The resolution of this issue is covered by the current study. **Materials and Methods.** The methodological foundations of solving the problem include a complex of psychological, military-pedagogical approaches, theories and concepts that reveal the features of the officer's personality. The author employed the method of T. Leary, the questionnaire «Personality assessment map of the officer», the method «Indirect measurement of the self-assessment system». The main interpretive methods were: comparative analysis, mathematical statistics, including correlation analysis according to Spearman. The study involved sixty military servicemen. **Results and Discussion.** The qualities of the officer's personality, which are associated with the image of an officer as viewed by the military personnel under contract, are revealed. The most typical personality traits involved courage, fairness, honesty, which, as components of the image of an officer, are significantly interrelated. **Conclusions.** The study showed that there are significant relationships between the personal characteristics of an officer and the peculiarities of his image as viewed by the military personnel. The officer's personality assessment map developed for the research purposes is a functional prognostic tool as it covers professionally important qualities of an officer, which may be estimated by the people around (experts) without any additional diagnostical methods, and reveals to what degree and with what exactly the qualities desired by the officer are related to the indicators measured by traditional methods.

Keywords: an officer's personality assessment map, personal characteristics, adaptation to service, forecasting personality adaptation, military professional activities, the identity of a soldier, indirect measurement of the self-assessment system, special conditions

Citation: Zabegalina S. V., Kilmashkina T. N. Personal Characteristics of an Officer and the Perception of his Image by the Military Personnel. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 21–27 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-21-27>

Основные положения

1. Образ офицера у военнослужащих тесно связан с его личностными особенностями. Он формируется на основании заранее имеющихся представлений и в ходе непосредственного опыта взаимодействия, видоизменяясь в силу различных требований среды и происходящих в мире событий, в частности военных действий, проводящейся спецоперации, так как проявляются ранее латентные качества, а также становятся более значимыми их последствия, реализуясь в боевой обстановке.

2. Значимые взаимосвязи личностных характеристик офицера с особенностями его образа в представлениях военнослужащих обусловлены и обобщенностью восприятия образа офицера вследствие внутригруппового сходства опрашиваемых, а также взаимодействием их с конкретными личностями по долгу службы. Это дает возможность применять инструментарий, не требующий много времени для проведения исследования, и корректировать изучаемые характеристики (например, методики косвенного измерения системы самооценок) в зависимости от выборки. При этом возможно применение и общего инструмента (Карты оценки личности офицера), разработанного в целях исследования, охватывающего профессионально важные и профессионально значимые качества офицера различных родов войск, служб и с разными должностными обязанностями.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Образ офицера в настоящее время подвергается определенному изменению из-за происходящих в мире и в нашей стране событий. С учетом опыта боевых действий за пределами России, в том числе проведения специальной военной операции на Украине, требуется новый подход к пониманию офицерами своей роли, позиции безупречного служения Родине. Спецоперация по денационализации Украины показала, что на первый план выходят качества офицера, связанные с его смелостью, храбростью, способностью личным примером показать то, каким нужно быть в профессионально-личностном плане и как выполнять поставленные задачи.

Анализ психологической, в частности военно-психологической, литературы показывает, что у отечественных и зарубежных исследователей нет единства взглядов на данное понятие. Особенности личности опосредуются в деятельности и проявляются в представлении о себе самом и других.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Исходя из личностных характеристик успешных в данной деятельности субъектов составляются профиограммы, выделяются профессионально важные и профессионально значимые качества. Данными проблемами занимались такие авторы, как М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, В. А. Пономаренко [1], А. А. Караванов [2].

При рассмотрении личностных характеристик и Я-образа в психологии опорой являются концепции формирования личности в ходе активности, в деятельности и общении (А. А. Бодалев, А. В. Брушлинский, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. И. Слободчиков). Представление личности о себе меняется в процессе ее жизненного самоопределения и развития (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анциферова, А. Маслоу и др.).

Самооценка рассматривается в отечественной психологии как одно из проявлений субъектности (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, В. А. Петровский, С. Л. Рубинштейн).

Военные психологи и педагоги (А. В. Барабанщиков, В. И. Вдовюк, А. А. Кобенко и др.) понимают представление о себе как важное составляющее самосовершенствования и профессионально-личностного становления будущих офицеров.

Достижение целей в принципе определяется качествами, традиционно приписываемыми офицерам (выдержка, добросовестность, настойчивость и т. д.), что подчеркивается как отечественными [3], так и зарубежными [4] исследователями. Вместе с тем они неодинаково проявляются в различных культурах, у разных народов, странах и, естественно, при социальных изменениях внутри страны. Трансформируется и понимание многих личностных качеств, являющихся основами для профессиональной деятельности офицера. В частности, это касается чувства долга согласно исследованиям ряда авторов [5].

Образ офицера имеет разное содержание, что было показано применительно к суворовцам [6], курсантам как к будущим офицерам [7]. Во многом офицер — это носитель четко заданных на уровне общества, менталитета народа ценностей [8].

На основании анализа литературы можно сказать, что высшим уровнем сформированности Я-образа и личности выступает адекватная оценка себя как проявление меры совпадения оценки личностью результатов своей деятельности и поведения с внешними оценками этих результатов другими людьми.

Именно поэтому в системе современного военного управления важное место занимает сформированный в воинском коллективе образ офицера в идеальном плане (представление о том, каким должен быть офицер), во многом определяющий характер специфических военно-социальных отношений в звене «начальник — подчиненный», а также обуславливающий направление изменений личности офицера, с тем чтобы достичь максимальной эффективности в деятельности и адаптивности как личности [9].

В целом нужно отметить, что адаптация к любой специальности начинается во время обучения [10] и зависит от того, насколько образ профессионала соответствовал реальности и насколько была точной

оценка своих возможностей, навыков, стремлений и т. д. Присутствует также динамика данного образа профессионала и представлений о нем, о себе, меняющаяся собственную идентичность [11].

Материалы и методы

В работе были использованы методика Т. Лири, предназначенная для исследования представлений о себе и для изучения образа других, а также методика косвенного измерения системы самооценок (далее — КИСС), в которой в качестве стимульного материала выступают схематические изображения человеческого лица. Согласно зарубежным исследованиям существует внутригрупповое сходство в восприятии лиц [12], что делает использование данной методики удобным диагностическим инструментарием. В целях исследования применялась раскладка качеств, наиболее часто предлагаемых для описания тех качеств, которые присущи образу офицера: «смелый», «справедливый», «честный». Указанные качества остаются практически неизменными в историческом ракурсе исследования данной тематики [13], а формирование образа офицера находится в динамике [14], требует специальных педагогических, морально-психологических, военно-патриотических средств [15].

В нашем опроснике «Карта оценки личности офицера» присутствуют только утверждения, описывающие образ офицера, для вариативности оценки мы использовали шкальную форму по семибальной шкале Лайкерта. Опросник состоит из 18 пунктов, охватывая различные аспекты образа офицера. Для статистического анализа ответы на пункты предусмотрены в баллах, что дает возможность сравнения с другими показателями (за счет баллового характера).

Результаты и обсуждение

Результаты исследования образа офицера нужно отразить в ходе анализа по отдельным методикам и по полученным значимым взаимосвязям их показателей.

Социальные ориентации образа военнослужащих. По методике Т. Лири особенности образа офицера определяются на основе того, какие октанты, какие социальные ориентации являются наиболее выраженными.

Образ военнослужащих представлен в таблице 1.

Для образа офицера важна такая социальная ориентация, как «Авторитарный». Авторитарные личности стараются сделать так, чтобы их мнение было самым главным, учитывалась их точка зрения, могут настаивать на своем и не терпеть возражений. Однако этот показатель является адаптивным для личности офицера, в силу того что он должен уметь управлять подчиненными, командовать личным составом.

Согласно концепции Т. Лири противоположной по значению является социальная ориентация «Подчиняемый». Офицеры с яркой выраженностью данной

Таблица 1. Результаты изучения по методике Т. Лири образа офицера у военнослужащих
(Table 1. Results of the study of the image of an officer as viewed by military personnel according to the method of T. Leary)

Шкалы социальных ориентаций	Уровни социальных ориентаций					
	высокий		средний		низкий	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Авторитарный	32	53,3	27	45,0	1	1,7
Эгоистический	23	38,3	35	58,3	2	3,4
Агрессивный	20	33,3	31	51,7	9	15,0
Подозрительный	22	36,7	28	46,7	10	16,6
Подчиняемый	20	33,3	37	61,7	3	5,0
Зависимый	12	20,0	35	58,3	13	21,7
Дружелюбный	13	21,6	29	48,4	18	30,0
Альтруистический	18	30,0	29	48,4	13	21,6

ориентации склонны занижать свои качества, уступать всем и во всем, слабовольны, пассивны. По нашим результатам, таковых оказалось 33,3%, причем все они обладали высокими или средними показателями по социальной ориентации «Авторитарный». Высокие показатели по подчиняемости можно объяснить необходимостью строгого подчинения вышестоящему руководству. Это означает, что офицеры в силу специфики профессиональной деятельности готовы как доминировать, так и подчиняться.

Социальная ориентация «Эгоистический» получила в основном высокую и среднюю выраженность. Возможно, это объясняется тем, что в силу специфики деятельности военнослужащие стремятся к независимости поступков, к тому, чтобы самостоятельно принимать решения [16]. По указанной шкале выявлены высокие и средние показатели (38,3 и 58,3%), у двоих военнослужащих (3,4%) они низкие.

По кругу Т. Лири противоположной рассмотренной является социальная ориентация «Зависимый». По ней больше половины офицеров получили средние значения (58,0%), 20,0% военнослужащих отметили офицера как зависимого и 21,7% считают, что он независим от окружающих. При высоких значениях данной социальной ориентации человек отличается неуверенностью в себе, тревожится по различным поводам, зависит от других, от чужого мнения. Однако эта социальная ориентация при своей выраженности также свидетельствует о послушности, конформности, вежливости с окружающими, что позитивным образом отражается на межличностном общении. Такие офицеры осознают свою взаимозависимость от коллектива, понимают, что нужно быть вместе, сообща.

Социальная ориентация «Агрессивный» связана с требовательностью, прямолинейностью, откровенностью, строгостью в оценке других. При этом могут быть черты насмешливости и раздражительности. В определенной мере данная социальная ориентация для военнослужащих в целом, не только для офицеров, нужна, так как в положительном смысле она связана

с упорством, настойчивостью и энергичностью. Более того, как показывают исследования [17], она помогает во многих ситуациях воспринимать мир более объективно и вырабатывать адекватные реакции на происходящее. Средние баллы предпочтительнее, и они более часто встречаются (51,7), треть военнослужащих имеет высокие показатели по шкале и 15% — низкие, т. е. отличаются терпимостью, не склонны конфликтовать независимо от ситуации. Такое распределение по уровням может быть связано с тем, что, с одной стороны, офицеры в силу рода деятельности отличаются большей прямолинейностью, а с другой — некоторые стараются по максимуму избегать конфликтов.

В кругу Т. Лири противоположной является социальная ориентация «Дружелюбный», означающая направленность на принятие и социальное одобрение, стремление к целям социальной группы, к которой принадлежишь, в данном случае офицерской среды. Дружелюбие для офицера — принятие другого как равного себе, готовность быть рядом и оказать помощь советом или делом. По ней немного чаще встречаются средние показатели, чем высокие, так как требуется соблюдать служебную субординацию.

Существует специфика некоторых военных специальностей, обуславливающая и адаптивные свойства, вернее свойства, способствующие адаптации, что проявляется уже на уровне учебно-профессиональной подготовки [18]. Так, у офицеров, связанных с юридическими специальностями, часто высоко развита характеристика «Подозрительный». В обычной среде, не военной, высокие показатели данной социальной ориентации говорят о том, что человек, скорее всего, отчужден, обидчив, склонен к сомнению во всем, критичен. В нашем случае по социальной ориентации «Подозрительный» в основном также распространены средние показатели, потому что офицерам свойственна высокая степень критичности и недоверия, они предпочитают относиться к людям избирательно. Положительный момент заключается в критичности по отношению ко всем социальным явлениям и окружающим людям.

В определенном плане противоположной к социальной ориентации «Подозрительный» выступает социальная ориентация «Альтруистический».

Высокие показатели по шкале «Альтруистический» свидетельствуют о гиперответственности, стремлении помочь. В отрицательном плане эта социальная ориентация может проявляться как навязчивость со своей помощью, хуже всего, альтруизм может быть напускным, лицемерным. В межличностных отношениях офицер с выраженным альтруизмом проявляет эмоциональное отношение к подчиненным, сострадание, симпатию, заботу, бескорыстность и отзывчивость, способен подбодрить и успокоить окружающих.

Обобщенное восприятие образа военнослужащих. Результаты по методике КИСС показывают обоб-

ценное восприятие образа офицера военнослужащими, которое обусловлено внутригрупповым сходством опрашиваемых при восприятии и оценке лиц.

Для диагностики, согласно процедуре исследования, было отобрано три прилагательных «смелый», «справедливый», «честный».

Нами выявлены значения качеств офицера, составляющих образ, с помощью процентного соотношения.

Выяснилось, что на первом месте у военнослужащих для образа офицера стоит такое качество, как «смелый» (83,3%), на втором — «справедливый» (11,7%), на третьем — «честный» (5,0%) (рис.).

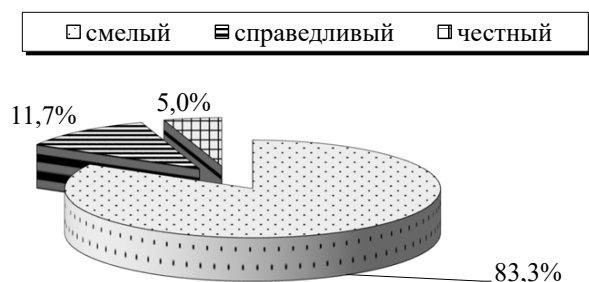

Рис. Соотношение базовых качеств для образа офицера (Fig. The ratio of qualities basic for the image of officers)

Каждое из данных качеств получило свой ранг.

Для выборки в 60 человек критические значения составляют 0,254 (при $p=0,05$) и 0,330 (при $p=0,01$).

Корреляционный анализ по Спирмену между показателями по методике Т. Лири и КИСС у военнослужащих показал статистически значимые результаты между определенными характеристиками (табл. 2).

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа по Спирмену между показателями методики Т. Лири и методики КИСС

(Table 2. Results of Spearman correlation analysis between the indicators of the T. Leary method and the Indirect measurement of the self-assessment system)

Шкалы социальных ориентаций	Качества образа офицера		
	Смелый	Справедливый	Честный
Авторитарный	0,389**	-0,260*	0,261*
Эгоистический	0,376**	-0,264*	0,270*
Агрессивный	0,345**	-0,268*	0,334**
Подозрительный	0,213	0,113	0,352**
Подчиняемый	-0,060	0,068	0,008
Зависимый	-0,189	0,103	0,045
Дружелюбный	0,230	0,285	0,291*
Альтруистический	0,251	0,355	0,234

Примечание. Уровень значимости: ** $p=0,01$, * $p=0,05$.

Итак, образ офицера связан с представлениями о нем как о личности и характеристиках, проявляющихся в общении (социальными ориентациями). В общении проявляются не только особенности личности, но и механизмы защиты, которые служат для адаптации в обществе, включаясь при значимых неудачах в деятельности или взаимодействии с другими людьми [19].

Важную роль играют логическое мышление и различные виды интуиции — профессиональной и соци-

альной (в нашем случае), так как именно налаженная связь между прошлым, настоящим и будущим, представленная в сознании, помогает избежать излишних стрессов и чувствовать себя комфортно в различных условиях [20].

Результаты по Карте оценки личности офицера у военнослужащих получили балловое выражение (табл. 3).

Наиболее высокие показатели по следующим характеристикам: социальная интуиция (6,1), целеустремленность (6,2), активность (5,9), уверенность в себе (5,8), умение принять решение (5,8), общий интеллект (5,2), профессиональная интуиция (5,4), самоконтроль (5,2), лидерские качества (5,3), физическая и психическая выносливость (5,2).

Таблица 3. Карта оценки личности офицера (Table 3. Personality assessment map of an officer)

Показатели	Средний балл
Теоретическая подготовка	3,9
Практическая подготовка	3,3
Выполнение должностных обязанностей	4,1
Общий интеллект	5,2
Умение принять решение	5,8
Логическое, продуктивное мышление	4,5
Профессиональная интуиция	5,4
Коммуникативные способности	4,7
Социальная интуиция	6,1
Уверенность в себе	5,8
Самообладание	5,0
Самоконтроль	5,2
Целеустремленность	6,2
Лидерские качества	5,3
Честность и справедливость	4,5
Физическая и психическая выносливость	5,2
Активность	5,9
Сила и здоровье	4,9

Существуют значимые взаимосвязи личностных характеристик офицера (оцениваемых с помощью Карты) с особенностями его образа у военнослужащих, для проверки этого предположения был проведен корреляционный анализ по Спирмену, который и показал наличие значимых коэффициентов.

Такое качество образа, как смелый, оказалось связано со следующими качествами: умением принять нужное решение (0,334), интуицией (0,401), уверенностью в себе (0,540), настойчивостью при достижении цели (0,421), лидерскими качествами (0,356), физической и психической выносливостью (0,343), активностью (0,365), силой и здоровьем (0,289).

Качество «справедливый» как составляющая образа значимо взаимосвязано с выполнением должностных обязанностей (0,335), умением принять решение (0,304), профессиональной интуицией (0,354),

социальной интуицией (0,404), коммуникативными способностями (0,291), честностью и справедливостью (0,643).

Качество «честный» значимо взаимосвязано с такими качествами, как социальная интуиция (0,404) и справедливость (0,643).

Социальным фактором формирования образа офицера являются его институциональный статус и социально-экономическое положение, их стабильность помогает прогнозировать адаптацию к служебной деятельности, в том числе в особых условиях [21].

Результаты анализа образа офицеров показывают, что он не в полной мере отвечает требованиям модернизации Вооруженных Сил. Значимая часть командиров в воинских подразделениях обладает характеристиками, которые затрудняют их взаимодействие с личным составом. Данное обстоятельство обуславливает важность и необходимость выработки конкретных направлений формирования позитивного образа офицеров с учетом изменившихся условий внешней среды и задач по совершенствованию системы подготовки и отбора командных кадров.

Формирование позитивного образа командира в современных условиях — это поиск, разработка и поддержание методами социального воздействия таких условий взаимодействия системы «личность офицера — военно-социальная среда», которые обеспечивают совершенствование и реализацию офицера-руководителя в рамках профессиональной деятельности.

Для создания позитивного образа офицера необходимо стремление офицера как руководителя к полному самовыражению и самореализации, повышению личностно-делового потенциала, рациональному использованию ресурсов личного состава, успешному формированию в воинском подразделении своего позитивного образа.

Особое значение приобретает развитие коммуникативной компетентности командира, которая помогает управлять без деструктивных конфликтов, находить общий язык с разными людьми, способствует достижению поставленных целей с минимальными организационными, психологическими потерями.

Формирование позитивного образа офицера как руководителя в реальных условиях его жизнедеятельности должно приобрести характер продуманной военно-социальной политики, направленной на внедрение эффективной обратной связи в звеньях по типу «руководитель — подчиненный».

Важным направлением формирования позитивного образа офицера является обеспечение устойчивости с помощью различных методов социальной регуляции: экономических, политических, правовых, социокультурных, педагогических, ориентирующих, управленческих, символических, эстетических.

Выводы

1. Эмпирически показано, что для образа офицера важны такие социальные ориентации, как «Авторитарный», «Эгоистический», «Подозрительный», «Агрессивный», «Подчиняемый», «Альтруистический». Каждая из данных ориентаций выполняет свою функцию. Так, авторитарность и подчиняемость необходимы офицеру для комфортного и эффективного существования в строгой иерархической структуре, а подозрительность обуславливает здоровую критичность при оценке людей и их действий. Эгоистичность служит для самостоятельности при принятии решений, а агрессивность — для реализации поставленных задач, обеспечивая напористость и устремленность на выполнение поставленной задачи. Альтруистичность необходима как живое участие в судьбе других, подчиненного состава, способность к взаимовыручке, готовность пожертвовать своими интересами, а иногда и собой, т. е. готовность к подвигу.

2. Восприятие образа офицера военнослужащими детерминировано внутригрупповым сходством. Наиболее востребованными оказались такие качества, как «смелость», «справедливость», «честность», которые относятся к морально-нравственным характеристикам, означая, что именно они, а не физическая выносливость или ум наиболее ценятся военнослужащими. Возможно, это объясняется тем, что здоровье и интеллектуальные способности у командира, у офицера должны присутствовать априори.

3. Образ офицера служит основой для построения прогноза его успешности в реальности. Прогнозирование будущего каждой конкретной личности, в частности будущей эффективности офицера в деятельности, опирается на несколько различных уровней мышления [22], каждый из которых обеспечивает свои цели. Так, при принятии важных решений офицер задействует не только логическое мышление, представленное в сознании, но и свою профессиональную интуицию, которая вырабатывается в ходе теоретической и практической подготовки, выполнения должностных обязанностей, а также социальную интуицию, развиваемую в коммуникативной деятельности, разрешении различных конфликтов, и т. д.

4. Карта оценки личности офицера, разработанная в целях исследования, является действенным прогностическим инструментом, так как охватывает профессионально важные и профессионально значимые качества офицера, которые могут быть оценены окружающими (экспертами) без дополнительных диагностических методик. Карта оценки личности офицера не требует много времени на проведение и обработку результатов, а также не подразумевает специального образования и подготовки экспертов.

Перспективы. В дальнейшем планируется продолжить исследование процессов самопознания,

самоотношения и самовосприятия в служебной деятельности офицера. Насколько офицер в представлении своего собственного «Я» считает себя соответствующим «идеальному» образу офицера, насколько понимание образа офицера различается при разных сроках службы, а также при различных видах служебной деятельности в Российской армии. Предполагаются также уточнение инструментария

для исследования образа офицера, его личностных и индивидуальных особенностей, связи со способностью адаптироваться в военно-профессиональной среде и в жизни в целом, проведение диагностической процедуры, развернутого исследования на различных выборках, оценка офицеров различных структур с выделением специфики, обусловленной особенностями их деятельности.

Список источников

1. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А., Пономаренко В. А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях. Психологический аспект. Минск, 2016. 223 с.
2. Караванов А. А. Психологическое сопровождение учебно-профессиональной деятельности курсантов младших курсов военного вуза : дис. ... канд. психол. наук. Воронеж, 2004. 145 с.
3. Локус контроля более полувека исследований / под ред. Е. Г. Ксенофонтовой. М., 2021. 112 с.
4. Campbell J. B. Modern personality theories: What have we gained? What have we lost? In G. J. Boyle, G. Matthews, & D. H. Saklofske (Eds.). *The SAGE handbook of personality theory and assessment*. 2006. Vol. 1. Pp. 190–212. <https://doi.org/10.4135/9781849200462.n9>.
5. Buchtel E. E., Ng L. C. Y., Norenzayan A., Heine S. J., Biesanz J. C., Chen S. X., Bond M. H., Peng Q., Su Y. A sense of obligation: cultural differences in the experience of obligation. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44, No 11. Pp. 1545–1566.
6. Лесите Э. Ю. Качества российского офицера в представлениях суворовцев // Научно-практические исследования. 2019. № 5.2(20). С. 28–31.
7. Шагин И. Н., Корбут А. В., Митасова Е. В. Образ курсового офицера-преподавателя // Актуальные проблемы адаптации курсантов образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 517–519.
8. Сметанников А. П. Теоретические основы аксиологического подхода к формированию военно-профессионального образа офицера // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 3(292). С. 50–54.
9. Забегалина С. В., Белозерова Л. А., Чигарькова А. В. Структура личности специалиста, обеспечивающая эффективность деятельности в особых условиях // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 1. С. 42–45.
10. Lopez-Fernandez O., Rodrigues-Illera J. L. Investigating university students' adaptation to a digital learner course portfolio. *Computers & Education*. 2009. Vol. 52. Pp. 608–616.
11. Сорокин А. И. Динамика выраженности категорий идентичности курсантов военного вуза в процессе социализации // Мир образования — образование в мире. 2018. № 2(70). С. 185–191.
12. Benedek M., Daxberger D., Annerer-Walcher S., & Smallwood J. Are you with me? Probing the human capacity to recognize external/internal attention in others' faces. *Visual Cognition*. 2018. No. 26(7). Pp. 511–517. <https://doi.org/10.1080/13506285.2018.1504845>.
13. Трегубова М. С. Формирование мужественности в военных учебных заведениях пореформенной России (на основе дворянских мемуаров) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 2(71). С. 37–45.
14. Сулов Д. В., Лопуха Т. Л. Формирование образа современного офицера Вооруженных Сил Российской Федерации // *European Social Science Journal*. 2017. № 2-1. С. 272–280.
15. Славко А. Л. Особенности формирования высоконравственной личности защитника правопорядка: историческая ретроспектива // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 361–363.
16. Zhang J. W., Chen S., Manukyan A., Tomova Shakur T. K., Bilgin B., Chai W. J., Ramis T., Shaban-Azad H., Razavi P., Nutankumar T. A compassionate self is a true self? Self-compassion promotes subjective authenticity. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2019. Vol. 45, No. 9. Pp. 1323–1337.
17. Wilkowski B. M., Robinson M. D. When aggressive individuals see the world more accurately: the case of perceptual sensitivity to subtle facial expressions of anger. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2012. Vol. 38, No 4. Pp. 540–553.
18. Набока А. А. Особенности психологической адаптации курсантов к обучению в юридическом вузе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 3(86). С. 268–278. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-386-268-273>.
19. Freud A. *The Ego and the Mechanisms of Defence*. N. Y., 2018. 192 p.
20. Fortunato V. J., & Furey J. T. The theory of MindTime: The relationships between Future, Past, and Present thinking and psychological well-being and distress. *Personality and Individual Differences*. 2011. No 50(1). Pp. 20–24. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2010.08.014>.
21. Забегалина С. В. Трудности прогнозирования адаптации личности в особых условиях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6, № 3. С. 78–99.
22. Gilead M., Trope Y. & Liberman N. Thinking about the future: A construal level theory perspective. In G. Oettingen & A. T. Sevincer (Eds.) *The psychology of thinking about the future*. N.-Y., 2018. Pp. 296–309.

Поступила 20.06.2022; одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Психология правонарушающего поведения

Psychology of delinquent behaviour

Научно-практическая статья

УДК 316.6 © Л. Н. Антилогова, О. В. Евтихов, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-28-33

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Девиантность подростков и их жизненные ориентиры

Лариса Николаевна Антилогова¹, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и педагогической психологии; Antilogova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5940-4372>

Олег Владимирович Евтихов², кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; evtikhov2003@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9899-6947>

¹ Омский государственный педагогический университет, Омск, 644099, наб. Тухачевского, 14, Россия

² Сибирский юридический институт МВД России, 660131, Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, Россия

Реферат

Введение. Рассматривается проблема изучения жизненных ориентиров лиц подросткового возраста, представляющего период, когда у человека складывается определенный круг интересов, который является психологической базой, определяющей его жизненный путь. В это время происходит усвоение нравственных ценностей, существующих в культуре общества, на основе которых формируется направленность личности подростка. Отсюда возникает особый интерес к данной возрастной группе как наиболее активной, непредсказуемой, способной как к созиданию, так и к разрушению. Последнее происходит чаще всего у подростков с девиантным поведением, чьи жизненные ориентиры в значительной степени отличаются от сверстников-недевиантов. Цель исследования — выявление жизненных ориентаций подростков с девиантным поведением. **Материалы и методы.** Применялись методика смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, методика «Иерархия жизненных ценностей» Г. В. Резапкиной, методика «Потребность в достижении цели» Ю. М. Орлова. В опросе принимали участие 38 подростков школ г. Омска. **Результаты и обсуждение.** Жизненные ориентации играют важную роль в определении, построении жизни человека, реализации разработанных им планов, выстраивании траектории движения к намеченной цели, достижение которой сопровождается переживанием счастья. Представлены доминирующие жизненные ориентиры такой возрастной группы, как подростки. Внимание акцентировано на выявлении психологической природы жизненных ориентаций, их диагностики, а также определении различий в жизненных ориентациях девиантных и нормотипичных подростков. Приводятся данные эмпирического исследования жизненных ориентаций девиантных и нормотипичных подростков. **Выводы.** У значительной части подростков с отклоняющимся поведением либо не сформирована, либо сформирована в недостаточной степени внутренняя позиция, что является следствием общей несформированности адекватных жизненных ориентаций. Кроме того, такое поведение следует характеризовать не как направленное на протест, а, напротив, как конформное антикультурной либо асоциальной среде, являющейся из-за недостаточной степени сформированности собственных жизненных ориентаций референтной для девиантных подростков.

Ключевые слова: девиантность, девиантное поведение, жизненные ориентиры, подростки, ценностные ориентации

Для цитирования: Антилогова Л. Н., Евтихов О. В. Девиантность подростков и их жизненные ориентиры // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 28–33. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-28-33>

Scientific and Practical Article

UDC 316.6 © L. N. Antilogova, O. V. Evtikhov, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-28-33

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

Juveniles' Deviance and Life Orientations

Larisa N. Antilogova¹, Doctor of Science in Psychology, Professor, head of the chair of General and Pedagogical Psychology; Antilogova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0000-5940-4372>

Oleg V. Evtikhov², Candidate of Science in Psychology, Associate-Professor, chief of the chair of Social Economic Sciences and Humanities; evtikhov2003@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9899-6947>

¹ Omsk State Pedagogical University, 14 Tukhachevsky embk., Omsk, 644099, Russia

² Siberian Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 20 Rokossovsky st., Krasnoyarsk, 660131, Russia

Abstract

Introduction. Under consideration is the problem of studying life orientations of persons of juvenile age, a period when a certain range of interests is formed and which is a psychological basis determining his life path. During this period a person acquires moral values common for the culture of the society, which underlie a juvenile personality's development. This gives rise to a special interest in this age group as the most active, unpredictable, capable of both creation and destruction. The latter is most typical for deviant juveniles whose life orientations significantly differ from their non-deviant peers. The purpose of the research is to reveal life orientations of deviant juveniles. **Materials and Methods.** The study employed the method of life meaning orientations developed by D.A. Leontiev, G.V. Rezapkina's "Hierarchy of life values", Yu. M. Orlov "Need for achieving the goal". The survey covered thirty-eight school students from Omsk. **Results and Discussion.** It is emphasized that life orientations play a significant role in determining, building a person's life, implementation of his plans, tracking the way to the designated goal, which achievement is accompanied by experiencing happiness. The authors present dominant life orientations of such an age group as juveniles. The focus is made on identifying the psychological nature of life orientations, their diagnostics, as well as determining the differences in life orientations of deviant and normotypical juveniles. The article contains some data from the empirical study of life orientations of deviant and normotypical juveniles. **Conclusions.** The majority of juveniles have either an inner position not yet formed or formed not to a sufficient degree, which is caused by the general unformed adequate life orientations. Moreover, such a behaviour should be characterized not as the one aimed at protesting, but, on the contrary, as conforming to an anti-cultural or asocial environment, which, due to the insufficient degree of formation of one's own life orientations, is a reference for deviant juveniles.

Keywords: deviance, deviant behavior, life orientations, juveniles, value attitudes

Citation: Antilogova L. N., Evtikhov O. V. Juveniles' Deviance and Life Orientations. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 28–33 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-28-33>

Основные положения

1. Жизненные ориентации — это жизненная направленность, задающая содержание устремлений и действий личности, включающая устойчиво доминирующую мотивационную установку, благодаря которой человек способен выстраивать жизненную линию, т. е. руководствоваться определенными предпочтениями и мотивами в различных ситуациях.

2. Жизненные ориентации в общем виде можно представить как детерминанты жизнедеятельности личности, обуславливающие ее направленность и регуляцию.

3. В операциональном плане жизненные ориентации включают в себя три характеристики — ориентацию на получение удовольствия (дефицитарную), ориентацию на реализацию себя и ориентацию духовной направленности.

4. Жизненные ориентации девиантных подростков в силу их специфики формирования имеют разнонаправленный и порой противоречивый характер, вследствие чего происходит деформация личностного смысла.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы. Позитивные изменения, происходящие в жизни общества, не всегда сопровождаются гармоничным преобразованием и развитием личности, особенно в подростковом возрасте, когда идет активный поиск себя и своего предназначения, нередко в противовес нормам и правилам, установленным в обществе, что приводит к деструктивным проявлениям. Подростковому возрасту свойственно стремление к самоутверждению порой действиями и поступками, которые относятся к противо-

правным. Отсюда девиантность в данном возрасте отнюдь не исключительное явление. У подростков, прибегающих к такому поведению, нарушаются жизненные и ценностные ориентиры.

Анализ психолого-педагогической литературы свидетельствует о том, что до сих пор не разрешены противоречия между существующей проблемой девиаций подростков и отсутствием однозначной теоретической базы, касающейся их жизненных ориентаций, приводящих к девиантности. Все это актуализирует изучение данной проблемы. Целью исследования выступает выявление жизненных ориентаций девиантных подростков.

Теоретические предпосылки и состояние проблемы. Многие авторы (В. С. Басюк, Л. И. Божович, А. А. Грачев, В. С. Мухина и др.) в своих работах, посвященных изучению подростков и их жизненных ориентаций, описывают этот возраст как период интенсивного формирования мировоззрения, системы оценочных суждений. Они отмечают, что характер ценностей подростков отличается, с одной стороны, многообразием, а с другой — неустойчивостью и размытостью [1–3]¹.

Подростковый возраст рассматривается как промежуточный период между детством и зрелостью: от 11–12 до 15–17 лет. По мнению Д. Б. Эльконина, такая периодизация связана со сменой ведущих видов деятельности, когда общение, будучи ведущим видом деятельности в среднем школьном возрасте, уступает место учебно-профессиональной деятельности в старшем школьном возрасте [4]. Однако четко установить границы подросткового возраста достаточно сложно, поскольку каждый подросток индивидуален, но общим является наличие

¹ Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество : учебник для студ. вузов. М., 2002. 456 с.

внутриличностных и межличностных конфликтов, нестабильности поведения и отношений.

Для определения доминирующих жизненных ценностей подростков обратимся к рассмотрению самой категории «жизненные ориентации», достаточно объемной по содержанию. Так, Б. Г. Ананьев, трактуя данную категорию, акцентирует внимание на жизненной направленности, которая задает содержание устремлений и действий личности. В понятие направленности входит устойчиво доминирующая мотивационная установка, благодаря которой человек способен выстраивать жизненную линию, т. е. руководствоваться определенными предпочтениями и мотивами в различных ситуациях [5].

Исходя из вышесказанного, жизненные ориентации в общем виде можно представить как детерминанты жизнедеятельности личности, обуславливающие ее направленность и регуляцию.

Жизненные ориентации включают в себя три характеристики: ориентацию на получение удовольствия (дефицитарную), ориентацию на реализацию себя и духовной направленности. Об этом писал З. Фрейд, полагая, что в основе протекания психических процессов лежит принцип удовольствия. Поведение, по мнению З. Фрейда, либо состоит в снижении неудовольствия, либо непосредственно направлено на получение удовольствия [6].

Иной позиции в отношении жизненных ориентаций придерживается Э. Фромм, полагая, что доминирующей ориентацией личности является стремление к самореализации [7]. Ориентация на самореализацию выступает одной из доминирующих идей психотерапии К. Роджерса, описывающего ее в непрекращающемся движении, трансформации. Личность словно ищет себя, не проявляя при этом устремления к некоему финальному результату [8].

А. Маслоу рассматривает жизненные ориентации через призму самоактуализации личности, которая направлена на перманентную актуализацию собственных возможностей, задатков и талантов, углубление понимания и принятия собственного Я [9].

Иное представление о жизненных ориентациях встречаем в работах В. Франкла, считавшего, что основной ориентацией личности является поиск смыслов в противоположность естественному устремлению к получению наслаждений и удовольствий; кроме того, в роли вторичного им рассматривается также и устремленность к самореализации [10]. С точки зрения В. Франкла, доминирующей ориентацией личности является направленность на обретение смысла собственного существования в сфере духовных ценностей; вторичным следствием этой направленности выступают ориентации на самореализацию; главный способ отношения к миру в данной системе знаний — трансцендентный, в котором личность покидает пределы своего Я, входя в иную, внеличностную систему координат.

В отечественной психологии следует выделить подход В. Н. Панферова к нравственной регуляции поведения людей, заключающийся в том, что ее основой является совесть, играющая роль доминирующего образования человеческой души. Она складывается из приятия наивысших ценностных категорий жизни людей, взаимосвязанных с самосовершенствованием духовного порядка. Душа при этом выходит за границы исключительно материального бытия физических структур человека, предоставляя личности своего рода бессмертие и состояние свободы [11].

Интересно исследование Е. Ю. Коржовой, в котором выделяются значимые критерии для рассмотрения понятия жизненных ориентаций человека: направленность на адаптацию с окружающей средой; стремление удовлетворить свои дефицитарные потребности; достичь личностной целостности; удовлетворить потребности самовыражения; добиться самореализации и реализации имеющихся возможностей; достичь совершенствования своей личности; обрести смысл жизни. По мнению автора, жизненные ориентации — это субъект-объектные ориентации общего плана, проявляемые личностью относительно конкретных ситуаций собственной жизни [12, с. 170–171].

В. А. Ядов, разработав концепцию иерархической регуляции общественного поведения человека, в качестве главного уровня регулирования определил именно ценностные ориентации человека [13]. Итак, проблема жизненных ориентаций связывается с решением вопросов об их содержании, характерном для каждой из них способе действий, типичной сфере их реализации и соответствующем базовом переживании.

Поскольку проблема субъект-объектных ориентаций в ситуациях реальной жизни выступает главенствующей для описания субъектности в жизнедеятельности, их систематику имеет смысл применять для того, чтобы анализировать личность, а также определять принципы ее внутренних процессов. Внутри каждой личности субъект-объектные ориентации трансформируются в некие психологические образования более высшего порядка, именуемые жизненными ориентациями, которые связаны с поиском человеком смысла, обретение которого происходит посредством осуществления деятельности.

Таким образом, на основе анализа психолого-педагогической литературы можно заключить, что существует взаимосвязь между структурой личности, ее мотивационной сферой и жизненными ориентациями. Суть данной взаимосвязи состоит в том, что смысло-жизненные ориентации аккумулируют жизненные ориентации личности, выступая закономерным следствием ее направленности.

Рассмотрев содержание жизненных ориентаций как психологического понятия, обратимся к раскрытию сущности девиантного поведения, под которым понимается отклонение в поведении от социальных норм и правил

[14; 15]² как узаконенных установлений, обеспечивающих определенный порядок жизни людей³. Все выходящее за такие рамки понимается как отклонение от нормы. При этом важно подчеркнуть, для того чтобы выходить за пределы нормы, отклонения в поведении должны проявляться длительно, иметь устойчивый характер и регулярно повторяться [16, с. 81; 17, с. 125].

В большинстве работ отмечается, что подросткам свойственны перепады настроения, которые могут стать первопричиной нарушений поведения, определяемых особенностями эмоциональной сферы: индивидуально-личностными дезадаптивными свойствами индивида (низкий уровень саморегуляции, отчужденность от среды); позитивными отношениями личности к отклоняющемуся поведению, эмоционально насыщенными переживаниями в момент девиации; эмоциональным дискомфортом вследствие противоречивости мотивов общения. Первопричиной девиантного поведения является утрата эмоционального комфорта внутри семьи и школьного коллектива, что, в свою очередь, влечет подростка к поиску компенсации неудовлетворенности эмоционального плана в досуговых группах, где есть возможность избежать негативных переживаний и обрести сочувствие и понимание.

В. А. Ясной было выявлено, что у девиантных подростков при формировании идентичности доминирует временная идентичность, которая получила название «отложенная социальность» [18] и характеризуется тем, что, несмотря на имеющиеся у подростков представления об общественных нормах и правилах, следование им в своей деятельности ими постоянно откладывается. У них слабо развиты социальные навыки по сравнению, например, с трудовыми, спортивными. Помимо этого, автор констатирует, что у таких подростков отмечается высокий уровень тревожности, а ожидания от будущего негативные.

Обобщая характеристики девиантных подростков, можно отметить, что им свойственна малоэффективная саморегуляция, их способы взаимодействия с другими людьми непродуктивны, что связано с обостренным страхом отвержения в референтной группе [19]. Девианты эмоционально позитивно воспринимают отклоняющееся поведение [20], демонстрируют агрессивность. Они неблагополучны в эмоциональном плане из-за полного отсутствия здоровой рефлексии и общего поверхностного характера чувств. Им свойственны «закрытость» в коммуникационном плане, настороженность в общении, пониженный уровень способностей к общению [21].

Итак, можно утверждать, что у существенной части подростков с отклоняющимся поведением в недостаточной степени сформирована внутренняя позиция, что

выступает следствием общей несформированности адекватных жизненных ориентаций. Поведение девиантных подростков часто направлено на протест, они комфортно чувствуют себя в антикультурной, асоциальной среде. Являясь образцом ненормативного развития, направленность личности девиантов может отражать влияние среды и интраецированных установок на детерминанты их поведения. Девианты склонны воспринимать мир и социальные ценности в искаженном виде, поскольку имеют низкую осведомленность о правовых и нравственных нормах; у них практически отсутствует ответственность за свои действия и поступки [22].

Что касается интересов девиантов, то они разрозненны, размыты, разбросаны, неустойчивы и слабо выражены, ситуативны, с антисоциальными оттенками. Характер влечений у девиантов носит инфантильно-романтическую окрашенность будущего в виде случайных выигрышей и побед [23]. Важное место в направленности личности отводится действенности, активности субъекта, определяющей достижение цели, которая у девиантов проявляется в минимальной степени и обращена не на результат. Интенсивность реализации деятельностных целей у них часто застревает на уровне несбыточных желаний [24].

Понимая свою отверженность, подростки-девианты отождествляют наглость, грубость, жестокость с силой характера, а такие нравственные качества, как совесть, доброта, доверие, честность, ответственность, любовь и др., относят к числу ложных ценностей. У девиантов часто происходит абсолютизация смелости, верности, мастерства [25]. Специфика формирования жизненных ориентаций девиантного подростка заключается в том, что жизненные ориентации у него имеют разнонаправленный и порой противоречивый характер, вследствие чего происходит деформация личностного смысла.

Материалы и методы

Определение доминирующих жизненных ориентаций подростков было осуществлено при помощи методики Ю. М. Орлова «Потребность в достижении цели», методики «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева, методики «Иерархия жизненных ценностей» Г. В. Резапкиной. Выборку составили 46 подростков в возрасте 15–16 лет, из них 22 состояли на школьном учете, т. е. являлись девиантными, и 24 подростка имели нормативное поведение. Все лица мужского пола. Первые составили экспериментальную, а вторые — контрольную группу.

Результаты и обсуждение

Используя методику Ю. М. Орлова «Потребность в достижении цели», мы получили следующие результаты. Потребность в достижениях у подростков-девиантов

² Шнейдер Л. Б. Психология подростковой девиантности и аддиктивности : учеб.-метод. пособие для студентов, изучающих дисциплину «Психология девиантного поведения и аддиктивного поведения». М., 2016. 300 с.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 382.

соответствует пониженному уровню. Для них характерны отсутствие настойчивости в достижении своих целей; удовлетворенность достигнутым; отсутствие стремления сделать что-либо лучше, чем раньше. Они не стремятся усердно трудиться; не способны переживать удовольствие от достигнутого успеха; у них отсутствует потребность в использовании новых приемов работы; они не стремятся оказывать помощь другим, равно как и принимать ее. В то же время большинству подростков-недевиантов присущ средний уровень потребности в достижении успеха.

Анализ данных, полученных при помощи методики смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, показал, что у девиантов выявлен низкий уровень выраженности всех компонентов. У них отсутствуют перспективные цели, придающие жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Эти подростки не считают свою жизнь интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом; у них нет уверенности в собственных силах. Они не умеют контролировать происходящие в их жизни события и делать свободный выбор в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Эти подростки склонны к фатализму, они считают, что жизнь человека иллюзорна, поэтому бессмысленно что-либо загадывать на будущее. Подростки же с нормативным поведением воспринимают сам процесс жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом; они убеждены в том, что человек способен контролировать свою жизнь.

Данные, полученные при помощи методики «Иерархия жизненных ценностей» Г. В. Резапкиной, свидетельствуют, что ценности девиантных подростков характеризуются низкой выраженностью параметра «Служение», умеренной выраженностью параметров «Здоровье», «Материальные ценности», «Творчество», «Семья», «Карьера», «Слава», высокой выраженностью параметра «Отдых».

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод о том, что девиантные подростки ориентированы на отдых и развлечения, материальные блага, потребность в славе, на внимание со стороны окружающих и на собственные интересы. Указанные ориентации могут говорить об эмоциональной незрелости, неуверенности в себе, потребности в поддержке. Подростки с нормативным поведением ориентируются на творческую деятельность, профессиональную карьеру, интересы близких людей, вознаграждение за свои достижения.

Для обнаружения существенных различий между двумя группами респондентов был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни, который выявил статистически значимые различия между выборками по следующим показателям (табл.).

Выявленные отличия можно объяснить следующим образом: в работе с девиантными подростками уделяется

Таблица. Результаты расчета достоверных различий между группами подростков-девиантов и подростков с нормативным поведением при помощи U-критерия Манна-Уитни
(Table. Results of calculating the valid differences between groups of deviant juveniles and juveniles with normative behavior via Mann-Whitney U-test)

Методики	Шкалы	Эмпирическое значение U-критерия Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
Потребность в достижении цели Ю. М. Орлова	Потребность в достижении цели	10,000	p≤0,01
	Цели	63,000	p≤0,05
Смысложизненные ориентации (СЖО) Д. А. Леонтьева	Процесс	63,000	p≤0,05
	Локус контроля — жизнь	58,000	p≤0,05
	Здоровье	41,000	p≤0,01
Иерархия жизненных ценностей Г. В. Резапкиной	Творчество	17,000	p≤0,01
	Семья	34,500	p≤0,01
	Карьера	26,000	p≤0,01
	Служение	11,000	p≤0,01
	Слава	55,500	p≤0,05
	Отдых	52,500	p≤0,05

внимание в большей степени неудачам, с которыми они сталкиваются, а успехи игнорируются, что может снижать потребность в успехе. Девиантные подростки пребывают в девиантной среде, формирующей специфическую картину мира, где ответственность за асоциальное или девиантное поведение лежит не на самом человеке, а на окружающем его обществе. Кроме того, подростки, оказываясь в неблагоприятных условиях, в силу возраста не могут изменить своего положения, поэтому прибегают к фатализму как защитному механизму. Подростки, проявляющие девиантное поведение, находятся в ситуации социально-психологической дезадаптации, поэтому нарушается нормальный процесс их психологического развития, что и приводит, в свою очередь, к образованию специфической иерархии мотивов.

По результатам исследования можно заключить, что подростки-девианты имеют низкую мотивацию в достижении своих целей; их отличает отсутствие перспективных целей; процесс жизни воспринимается ими как эмоционально не насыщенный; у них не сформировано представление о себе как о сильной личности, способной контролировать события собственной жизни; они склонны к фатализму и уверены в принципиальной невозможности самостоятельного осуществления контроля событий собственной жизни; в структуре жизненных ценностей ориентированы на отдых и развлечения; материальные блага; потребность в славе и на внимание со стороны окружающих.

Выводы

1. У подростков с девиантным поведением доминирует низкая и пониженная потребность в достижениях (73,0%), в то время как у подростков с нормативным поведением — средняя (86,7%), повышенная и высокая

(15,0%). Девиантные подростки не стремятся к достижениям, к успеху, не нацелены на одобрение со стороны окружающих. Они довольствуются удовлетворением ситуационных потребностей.

2. У подростков с девиантным поведением показатели «осмысленность жизни», «цели», «процесс», «результат», «локус контроля — Я», «локус контроля — Жизнь» имеют одинаково низкую выраженность по сравнению с подростками-недевиантами. У девиантных подростков отсутствуют перспективные цели, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу; эти подростки не воспринимают процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом.

3. Среди ценностей у девиантных подростков доминируют такие, как отдых (3,8 балла), материальные ценности (2,5 балла), слава (1,9 балла), в то время как у нормативных подростков — творчество (3,5 балла), карьера (3,2 балла), здоровье (2,5 балла).

Перспективы. В дальнейших исследованиях предстоит целенаправленная работа по расширению системы знаний девиантных подростков о жизненных ориентациях, о том, как ориентации влияют на формирование и развитие личности; развитие рефлексивных способностей, самопознания подростков в контексте жизненных ориентаций; изменение стереотипа восприятия своей жизни как неинтересной, не наполненной смыслом; актуализацию потребности в достижении своих целей; развитие навыков самоорганизации, самомотивации.

Список источников

1. Басюк В. С. Методологические идеи научной школы «Феноменология развития и бытия личности» В. С. Мухиной в организации работы с девиантными подростками // Развитие личности. 2017. № 4. С. 103–118.
 2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2008. 400 с.
 3. Грачев А. А. Жизненные ориентации в прикладных психологических концепциях человека // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 2. С. 289–294.
 4. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6–20.
 5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2016. 282 с.
 6. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2019. 528 с.
 7. Фромм Э. Иметь или быть? М., 2016. 320 с.
 8. Роджерс К. Консультирование и психотерапия. М., 2008. 509 с.
 9. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. М., 2017. 448 с.
 10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 2018. 324 с.
 11. Панферов В. Н. Психология человека. СПб., 2000. 160 с.
 12. Коржова Е. Ю. Психология личности: Типология теоретических моделей. СПб., 2004. 542 с.
 13. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013. 376 с.
 14. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб., 2010. 352 с.
 15. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. СПб., 2005. 445 с.
 16. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб., 2008. 940 с.
 17. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2010. 816 с.
 18. Ясная В. А. Просоциальное и антисоциальное в Я-концепции подростков с девиантным поведением // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тез. участников всерос. конф. по юридической психологии с междунар. участием. М., 2012. С. 43–44.
 19. Алехин А. Н., Королева Н. Н. Эмоционально-оценочные составляющие образа мира подростков с саморазрушающим поведением // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2015. № 1. С. 90–98.
 20. Бондарева М. Ю., Ткач Е. Н. Особенности субъективного переживания эмоционального благополучия в подростковом возрасте // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология. 2014. № 3(34). С. 97–109.
 21. Тигунцева Г. Н. Результаты эмпирического исследования особенностей коммуникативных процессов делинквентных подростков (на основе корреляционного и факторного анализа) // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/506> (дата обращения: 28.05.2020).
 22. Замуленко А. Ю., Селезнева Г. Н. Особенности смысловой сферы личности у подростков с девиантным поведением // Научная инициатива в психологии. 2017. № 1. С. 101–105.
 23. Чуприкова А. С., Игина К. А., Мекшинева А. В. Психологические проблемы девиантного поведения // Будущее науки — 2019 / отв. ред. А. А. Горохов. Курск, 2019. С. 52–54.
 24. Мельникова М. Л. Сравнительный анализ структурных компонентов смыслового будущего у подростков // Педагогическое образование в России. 2017. № 7. С. 157–163.
 25. Зарипова Н. Н., Ломтев Р. А. Индивидуально-психологические особенности подростков с девиантным поведением // Психологическая и педагогическая основа современной образовательной среды. 2019. № 1. С. 52–54.
- Поступила 10.09.2022; одобрена после рецензирования: 26.10.2022; принята к публикации 30.11.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 159.9 © Д. Р. Белодед, В. Ф. Енгальчев, В. А. Корзунин, С. В. Духновский, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-34-40

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Психологическая модель выявления потенциальных скулшутеров в цифровой образовательной среде

Диана Роландовна Белодед¹, судебный эксперт-психолог; dr_beloded@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3608-2733>

Вали Фатехович Енгальчев¹, доктор психологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики, профессор кафедры общей и социальной психологии; valiyen@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>

Владимир Александрович Корзунин², доктор психологических наук, профессор; vakorzunin@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7332-6771>

Сергей Витальевич Духновский³, доктор психологических наук, профессор, профессор Высшей психолого-педагогической школы Гуманитарного института; dukhnovskysv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

¹ Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 26, Россия

² Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова, 194044, Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, 6, Россия

³ Югорский государственный университет, 628007, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16, Россия

Реферат

Введение. Вооруженное нападение на обучающихся и педагогических работников образовательных организаций в последние годы становится острой социальной проблемой. Противодействие массовым убийствам требует разработки системы психологического мониторинга, позволяющей собирать, обобщать и оценивать наличие факторов риска. Ее отсутствие обусловлено необходимостью решения теоретических и методологических задач, обеспечивающих изучение поведенческих, психологических, социальных предпосылок скулшутинга. Целью исследования выступает разработка концептуальных оснований и теоретической модели программы, позволяющей выявлять лиц, обладающих сходными со скулшутерами психологическими, социальными, поведенческими и иными признаками. **Материалы, результаты и обсуждение.** Рассмотрены основные подходы к созданию программы определения лиц с потенциально опасными тенденциями. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований описаны внешние (социальные) и внутренние (индивидуально-психологические) характеристики личности скулшутера. Сформулированы принципиальная модель поиска представителей группы риска и методика оценки риска реализации опасного поведения. Определена роль искусственной нейронной сети в выявлении, анализе и оценке признаков риска. Представлены поведенческие, психологические и социальные индикаторы отнесения лиц к группе риска. Предложен алгоритм действий педагогических работников в отношении обучающихся, склонных к организации вооруженного нападения на образовательную организацию. **Выводы.** Предложенная модель программы основывается на существующих представлениях о предпосылках вооруженных нападений на образовательные организации и требует дальнейшей верификации и валидации. Вместе с тем ее разработка обогащает существующие методы противодействия массовым убийствам обучающихся и педагогических работников.

Ключевые слова: скулшутинг, колумбайн, психологическая безопасность, цифровизация, массовые убийства, информационно-психологическая безопасность, компьютерные технологии

Для цитирования: Белодед Д. Р., Енгальчев В. Ф., Корзунин В. А., Духновский С. В. Психологическая модель выявления потенциальных скулшутеров в цифровой образовательной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 34–40. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-34-40>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9 © D. R. Beloded, V. F. Engalychev, V. A. Korzunin, S. V. Dukhnovsky, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-34-40

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Psychological Model for Revealing Potential School Shooters in a Digital Educational Environment

Diana R. Beloded¹, forensic psychologist; dr_beloded@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3608-2733>

Vali F. Engalychev¹, Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Research Center of Forensic Expertise and Criminalistics, Professor at the chair of General and Social Psychology; valiyen@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>

Vladimir A. Korzunin², Doctor of Science in Psychology, Professor; vakorzunin@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7332-6771>

Sergey V. Dukhnovsky³, Doctor of Science in Psychology, Professor, Professor of the Higher School of Psychology and Education of Humanitarian Institute; dukhnovskysv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>

¹ K. E. Tsiolkovsky Kaluga State University, 26 Stepan Razin st., Kaluga, 248023, Russia

² S. M. Kirov Military Medical Academy, 6 Akademik Lebedev st., St. Petersburg, 194044, Russia

³ Yugra State University, 16 Chekhov st., Khanty-Mansiysk, 628007, Russia

Abstract

Introduction. Armed attacks on students and pedagogical workers of educational organizations have become an acute social problem in recent years. Counteraction to mass murder demands development of a system of psychological monitoring, which makes it possible to collect, summarize and evaluate the presence of risk factors. Its absence determines the necessity of solving theoretical and methodological problems, which provide the study of behavioral, psychological, social prerequisites of school shooting. The aim of the research is to develop conceptual foundations and a theoretical model of the program to reveal persons at risk who have psychological, social, behavioral and other features similar to those of school shooters. **Materials, Results and Discussion.** The main approaches to creating a program to reveal individuals with potentially dangerous tendencies were reviewed. Based on the analysis of domestic and foreign studies external (social) and internal (individual-psychological) characteristics of the school shooter are described. The authors formulate the principle model of risk group search and the method of risk assessment of dangerous behavior implementation. The role of artificial neural network in revealing, analyzing and estimating the signs of risk is defined. The paper presents behavioral, psychological and social indicators assigning individuals to a risk group. An algorithm of actions of the teaching staff with regard to the students inclined to organizing an armed attack on educational organization is offered. **Conclusions.** The proposed program model is based upon the existing understanding of the prerequisites for armed attacks on educational institutions, and requires further verification and validation. At the same time, its development enriches the existing methods of counteracting mass murders of students and pedagogical personnel.

Keywords: school shooting, columbine, psychological security, digitalization, mass murders, information and psychological security, computer technologies

Citation: Beloded D. R., Engalychev V. F., Korzunin V. A., Dukhnovsky S. V. Psychological Model for Revealing Potential School Shooters in a Digital Educational Environment. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 34–40 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-34-40>

Основные положения

1. Раннее выявление лиц, склонных к скулшутингу, требует разработки нового инструментария, обеспечивающего сбор, обобщение и анализ информации об их поведении, особенностях личности и социальных взаимоотношениях.

2. Отсутствие научных представлений о психологическом механизме скулшутинга обуславливает использование больших массивов эмпирических данных о психическом, психологическом и социальном состоянии лиц с потенциально опасным поведением.

3. Предложенная модель программы выявления риска возникновения потенциально опасных тенденций предполагает применение искусственной нейронной сети, обеспечивающей обработку гетерогенной информации с фильтрацией ошибок, что позволяет выполнять количественную оценку факторов риска на различных выборках в режиме мониторинга.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Одной из актуальных тем современной юридической психологии и психологии безопасности является повышение эффективности противодействия терроризму и экстремизму во всех их формах [1]. Ведущим направлением здесь стала система образования и воспитания, к которой относятся школы, колледжи, вузы, молодежные сообщества, клубы и секции по интересам. Профилактическая работа, проводимая на государственном уровне, обязательно должна учитывать влияние СМИ, интернет-сообществ, телепередач и телешоу, вольно или невольно формирующих в молодежной среде склонность к жестоким и радикальным действиям [2].

Рассматриваемый в настоящей статье социальный феномен изучен не в полной мере. Учитывая, что он представляет собой деструктивную, крайне опасную форму

антисоциальной активности, для своевременного выявления и предотвращения скулшутинга требуется его изучение в таком психолого-социальном контексте, где были бы отражены многочисленные связи и отношения, влияющие на окончательное принятие молодым человеком решения о совершении целенаправленного насилия над своими сверстниками и учителями. Сложность и растущая актуальность проблемы диктуют необходимость практико-ориентированных исследований, когда теоретическая разработка проблемы связывается с ее быстрым воплощением в жизнь. Это двусторонний процесс, он бывает полезным, когда пилотажные эксперименты и полевые исследования даже несколько обгоняют и детализируют принятый дизайн исследования.

Вместе с тем диссертационных исследований, посвященных изучаемой проблеме (содержащих в названии «колумбайн», «скулшутинг», «массовые убийства в образовательных учреждениях»), в отечественной базе данных до сих пор нет, и проблема скулшутинга не раскрыта на уровне, необходимом и достаточном для выстраивания эффективного противодействия тенденциям распространения агрессивных поведенческих моделей в подростковой и молодежной среде [3].

Сложный возрастной период, переживание кризиса идентичности, внутрисемейные и межличностные конфликты, этнопсихологические проблемы, психопатология и другие факторы выступают благоприятной почвой для развития потенциально опасных тенденций личности. В целях своевременного выявления лиц группы риска, обладающих сходными со скулшутерами психологическими, социальными, поведенческими и иными признаками, необходимо создание психологической модели выявления потенциального скулшутера.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Угроза, которую представляет собой скулшутинг как

общественный феномен, заключается в причинении тяжкого вреда здоровью или смерти в результате вооруженного нападения на учащихся и персонал в образовательных учреждениях. Кроме того, это имеет и тяжелые социально-психологические последствия. В последнее время названное явление становится серьезной общественной проблемой, так как действия массовых убийц для отдельных подростков служат моделью поведения, которой они хотят следовать [4].

Ряд исследователей связывает растущий интерес к скулшутингу с широким информированием о школьных расстрелах в СМИ, предполагая, что в этом процессе активно участвуют и те, кто заинтересован в распространении данного феномена [5–7]. Многозначность имплицитных смыслов этих актов может порождать новые формы реализации криминальных планов, не всегда понятных окружающим [8]. В цифровом пространстве тема скулшутинга и колумбайна нередко распространяется самими молодыми интернет-пользователями. Ими создаются виртуальные сообщества, объединяющие лиц, интересующихся материалами о скулшутерах, их образе жизни, мотивах поведения, способах реализации задуманного и пр. [9; 10]. Значительная часть аудитории — подростки старшего возраста, ассоциирующие собственные негативные переживания с поведением вооруженных сверстников. Вследствие вовлеченности подростка в данную субкультуру в течение длительного времени у него может сформироваться подобное желание и даже намерение совершить аналогичное преступление [11].

В Российской Федерации ведется профилактическая работа с молодежью в целях противодействия проявлениям преступного поведения [12]. Некоторые авторы указывают на последовательность шагов в профилактике скулшутинга. Так, по мнению Н. Ф. Борисовой, они включают в себя: сбор и анализ данных по теме исследования в виртуальном пространстве и в условиях реальной среды; определение лиц, относящих себя к субкультуре колумбайна; разработку для образовательных учреждений методических рекомендаций по оценке реальных угроз и профилактике скулшутинга [13].

Для многих лиц со склонностью к отклоняющемуся поведению наличие социальных связей в онлайн-среде является опорной точкой в принятии ими критически важных решений, сохранении мотивации, а нередко и двигательным механизмом в организации и подготовке преступления [14; 15]. Некоторые исследователи выделяют четыре значимых фактора, среди которых личность, семья, школьная и социальная среда, проблемы в них могут стать определяющими в решении совершить преступление [16].

К личностным особенностям, присущим скулшутерам, исследователи относят психические заболевания, обусловленные в том числе и органической патологией, сформировавшейся во внутриутробном периоде раз-

вития [17]. По данным зарубежных исследователей, скулшутерам присущи психические расстройства депрессивного и шизоидного вида, причем многие из них получали специализированную помощь [18]. Среди характерологических особенностей скулшутеров можно выделить два противоположных по содержанию комплекса черт: импульсивно-возбудимый, проявляющийся во враждебно-жестоким отношении к окружающим, сочетающийся с нарциссизмом и эгоизмом, и иппохондрически тревожный — с реакциями самообвинения, суицидальными фантазиями и избеганием социального взаимодействия [19]. Определяя самоотношение и самовосприятие скулшутеров, зарубежные авторы отмечают, что им присуща диффузная идентичность, выражающаяся в противоречивых представлениях о себе, своих жизненных планах и целях. Как правило, их «образ Я» не соответствует мнению лиц, входящих в их социальное окружение, а их самооценка либо завышена, либо снижена [20].

Семейное окружение скулшутеров характеризуется нарушенным взаимодействием с родителями и близкими родственниками. Анализ зарубежных данных выявил, что часто кто-либо из родителей оказывает физическое, сексуальное насилие, нередко родственники употребляют психоактивные вещества, имеют криминальный опыт [21].

Взаимоотношениям со школьной и социальной средой у скулшутеров свойственны малое количество социальных связей, отсутствие близких друзей, низкий статус в неформальных группах сверстников. Как правило, большинство лиц, совершивших нападения на школы, подвергались буллингу со стороны одноклассников и сверстников [22]. Исследователи предполагают, что базовым мотивом скулшутинга выступает стремление к отмщению за физическое и психологическое насилие окружающих [23].

Обобщая, можно заключить, что скулшутинг является сложным по организации образующих его факторов и комплексным по их взаимодействию социально-психологическим феноменом. Предпосылками к его совершению выступают психические заболевания, характерологические особенности, личностные свойства и индивидуальные представления лиц, специфика их взаимоотношений с социальным окружением. Отсутствие научных представлений о механизме формирования скулшутинга не позволяет установить причины, дифференцировать факторы и условия, которые регулируют этот процесс, повышая или снижая вероятность его реализации. В то же время существующие аналитические работы дают возможность оценивать вероятность риска вооруженного нападения на обучающихся.

Трудности в прогнозировании риска скулшутинга заключаются в отсутствии комплекса показателей, однозначно указывающих на риск совершения массового убийства. Кроме того, выполнение прогноза

затруднено необходимостью сбора значительного массива социальной и психологической информации, содержащейся в различных источниках. Оценка соответствия данной информации модели поведения скулшутера требует определения базовых (основных) и факультативных (дополнительных) критериев, вклад которых в прогнозирование может варьироваться в зависимости от мотива массового убийства, комплекса личностных и социальных факторов, условий и обстоятельств [24]. Обобщая наиболее существенные факторы риска, можно условно разделить их на внешние и внутренние (табл. 1).

Таблица 1. Внешние и внутренние факторы риска возникновения потенциально опасных тенденций (Table 1. External and internal risk factors in arising of potentially dangerous tendencies)

Социальные факторы (внешние)	Психологические факторы (внутренние)
Внутрисемейные конфликты	Депрессивное состояние
Безнадзорность	Высокая внушаемость
Социальная изоляция	Психическое заболевание
Конфликты внутри образовательной среды	Переживание длительной психотравмирующей ситуации
Доступ к оружию	Замкнутость
Игромания	Предсуицид
Деструктивный цифровой контент, поддерживающий насилие	Диффузная идентичность

Обзор показал, что в отечественных и зарубежных источниках наблюдается дефицит научных исследований психологии безопасного поведения участников образовательных отношений при вооруженном нападении на образовательную организацию. Научные труды в этой области подтверждают потребность в изучении психологического и поведенческого профилей молодого человека с обозначившимися криминальными тенденциями его особенностей [25]. Их выявление и анализ позволят выбрать наиболее продуктивный способ профилактики, а также провести своевременную коррекцию качеств личности подростков, склонных к антисоциальному поведению, но еще не совершивших конкретные противоправные деяния.

Материалы и методы

Предметом исследования выступает модель программы определения лиц с потенциально опасными тенденциями. Ее разработка осуществляется на основе уже существующих подходов и программ выявления лиц, склонных к агрессивно-насильственному поведению, однако отличается от них показателями и критериями оценки скулшутинга, а также процедурой их выявления и последующего сопровождения.

Изучались результаты современных отечественных [10; 16; 17; 24; 25] и зарубежных [18; 19; 21] исследований факторов, причин и условий скулшутинга.

Методом исследования выступает моделирование, заключающееся в систематизации личностных черт и социальных взаимоотношений, присущих лицам, осуществ-

лявшим вооруженные нападения на образовательные организации.

Результаты и обсуждение

Программа выявления потенциальных скулшутеров. Посредством объединения клинических, психологических и социальных признаков скулшутеров нами была разработана программа определения лиц с потенциально опасными тенденциями (далее — ПОЛПОТ).

Работа по выявлению таких лиц в некоторых чертах имеет сходство с оперативной, но в ней отсутствует специальная часть. Так, Д. В. Загребин отмечает, что на первоначальном этапе построения подобной работы устанавливаются лица, наиболее соответствующие требованиям запроса, затем в отношении каждого из них проводится ряд мероприятий: опрос, наведение справок, наблюдение, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение [26].

ПОЛПОТ вполне может предусматривать определенные мероприятия из вышеприведенного списка, но в целом должна опираться на существенное использование современных аппаратно-программных средств. В частности, речь идет об искусственной нейронной сети, которая позволит получить поведенческий профиль скулшутера на основе значительного объема эмпирических данных.

Алгоритм систематизации данных заключается в тщательном подборе и анализе сведений об уже совершенных массовых убийствах в образовательных учреждениях. По имеющейся в открытых источниках информации и по материалам уголовных дел осуществляется набор критериев, соответствующих поведенческому профилю массового убийцы. На начальном этапе собираются все характеристики (возраст, внешний вид, психологические особенности, анамнез, музыкальные предпочтения, излюбленные жанры кинофильмов, книг, видеоигр, особенности профиля в социальных сетях, сведения о семье, успеваемость в учебном заведении и др.). Первоочередная задача — собрать максимально возможный классификатор критериев. Затем наиболее часто встречающиеся особенности скулшутеров объединяются в типовые поведенческие профили (очевидно, что это не один профиль), совпадение с которыми выступает основой для выявления подростка с потенциально опасными тенденциями, которые предположительно могут послужить основой для формирования предцидальной готовности — субъективной готовности совершить убийство. В последующем поведенческий профиль может быть дополнен психологическим профилем или даже проспективным психологическим портретом, как это делал, например, А. О. Бухановский (эксперт-психиатр, составивший психологический профиль серийного маньяка-убийцы А. Чикатило).

Схематично процедура выявления потенциальных скулшутеров представлена на рис. 1.

Рис. 1. Схема поиска лиц с потенциально опасными тенденциями (Fig. 1. Search for persons with potentially dangerous tendencies)

В качестве основных задач реализации проекта выделим следующие: систематизацию информации обо всех случаях скулшутинга; выявление психологических и социальных признаков скулшутеров, совершивших нападение; разработку техники обнаружения поведенческих и иных признаков лиц, поведенческие профили которых близки к профилям уже известных скулшутеров; создание в структуре образовательного учреждения лаборатории информационно-психологической безопасности; представление итоговых данных в виде группы лиц с потенциально опасными тенденциями, совокупный индекс готовности к скулшутингу которых выше средневзвешенного индекса всей совокупности изученных лиц*.

Алгоритм определения риска потенциально опасного поведения. Для соотнесения всех составляющих факторов скулшутинга расчетный алгоритм предлагается представить в математическом выражении, что позволит проводить количественную оценку риска, сопоставлять и сравнивать уровни риска, полученные в разных выборках, осуществлять его мониторинг.

В качестве используемых переменных можно выделить «SS» (само событие скулшутинга; стрельба в учебном заведении с вероятностью 100%, или 1) и «K» (критерии оценки вероятности совершения скулшутинга индивидом).

Критерии, по которым событие стремится к 100% вероятности, — это критерии скулшутера, которые его к нему подталкивают, и их внешние проявления (просмотр фильмов определенной тематики, злоупотребление компьютерными играми, причисление себя к сообществу «колумбайн» и т. п.). Данные критерии характеризуют индивидуальные качества скулшутера. С увеличением суммы K возрастает и вероятность SS.

Соотношение SS с количеством критериев показывает коэффициент вероятности совершения массового убийства в образовательном учреждении. Таким образом, предлагаемые показатели могут использоваться

для оценки риска совершения вооруженного нападения на образовательную организацию применительно как к отдельным индивидам, так и к локальным группам (выборкам) обучающихся.

Предлагаемая программа является видом социальной прогностики и планирования, в частности, психолого-юридическим прогнозированием криминальных событий в целях их предотвращения. В учебном заведении реализация ПОЛПОТ может быть осуществлена посредством анализа данных, содержащихся в цифровой образовательной среде обучающихся (электронное информационное пространство, обеспечивающее доступ к портфолио, обмену учебным материалом студента с преподавателем, абонементу в библиотеке, участию/неучастию в различных мероприятиях, табелю посещаемости, ссылкам на профили в социальных сетях и пр.).

Совпадения поведенческого профиля обучающегося с любым из профилей скулшутеров в менее чем 50% критериев не подлежат дальнейшему анализу в рамках ПОЛПОТ. В случае если коэффициент совпадения составит более 51%, могут быть проведены психологические обследования в целях определения индивидуально-психологических особенностей обучающегося. При этом должно быть обращено внимание на взаимные корреляции показателей, которые были получены на выборке по широкому спектру психодиагностических методик [18], а также их корреляции с определенными поведенческими признаками. После анализа совокупности полученных данных разрабатывается план психолого-педагогической работы с конкретными молодыми людьми. При вероятном совпадении профилей в 81–100% возможно привлечение специалистов и экспертов различных служб и ведомств для своевременного принятия эффективных мер противодействия потенциально опасному преступному поведению (рис. 2).

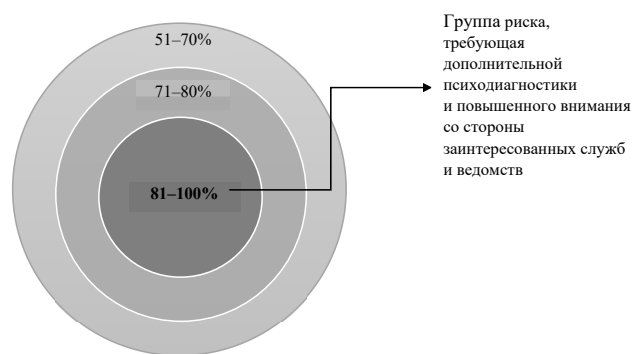

Рис. 2. Ранжирование обучающихся на группы в соответствии с мерой сближения поведенческих профилей в процентном выражении

(Fig. 2. Ranking the students into groups according to the degree of convergence of behavioural profiles in percentage terms)

В целях обеспечения защищенности проводимых мероприятий от внимания потенциальных скулшуте-

* Средневзвешенный показатель индекса будет установлен после завершения полевых исследований.

ров реализация ПОЛПОТ не должна отражаться в открытых источниках.

На текущем этапе еще рано говорить о ретроспективной валидности выделенных критериев, но имеющаяся база данных происшедших трагических событий и сведения о личности преступников позволяют определить некоторые общие признаки скулшутеров:

— использование нескольких аккаунтов в социальных сетях с вымышленными именами, прямо или опосредованно связанными с тематикой скулшутинга, насилия, применения оружия и пр.;

— наличие знаковых обозначений в статусе, географии, содержании постов, комментариев;

— предупредительные заявления о планируемом преступлении (письма, записки, видеообращения и пр.);

— наблюдаемые странности в поведении, его фиксируемое изменение для окружающих;

— выбор определенной одежды и ее цветовая гамма;

— предпочтение компьютерных игр и книг с сюжетами выраженной агрессивной-криминальной направленности; предпочтение ролевой позиции актера, преступника, насильника и др.;

— определенные действия в интернете, связанные с годовщинами массовых расстрелов, днями рождения скулшутеров и других известных массовых преступников [27; 28].

Поведение массового преступника характеризуется целесообразностью и организованностью, что не исключает эмоциональных «всплесков», а также наличия невыявленных операторов [29].

Результаты осуществления ПОЛПОТ, при достижении ею критериальной валидности, позволят распространить действие этой программы на другие асоциальные и антисоциальные образования, в частности экстремистов, неофашистов, анархистов и иных категорий лиц, склонных к социально-деструктивному поведению.

Итак, масштабное и комплексное изучение молодых людей в образовательных организациях с использованием возможностей нейронных сетей и аппаратно-программных комплексов позволит своевременно выявлять лиц, поведенческий профиль которых указывает на их потенциальную способность совершить скулшутинг. Такие лица должны быть в поле актуального

внимания всех заинтересованных служб и ведомств, прежде всего администраций самих учебных заведений, а тематика предотвращения массовых убийств ждет дальнейшей углубленной разработки со стороны юридических психологов.

Выводы

1. Разработанная в ходе исследования модель программы основывается на принципе профилирования поведения, осуществляемого посредством выявления показателей риска скулшутинга для конкретной выборки лиц.

2. Для оценки риска используется комплекс показателей, охватывающих клинические, личностные и социально-психологические характеристики лиц, совершивших скулшутинг.

3. Реализация программы осуществляется посредством сбора социальной и психологической информации о критически значимых признаках потенциально опасного поведения.

4. Обработка информации осуществляется путем построения искусственной нейронной сети, обеспечивающей обобщение разнокачественных сведений, фильтрацию (устранение ошибок), выявление лиц с признаками потенциально опасного поведения.

Перспективы. Выполненное исследование имеет несколько перспектив. Разработка теоретической модели актуализирует изучение значения индивидуально-психологических, клинических и социальных факторов в детерминации и регуляции скулшутинга. Отсутствие научных знаний требует дальнейшего изучения скулшутинга с учетом его междисциплинарного характера и необходимости разработки специальной методологии.

Методическая перспектива исследования заключается в верификации описанной программы на выборке лиц, осуществлявших попытки вооруженного нападения на образовательные организации, проверке надежности ее положений в полевых исследованиях.

Практическая перспектива выполненного исследования состоит в дальнейшем совершенствовании мер предупреждения массовых убийств обучающихся и педагогических работников посредством разработки программ психолого-педагогического сопровождения.

Список источников

1. Boustras G., Waring A. Towards a reconceptualization of safety and security, their interactions, and policy requirements in a 21st century context. *Safety Science*. 2020. Vol. 132. 104942 p. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2020.104942>.
2. Гончаров Л. А. «Колумбайн» и скулшутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29–31.
3. Плотников В. В., Самойлов С. Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. № 2(76). С. 163–168.
4. Лукашкова И. Л., Яценко А. А. Феномен скулшутинга: причины и профилактика // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6, № 2(12). С. 337–341.
5. Dahmen N. S. Visually Reporting Mass Shootings: U. S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*. 2018. Vol. 62, No. 2. Pp. 163–180. <https://doi.org/10.1177/0002764218756921>.

6. Harper K., Ryberg R., Temkin D. Data sources make it difficult to know how many school shootings happen each year. URL: <https://www.childtrends.org/data-sources-make-it-difficult-to-know-whether-school-shootings-are-happening-more-often> (дата обращения: 25.11.2022).
7. Meindl J. N., Ivy J. W. Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation. *American Journal of Public Health*. 2017. Vol. 107, No. 3. Pp. 368–370. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2016.303611>.
8. Мацута В. В., Мундривская Ю. О., Сербина Г. Н., Мищенко Е. С. Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скулшутинга) // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 3. С. 90–101. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3763848>.
9. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 62–76.
10. Джембек Ю. И., Ефремова А. В., Моторина П. А., Фирер Н. Д. Психологические предпосылки и причины скулшутинга // Глобальный научный потенциал. 2021. № 10(127). С. 114–116.
11. Самосват О. И., Лемэр Л. Г., Бражников А. Е. Популяризация скулшутинга в социальных сетях // Психология здоровья и болезни: клинично-психологический подход: мат-лы VII всерос. конф. с междунар. участием, Курск, 23–25 ноября 2017 г. Курск, 2017. С. 266–270.
12. Дамаскин О. В., Красинский В. В. О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96.
13. Борисова Н. Ф. Скулшутинг — новая криминальная угроза обществу // Российский правовой журнал. 2021. № 1(6). С. 125–129.
14. Белодед Д. Р. Обеспечение психологической защищенности несовершеннолетних в сети Интернет в целях предотвращения преступлений против жизни и здоровья // Противодействие киберпреступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 02–03 декабря 2021. М., 2022. С. 108–112.
15. Beloded D. Psychological safety of underages in the context of digitalization. *Child in the Digital World: The International Psychological Forum (Online, 1–2 June 2022): Book of Abstracts*. Moscow, 2022. Pp. 4–8. <https://doi.org/10.24412/cl-36956-2022-1-1-1>.
16. Суходольская Ю. В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 3(77). С. 117–120.
17. Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С., Сыроквашина К. В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>.
18. Lee J. H. School shootings in the U.S. public schools: Analysis through the eyes of an educator. *Review of Higher Education and Self-Learning*. 2013. No. 6. Pp. 88–120.
19. Neuman Y., Assaf D., Cohen Y., Knoll J. L. Profiling School Shooters: Automatic Text-Based Analysis. *Frontiers in psychiatry*. 2015. Vol. 6. Pp. 86–88. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2015.00086>.
20. Злоказов К. В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 71–81.
21. Agnich L. E. A comparative analysis of attempted and completed school-based mass murder attacks. *American Journal of Criminal Justice*. 2015. Vol. 40. Pp. 1–22. <https://doi.org/10.1007/s12103-014-9239-5>.
22. Leary M. R., Kowalski R. M., Smith L., Phillips S. Teasing, rejection, and violence: Case studies of the school shootings. *Aggressive Behavior*. 2003. No. 29. Pp. 202–214. <https://doi.org/10.1002/ab.10061>.
23. Spiegel D., Alpert J. The relationship between shame and rage: Conceptualizing the violence at Columbine High School. *Journal for the Psychoanalysis of Culture & Society*. 2000. Vol. 5, No. 2. Pp. 237–245.
24. Орлов В. В. Закономерности в поведении лиц, осуществляющих вооруженные нападения на учебные учреждения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3(90). С. 316–325. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-390-316-325>.
25. Кишеньков Д. Г. Криминологические особенности личности студентов, совершающих преступления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3(58). С. 32–34.
26. Загребин Д. В. Проблемы предупреждения вооруженных нападений на учебные заведения (скулшутинг) // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 9-2(79). С. 135–138.
27. Леонова Е. В. Методы психолого-педагогической оценки. М., 2012. 424 с.
28. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>.
29. Енгальчев В. Ф., Ахмедшин Р. Л., Ахмедшина Н. В. Психолого-криминалистический анализ случая массового убийства: психологический профиль И. Р. Галявиева // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 206–214. <https://doi.org/10.17223/15617793/475/25>.

Поступила 17.11.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Заявленный вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Психокоррекция и регуляция состояний

Psycho-correction and regulation of states

Обзорная статья

УДК 349.9:159.99 © В. Б. Евдокимов, В. А. Немировский, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-41-48

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы восприятия антикоррупционного плаката

Вячеслав Борисович Евдокимов¹, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного права; vevdokimov@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7420-4124>

Вячеслав Александрович Немировский², научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции; nva19@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7692-992X>

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34, Россия

² Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации, 117638, Москва, ул. Азовская, 2, к. 1, Россия

Реферат

Введение. Выявляются особенности проблем изображения и восприятия антикоррупционного плаката, уровень его воздействия на людей. **Материалы, результаты и обсуждение.** Анализ свыше тысячи плакатов позволил установить, что представления о коррупции являются противоречивыми и мифологизированными. В целях минимизации мифологических представлений обращено особое внимание на важность и актуальность антикоррупционного просвещения, которое, исходя из анализа полномочий государственных органов, должно осуществляться под руководством прокуратуры. Доказано, что соотношение плакатов с рекламой снижает их эффективность, а изображения, связанные с коррупцией, вызывают у людей раздражительность и тревогу. Установлено, что чрезмерное акцентирование внимания людей на противодействии коррупции может провоцировать ее вытеснение из повестки жизни общества. Выявлены положительные стороны мифологизации коррупции, посредством которой происходит естественная адаптация к условиям среды. **Выводы.** Обоснована целесообразность проведения конкурсов по социальной антикоррупционной рекламе, предусматривающих подготовку плакатов и видеороликов соответствующей тематики, обозначены условия их проведения, определены типы эффективных плакатов и требования к ним, сформулированы предложения по совершенствованию политики противодействия коррупции. Установлено, что отрицательное эмоциональное воздействие на человека антикоррупционных плакатов в сочетании с массовой информационной антикоррупционной повесткой способно влиять на формирование негативной эмоциональной среды, которая может стать основой для различных преступных манипуляций, направленных против государственного строя, в связи с чем требуется глубокий и всесторонний анализ этого процесса с точки зрения обеспечения государственной безопасности.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционный плакат, мифологизация, антикоррупционное просвещение, противодействие коррупции, коррупционная война, нетерпимость к коррупции, аффективно окрашенные фотоизображения, модели для самооценки эмоций

Для цитирования: Евдокимов В. Б., Немировский В. А. Проблемы восприятия антикоррупционного плаката // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 41–48. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-41-48>

Review Article

UDC 349.9:159.99 © V. B. Evdokimov, V. A. Nemirovskiy, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-41-48

5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security; 5.1.4. Criminal Law Sciences

Problems of Perception of an Anti-Corruption Poster

Vyacheslav B. Evdokimov¹, Doctor of Science in Law, Professor, chief researcher of the Constitutional Law division; vevdokimov@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7420-4124>

Vyacheslav A. Nemirovskiy², researcher of the division of scientific maintenance of prosecutor's supervision and consolidation of legality in the field of public and municipal service, counteracting corruption; nva19@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7692-992X>

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, 117218, Russia,

² Scientific-Research Institute of University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2/1 Azovskaya st., Moscow, 117638, Russia

Abstract

Introduction. The article reveals the specific problems of the image and perception of an anti-corruption poster, the level of its influencing people and how this affects the formation of intolerance to corruption. **Materials, Results and Discussion.** The analysis of over a thousand posters enabled the authors to establish that views of corruption are contradictory and mythologized. In order to minimize mythological representations, special attention is paid to the importance and relevance of anti-corruption education, which, based on the analysis of the powers of state bodies, should be carried out under the direction of the prosecutor's office. It is proved that the correlation of posters with advertising reduces their effectiveness, and images associated with corruption cause irritability and anxiety in people. It is established that excessive emphasis of people's attention on combating corruption generates its displacement from the agenda of society. The positive aspects of mythologization of corruption, through which natural adaptation to environmental conditions occurs, are revealed. **Conclusions.** The paper substantiates the expediency of competitions held for preparing social anti-corruption advertisements, which includes posters and video on an appropriate theme, outlines the conditions for holding such events, determines the types of effective posters and requirements to make them, and contains proposals for improving the anti-corruption policy. It is emphasized that the negative emotional impact on a person of both anti-corruption posters and, by analogy, other forms of its visual and sound expression, in combination with the mass information anti-corruption agenda, can influence the formation of a negative emotional environment, which can become the basis for all kinds of criminal manipulations directed against the state system, which requires a profound and comprehensive analysis of this process from the point of view of ensuring state security.

Keywords: corruption, anti-corruption poster, mythologization, anti-corruption education, counteracting corruption, corruption war, intolerance to corruption, affectively colored photo images, models for self-assessment of emotions

Citation: Evdokimov V. B., Nemirovskiy V. A. Problems of Perception of an Anti-Corruption Poster. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 41–48 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-41-48>

Основные положения

1. Представления людей о коррупции всегда волновали государство, но формирование нетерпимости к ней сегодня продиктовано прежде всего процессом присоединения Российской Федерации к международным стандартам по противодействию коррупции и имплементации антикоррупционных норм в российское законодательство, итогом которого явилось принятие основополагающего закона о противодействии коррупции, что существенно расширило круг запретов и ограничений.

2. Антикоррупционное просвещение с использованием плаката является эффективным средством донесения необходимой информации до человека, однако особенности изображения и восприятия антикоррупционного плаката вносят свои коррективы, которые необходимо учитывать при формировании нетерпимости к коррупции.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. От представления о чем-либо зависит отношение к чему-либо, а понятия о правонарушениях определяют координаты отношений между людьми, именно того, что

дозволено, а что запрещено. В этих целях Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ (далее — закон о противодействии коррупции) в п. 1 ст. 6 формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению определено одной из мер профилактики коррупции, а в п. 3 ст. 7 принятие государственными органами законодательных, административных и иных мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих, а также граждан к более активному участию в противодействии ей, — их основным направлением деятельности по повышению эффективности такого противодействия.

Негативные представления о даче взятки и ее получении — основного массива коррупционных преступлений² — в принципе в обществе сложились. Формирование нетерпимости к коррупционному поведению и создание необходимых условий для укрепления таких представлений в общественном менталитете³ отчасти являются реализацией принципа приоритетного применения мер по предупреждению коррупции.

Принятие упомянутого закона о противодействии коррупции и Федерального закона от 25 декабря 2008 г.

¹ Рос. газета. 2008. 30 дек.

² В 2021 г. более половины (53%) всех преступлений коррупционной направленности связаны со взяточничеством (*Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2021 год* : информ.-аналит. записка / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. Ю. Винокуров, д-р юрид. наук, проф. А. Г. Халиулин. М., 2022. С. 123).

³ *Вместе против коррупции* : интерактивный форум Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 01.08.2019. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1667674/> (дата обращения: 12.03.2021).

№ 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона „О противодействии коррупции“»⁴, а также включение России в группу государств против коррупции (ГРЕКО) продиктованы прежде всего процессом присоединения государства к международным стандартам по противодействию коррупции и имплементации антикоррупционных норм в российское законодательство.

Еще до принятия закона о противодействии коррупции в целях выработки комплексного подхода в противодействии коррупции, а также формирования в обществе нетерпимого отношения к ней, ликвидации условий для нее, создания антикоррупционного стандарта поведения на специальном совещании у Президента Российской Федерации в мае 2008 г. были даны необходимые поручения, издан Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 «О мерах по противодействию коррупции»⁵, разработан и утвержден первый Национальный план противодействия коррупции⁶, в котором было предусмотрено формирование нетерпимого отношения к ней.

Антикоррупционное просвещение и формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению впоследствии определены важнейшими направлениями профилактики коррупции и конкретизированы плановыми мероприятиями, реализация которых позволила «добиться синхронизации и объединения усилий правоохранительных органов при координирующей роли Генеральной прокуратуры Российской Федерации»⁷. Одним из мероприятий по формированию в обществе такой нетерпимости стало ежегодное проведение Международного молодежного конкурса социальной антикоррупционной рекламы «Вместе против коррупции!», которым предусмотрена подготовка плакатов и видеороликов антикоррупционного характера.

Цель — выявление особенностей антикоррупционных плакатов, оценка их уровня воздействия на человека и отражения на формировании нетерпимости к коррупции.

Материалы, результаты и обсуждение

Представления людей о коррупции. Правовое воспитание, в частности посредством антикоррупционного плаката, является эффективным оружием против коррупции [1; 2, с. 121, 123; 3, с. 87], а благодаря современным технологиям число участников в таких мероприятиях, включая создателей плакатов, а также ознакомившихся с ними, практически неограниченно. За пять лет на этот конкурс представлено свыше 41 тыс. работ⁸, лучшие из них размещены на специальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Без всяких сомнений, это мероприятие увеличивает внимание к проблеме противодействия коррупции, а также позволяет сформировать более объективное мнение о представлениях людей о коррупции. В результате анализа свыше тысячи таких работ установлено, что основная часть их авторов имеет о ней нечеткие, противоречивые и мифологизированные представления.

Мифологизация коррупции. Указанные факты подтверждают суждения ученых о мифологизации представлений о коррупции: «В российском массовом сознании сформировались устойчивые представления о масштабности, распространенности коррупции и серьезный скепсис в отношении возможности и эффективности противодействия этому явлению. Именно преодоление таких мифологизированных представлений — основная мишень антикоррупционного просвещения» [4, с. 106], или: «...складывается парадоксальная ситуация (замкнутый круг), когда, с одной стороны, люди „видят“ проявления коррупции всюду и приписывают ей все социальные проблемы, жизненные невзгоды, бедствия, чрезвычайные ситуации и техногенные катастрофы, т. е. налицо преувеличение масштабов проблемы, ее гиперболизация, мифологизация и даже мистификация» [5, с. 42].

На наш взгляд, причинами подобного представления могут являться как отсутствие необходимых знаний о коррупции, так и сложная специфика плаката, которая вынуждает авторов использовать, например, естественные природные явления, мифические существа, бытовые ситуации, категорические сравнения, символы, что может создать впечатление о непонимании ими этого процесса и говорить только приблизи-

⁴ Рос. газета. 2008. 30 дек.

⁵ О мерах по противодействию коррупции : указ Президента Российской Федерации // Рос. газета. 2008. 22 мая.

⁶ Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 годы, утв. Президентом Российской Федерации 31 июля 2008 г. № Пр-1568 // Рос. газета. 2008. 5 авг. (утратил силу).

⁷ Постановление Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации (декабрь 2020 года).

⁸ В 2018 г. на конкурс «Вместе против коррупции» принято свыше 9 тыс. работ (URL: <https://www.anticorruption.life/archive/the-contest-2018/> (дата обращения: 19.09.2022)); в 2019 г. — свыше 22 тыс. работ (URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=5001632> (дата обращения: 19.09.2022)); в 2020 г. — почти 5 тыс. работ (URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56653972> (дата обращения: 19.09.2022)); в 2021 г. — 5500 работ (URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=65672914> (дата обращения: 19.09.2022)); в 2022 г. — 480 работ (URL: <https://www.anticorruption.life/> (дата обращения: 08.11.2022)). Количество работ стало значительно уменьшаться в связи с повышением требований к ним.

тельно о том, что их представления мифологизированы. Проводя аналогию коррупции с общеизвестными и доступными для понимания явлениями⁹, авторы на подсознательном уровне неумышленно воспринимают коррупцию как неотъемлемую часть нашей жизни и преподносят ее в таком виде остальным. Существенной проблемой выступают характер изложения материалов, их манера и подача, сопряженные с угрозами и недопустимой символикой.

Вместе с тем объективная принадлежность коррупции к мифу порождает другой важный научный и философский вопрос о задачах мифа в современном мире в контексте его функции. Например, если опираться на утверждение Ролана Барта, что предназначение мифа — удалять реальность, ничего не скрывать, но деформировать, не утаивать, не отрицать вещей, а, наоборот, говорить о них, очищать их, делать безобидными, находить им обоснование, придавать ясности, характерной не для объяснения, а для констатации фактов, то такое представление людей о коррупции естественно. Оно создается с помощью любых сообщений, писем, изображений, фотографий, кинематографа, репортажей, спортивных состязаний, зрелищ, рекламы¹⁰. Исходя из функций мифа происходит упрощение понятий, непосредственное внедрение коррупции в реальную жизнь, не уход от нее, а напротив, ее деформация для понимания и принятия всеми (констатация фактов). Такое мифологизированное состояние необходимо обществу на данном этапе и связано с адаптацией к новым условиям среды: «Потребность в мифе является одной из базисных человеческих потребностей, обуславливающих возможность самосохранения человека как вида (функция психологической адаптации) и возможность сохранения человеком собственной (человеческой) сущности (функция „оправдания смыслом“» [6, с. 58]. Эти выводы подтверждаются указанными психологическими особенностями изображения и восприятия плакатов и друг друга дополняют.

Можно уверенно сказать, что коррупция уже прочно занимает свое место в сознании людей как обязательный атрибут общественных отношений. Например, вопреки всему, что предпринимается государством в борьбе с коррупцией, уровень коррупции продолжает повышаться¹¹. Такого мнения придержи-

ваются как рядовые граждане, так и эксперты из числа прокуроров — руководителей подразделений по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратур субъектов Российской Федерации [7, с. 62–63]. В сознании большинства людей коррупция — это нормальное явление [8, с. 5; 9, с. 81], что порождает «особое психологическое состояние допустимости, разрешенности преступных действий, „аномия“, или безнормативность, в поведении граждан, при которой они не верят в нормы права и морали и легко склоняются к противоправному, в том числе и преступному поведению, ориентируясь на безвластие и слабую эффективность правоохранительной системы»¹². Исходя из того, что такое представление, безусловно, складывается под влиянием СМИ, интернета, социальных сетей, музыки и кино, нельзя исключать, что оно создается искусственным образом, по существу, это продукт новых технологий манипуляции общественным сознанием. Возникает ощущение, что чрезмерное фокусирование СМИ и граждан на этой проблеме негативно сказывается на обществе и может быть интерпретировано как один из способов дестабилизации государства [10, с. 20] посредством формирования такого особого психологического состояния, как аномия, которая, возможно, провоцирует «расширение преступности, вызывает ее дальнейший рост; она становится, к сожалению, достаточно привычной формой существования в обществе»¹³.

Нельзя исключать, что мифологизация коррупции может все-таки говорить о существенном расширении коррупционной преступности и внедрении ее во все сферы общественных отношений. Исходя из того, что большинство преступлений в данной сфере имеет латентный характер, это весьма правдоподобно. Возможно, коррупция не вытесняется, а, напротив, она заняла свое место в системе общественных отношений и в качестве проблемы уже не позиционируется. Так, несмотря на то что граждане оценивают уровень коррупции в стране как высокий, для многих из них согласно «Национальному индексу тревожностей»¹⁴ это не проблема, а профессиональные участники рынка — предприниматели — считают, что борьба с коррупцией идет успешно. Например, главной проблемой бизнеса она была названа лишь однажды (в 2009 г.), а затем перешла в разряд второстепенных и незначи-

⁹ Основные изображения на плакатах: гром; грязные руки; деньги (в основном доллары); добро и зло; дождь; животные; заключение и свобода; злая женщина; зонт; кулак; молния; открытая ладонь; передача денег; печаль и радость; радуга; руки в наручниках; солнце; статьи УК РФ; тучи и солнце; человек за решеткой; черное и белое; чудовище.

¹⁰ Ролан Барт. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 72–130. URL: <http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt> (дата обращения: 15.02.2021).

¹¹ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2021 год. С. 121.

¹² Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 198.

¹³ Там же.

¹⁴ «Национальный индекс тревожностей» показывает доминирующие в обществе тревоги и фобии, формируемые СМИ и жизненным опытом россиян. Замер производится ежеквартально компанией КРОС (URL: <https://www.cros.ru/ru/about/history/> (дата обращения: 15.02.2021)).

тельных (рис.), даже при том, что 70% предпринимателей в 2021 г. столкнулись с фактами коррупции¹⁵.

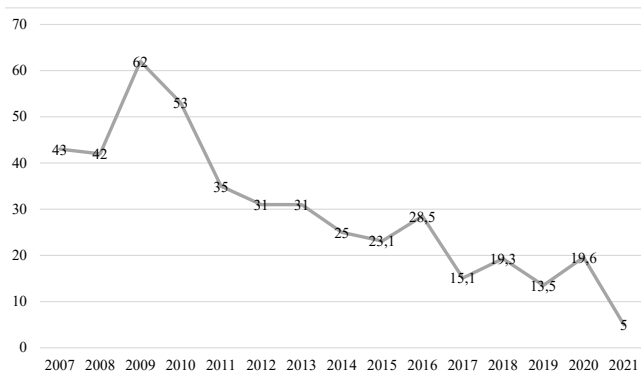

Рис. Коррупция как проблема для бизнеса в процентном соотношении с другими проблемами для предпринимателей (по материалам ежегодных докладов Российского союза промышленников и предпринимателей за период 2007–2021 годы)

(Fig. Corruption as a problem for business in percentage correlation with other problems for entrepreneurs (according to the proceedings of annual reports of the Russian Unit of manufacturers and entrepreneurs from 2007 to 2021))

Таким образом, в контексте функции мифа, что этот процесс позитивный, а антикоррупционные плакаты, представленные на подобные конкурсы, позволяют оценить реальный уровень коррупции и при необходимости корректировать антикоррупционную политику, являются эффективной системой обратной связи.

Особенности восприятия антикоррупционного плаката. Особого внимания требует оценка влияния антикоррупционных плакатов на человека. Какую информацию плакат ни содержал бы, подсознательно она будет зафиксирована, но ее осмысление и понимание не будет достигнуто, так как человек не владеет полной информацией о предмете и не может сгенерировать правильную мысль, установить связь явлений. Иными словами, для проведения невербального просвещения необходимо глубокое освоение всеми самой проблемы противодействия коррупции, а плакат, определенный знак, сигнал, призыв должны вызвать, прежде всего, в подготовленном человеке чувства, направленные против коррупции. Необходимы такой плакат и такие действия, которые в своей совокупности позволили бы достигнуть генерации мысли, когда одинокое «я» превращается в грозное «мы»¹⁶. Но для ее достижения нужна обратная связь, необходимо вербальное [11, с. 16] и невербальное подтверждение сигнала в виде результатов работы государственных органов в общественном сознании, их неоспоримого авторитета, в целях которого и обеспечивается

обратная связь¹⁷. Поэтому правовое просвещение, в том числе и антикоррупционное, востребовано как никогда, так как «эффективность противодействия коррупции зависит от уровня антикоррупционного правосознания» [12, с. 15].

Между тем, несмотря на эффективность плакатов в донесении информации, нельзя не учитывать результаты исследований их эмоционального восприятия [13–15], в том числе проведенных с фиксацией физиологических показателей [16]. Например, доказаны особенности эмоционального реагирования на аффективно окрашенные фотоизображения о коррупции, такие как «форма взятки, процесс передачи взятки, наказание за взятку, социальные коррупциогенные ситуации, связанные с государственными органами, органами внутренних дел, судом, образовательными и медицинскими организациями», которые вызывают раздражительность, встревоженность [17, с. 151, 163]. Анализ показателей шкалы эраузла указал на большую силу отрицательных эмоций по сравнению с положительными [18, с. 109]. Особенности эмоционального реагирования на аффективно окрашенные фотоизображения, посвященные коррупции, позволяют говорить о том, что при массированном воздействии на человека могут развиваться тревога и отрицательная эмоциональная среда, что в сочетании с другими факторами способно влиять на уровень социальной напряженности.

Результаты опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер показали, что большинство людей (86,6%) одобряет государственную политику по ужесточению мер в отношении коррупционеров. Это отчасти может свидетельствовать о влиянии такого тревожного состояния на мнение людей. Вместе с тем, на наш взгляд, это больше зависит от доверия к руководству страны, а не от тревожных представлений, но даже такое одобрение государственной политики, к сожалению, не говорит о готовности людей противодействовать коррупции. Так, исследованием общественного мнения об уровне коррупции установлено, что граждане, считая коррупцию безусловным злом, отнюдь не готовы участвовать в противодействии ей, а некоторые даже не исключают, что сами не совершат коррупционного преступления [9, с. 80–81].

Отрицательная эмоциональная среда в свою очередь является благоприятной почвой для всевозможных манипуляций. Необходимо констатировать, что чрезмерным фокусированием внимания людей на борьбе с коррупцией создается искусственная природа расширения коррупционной преступности в сознании людей, напряженное психологическое со-

¹⁵ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. С. 124.

¹⁶ Гроссман В. Жизнь и судьба. Куйбышев, 1990.

¹⁷ У нас должна быть обратная связь с людьми: интервью с генеральным прокурором Российской Федерации И. В. Красновым // Коммерсантъ. 2020. 10 сент.

стояние в обществе, развитие которого чревато негативными последствиями в будущем. Посредством появления в сознании людей ложных представлений о масштабности коррупции, ее бесконтрольности и непобедимости по сути происходит фактическое расширение коррупционной преступности. Такое состояние общества может быть результатом внедрения новых технологий, направленных на дестабилизацию государства, когда борьба с коррупцией используется в качестве средства захвата власти [19, с. 47]. Деятельность, направленную на провоцирование социальной напряженности в обществе, Военная доктрина Российской Федерации относит к числу основных внутренних военных опасностей [20, с. 30]. Прокуратура как система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, а также как координатор деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью должна таким проявлениям противодействовать. Однако, несмотря на меры, принимаемые государством, прокуратурой, которой регистрируются тысячи преступлений коррупционной направленности и возвращаются в бюджет миллиарды рублей, «в российском обществе сохраняется устойчивое недовольство граждан проблемами коррупции»¹⁸.

Подобное представление со стороны наблюдателя обусловлено тем, что он не разбирается в этом сложном процессе и не понимает, как это сказывается на его качестве жизни. Соотношение данных предпосылок толкает на ложное умозаключение, что такая борьба неэффективна. По существу, не установлена связь с заявлениями о борьбе с коррупцией и ее результатами с точки зрения человека, улучшения качества его жизни. Одним из способов установления такой связи может выступить плакат, в котором наглядно должны быть изображены сведения о результатах работы и их влияние на качество жизни.

В настоящее время мы наблюдаем, что внушительное количество мероприятий, программ против коррупции, которые успешно реализуются государственными органами, нивелируются отсутствием такой связи и несколькими коррупционными эпизодами, чрезмерно «раскрученными» в средствах массовой информации. Соответственно, представление людей о борьбе с коррупцией «продолжает носить имитационный характер» [21, с. 52]¹⁹, остается зыбким и мифологизированным, причиной всех проблем, что подтверждается анализом плакатов. В таких условиях прокуратура как координа-

тор деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе с коррупцией, выступает практически гарантом в борьбе с коррупцией.

Негативное отношение людей к рекламе в целом также влияет отрицательно на восприятие таких изображений. Отчасти плакаты, видеоролики могут подсознательно восприниматься как реклама, доверие к которой низкое. Так, согласно результатам социологического исследования, проведенного ВЦИОМ, рекламе не доверяют 57% опрошенных россиян, а смотрят и слушают ее только 14%²⁰. Этот факт также подтвержден опросом населения об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер, направленных на предупреждение и профилактику коррупционных проявлений, которым установлено, что 70% респондентов считают рекламу в общественных местах неэффективной²¹. К тому же использование эмоционально окрашенных фотоизображений приводит к уменьшению их эмоционального воздействия [18, с. 107; 22, р. 469]. Все эти перечисленные негативные факторы снижают влияние в целом всех плакатов и видеороликов, антикоррупционных в частности.

Без всяких сомнений, при проведении антикоррупционного просвещения нужно учитывать психологические особенности людей. Сильное акцентирование (фокусирование) со стороны как правоохранительных органов, так и средств массовой информации на этой проблеме может вызвать реакцию человека, отрицательную для просвещения, — вытеснение коррупции из повестки жизни нашего общества. Например, на сегодняшний день «социологи фиксируют практически полное „выпадение“ пандемии коронавируса из повестки жизни российского общества»²², а учитывая особенности эмоционального реагирования на аффективно окрашенные фотоизображения, к которым относятся и антикоррупционные плакаты, аналогичная реакция на них со стороны людей очень вероятна. Например, «ослабление отрицания коррупции» [9, с. 81] уже зафиксировано российскими учеными.

Увеличение количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности свидетельствует об активизации деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем выявленный активный процесс мифологизации коррупции может говорить о фактическом расширении коррупционной преступности. С учетом особенностей изображения и восприятия коррупции в целом, наличия устойчивых представлений людей о масштабности, распространен-

¹⁸ Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2019 год : информ.-аналит. записка / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. С. Капинус. М., 2020. С. 110.

¹⁹ Там же.

²⁰ Реклама дней наших суровых : аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/reklama-dnej-nashikh-surovykh> (дата обращения: 15.03.2022).

²¹ URL: <https://мвд.рф/anticorr/opros-anticorr> (дата обращения: 30.10.2019).

²² Резкий выход из пандемии // Коммерсантъ. 2022. 4 марта.

ности коррупции на фоне ее доли в 1,5–1,7% от общего количества зарегистрированных преступлений можно предположить об искусственной природе расширения коррупционной преступности в сознании людей, что требует детального анализа, в том числе с точки зрения обеспечения государственной безопасности.

Выводы

По ряду причин за организацию и управление деятельностью по антикоррупционному просвещению целесообразно отвечать исключительно прокуратуре, а также определять формат мероприятий и координировать деятельность всех участников. Изначально прокуратура и выступала в такой роли, но согласно Национальному плану противодействия коррупции на 2021–2024 гг. была исключена из этого процесса, что, на наш взгляд, не соответствует реальному положению дел в этой сфере. Во-первых, исходя из того, что координатором правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе с коррупцией, выступает прокуратура, а до недавнего времени она отвечала за антикоррупционное просвещение и формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, только она располагает необходимой информацией для принятия решений. Во-вторых, прокуратура является гарантом противодействия коррупции, одним из направлений которого служит антикоррупционное просвещение. Разделять этот комплекс мер нельзя, так как он представляет собой единое целое и эффективен только в таком виде.

Посредством социального назначения искусства [23, с. 133] в процессе просвещения, обучения, в том числе и подготовки плакатов, закладывается фундамент, на котором вырастает человеческая личность, что может способствовать перелому в общественном сознании и искоренению коррупции в будущем. Перечисленные проблемы, к сожалению, заложить такой прочный фундамент не позволяют. В целях минимизации возможных последствий предлагается соблюдать ряд условий, перечисленных в настоящем исследовании, а также ориентироваться на пять основных типов антикоррупционных плакатов: 1) плакаты, изображающие сюжеты, включающие признаки коррупционных правонарушений (плакаты-разъяснения); 2) плакаты, определяющие порядок действий в случаях коррупции (плакаты-действия); 3) плакаты, описывающие последствия коррупции (плакаты-предупреждения); 4) плакаты, отражающие результаты работы (плакаты-

отчеты); 5) плакаты, призывающие к соблюдению закона, морали (плакаты-призывы).

Для плакатов-разъяснений необходимы конкретные темы, которые должны быть сформулированы строго исходя из признаков коррупционных правонарушений. В этих целях для участников всевозможных конкурсов круг тем должен быть ограничен и разработан совместно с педагогами, в том числе и со специалистами по изобразительному искусству и психологами.

Плакаты действия определяют алгоритм действий граждан в случаях коррупции, а плакаты-предупреждения указывают на последствия этого явления. Плакаты-отчеты в основном представляют собой информацию о результатах работы органов государственной власти, в большей степени прокуратуры: о количестве привлеченных к ответственности, о размере возвращенных в бюджет денежных средств и др. Такие плакаты выступают подтверждением в сознании людей того, что проводится существенная работа по противодействию коррупции.

Универсальным и более приемлемым для антикоррупционного плаката, по нашему мнению, является изображение призыва к соблюдению закона, морали (плакат-призыв). В таком плакате маловероятно использование понятий, затрудняющих изображение и восприятие коррупции. Через отвержение преступного поведения, призывы к исполнению законов, соблюдению морали формируется и правильное понимание того, как противодействовать коррупции [24, с. 66].

Перспективы. Перечисленные проблемы, касающиеся антикоррупционных плакатов, позволяют вести речь о том, что требуется дополнительное научное исследование проблем антикоррупционного просвещения в целом и антикоррупционного плаката в частности. Использование предложенных типов антикоррупционных плакатов повысит эффективность антикоррупционного просвещения, будет способствовать устранению мифологического мировоззрения о коррупции. Плакат, наполненный смыслом о том, что правила незыблемы для всех без исключения, возможно, изменит правосознание сомневающихся — «потенциальных коррупционеров» [25, с. 257–258; 26, с. 99; 27, с. 102] — и тем самым значительно увеличит армию готовых духовно и физически к борьбе с преступностью.

Список источников

1. *Противодействие коррупции: новые вызовы* : монография / С. Б. Иванов, Т. Я. Хабриева, Ю. А. Чиханчин [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2016. 384 с. www.dx.doi.org/10.12737/21335.
2. *Сымонович Ю. В.* Плакат как средство социальной рекламы: его значение и принципы выразительности // Труды Белорусского государственного технологического университета. 2018. Серия 4. № 1. С. 120–124.
3. *Тухбатуллина Л. М., Ермолаева Ю. С.* Социальный плакат — эффективный инструмент в борьбе с коррупцией // Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы : сб. тезисов докладов и статей всерос. науч. конф. с зарубежным участием. М., 2019. С. 87–88.

4. Андрианов М. С. Роль социальных факторов в антикоррупционном просвещении граждан // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 3(71). С. 104–110.
5. *Деятельность* прокуратуры по правовому просвещению и правовому информированию в сфере противодействия коррупции : науч.-практ. пособие / М. А. Соколов, М. С. Андрианов, С. Н. Будай, И. А. Васькина, Л. Г. Кожевникова, Е. Н. Неганова, А. Ш. Юсуфов. М., 2020. 92 с.
6. Козолупенко Д. П. Социально-психологические функции мифа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия». 2009. № 1. С. 49–61.
7. Красникова Е. В., Павловская Н. В. Мониторинг состояния коррупционной преступности в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4(72). С. 59–65.
8. Босхолов С. С. Мифологизация коррупции в общественном сознании и ее последствия // ГлаголЪ правосудия. 2010. № 1(1). С. 5–11.
9. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Особенности восприятия россиянами коррупции // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 79–84.
10. Меркурьев В. В., Соколов Д. А. Противодействие технологиям «цветных революций» // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2015. С. 20–25.
11. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право : монография. М., 2007. 256 с.
12. Носакова Е. С. Формирование антикоррупционного правосознания в системе мер противодействия коррупции // История государства и права. 2012. № 9. С. 14–17.
13. Bradley M. M., Lang P. J. Measuring emotion: The Self-Assessment Manikin and the semantic differential. *Journal of Behavior Therapy & Experimental Psychiatry*. 1994. Vol. 25. Pp. 49–59. URL: https://edwp.educ.msu.edu/wp-content/uploads/sites/29/2020/06/Bradley_1994_MeasuringEmotionTheSelfassessment.pdf (дата обращения: 09.11.2022).
14. Lang P. J., Bradley M. M., & Cuthbert B. N. (2008). International affective picture system (IAPS): Affective ratings of pictures and instruction manual. Technical Report A-8. University of Florida, Gainesville, FL. URL: [file:///C:/Users/user/Downloads/IAPS.TechManual.1-20.2008\(1\).pdf](file:///C:/Users/user/Downloads/IAPS.TechManual.1-20.2008(1).pdf) (дата обращения: 09.11.2022).
15. Bradley, M. M., & Lang, P. J. (2007). The International Affective Picture System (IAPS) in the Study of Emotion and Attention. In J. A. Coan, & J. J. B. Allen (Eds.), *Handbook of Emotion Elicitation and Assessment* (pp. 29–46). London: Oxford University Press. URL: <https://global.oup.com/academic/product/handbook-of-emotion-elicitation-and-assessment-9780195169157?cc=ru&lang=en&#> (дата обращения: 09.11.2022).
16. Posner J., Russell J. A., Gerber A., Gorman D., Colibazzi T., Yu S., Wang Z., Kangarlou A., Zhu H., Peterson B. S. The neurophysiological bases of emotion: An fMRI study of the affective circumplex using emotion-denoting words. *Human Brain Mapping*. 2009. No. 30, Pp. 883–895. doi:10.1002/hbm.20553. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2644729/> (дата обращения: 09.11.2022).
17. Васильева И. В., Григорьев П. Е., Чуманов Ю. В. Особенности эмоционального реагирования на аффективно окрашенные фотоизображения о коррупции: половозрастной аспект // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 151–166.
18. Васанов А. Ю., Марченко О. П., Севостьянова М. С. Подбор культурноспецифичных эмоционально окрашенных фотоизображений для экспериментальных исследований // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6, № 4. С. 105–114.
19. Инишаков С. М. Коррупционная война как элемент гибридного противоборства государств // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1(48). С. 46–51.
20. Меркурьев В. В., Соколов Д. А. Участие прокуратуры и войск национальной гвардии в обеспечении права на выражение мнения и свободы на проведение собраний и объединений // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2017. № 8. С. 30–37.
21. Капинус О. С. О роли Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в проведении научных исследований проблем противодействия коррупции и выработке предложений по их решению // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 2(16). С. 51–56.
22. Dan-Glauser E. S., Scherer K. R. The Geneva affective picture database (GAPED): a new 730-picture database focusing on valence and normative significance. *Behavior Research Methods*. 2011. Vol. 43, No 2. Pp. 468–477. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/159157275.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).
23. Мальцева Л. В. Изобразительное искусство в школе и его назначение // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2. С. 132–136.
24. Лихачева Е. Ю. Борьба с коррупцией путем антикоррупционного просвещения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6. С. 65–69.
25. *Личность* коррупционного преступника : монография / под общ. ред. Р. В. Жубрина. М., 2019. 384 с.
26. Капинус О. С. Криминологическое исследование личности коррупционного преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 95–101.
27. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Психологическое исследование личности коррупционного преступника // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2(64). С. 95–104.

Поступила 14.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 159.99 © А. Н. Ильин, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-49-57

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Психологическая манипуляция в рекламе как фактор изменения сознания в обществе потребления

Алексей Николаевич Ильин¹, кандидат философских наук, доцент кафедры практической психологии; ilin1983@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1090-3636>

¹ Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, ул. Партизанская, 4а, Россия

Реферат

Введение. Реклама есть фактор психологического отчуждения от личного мышления, от истинных потребностей, она формирует псевдоинформационное пространство, с помощью которого конструируются новые потребности у целевой аудитории. Поднимается проблема разделения естественных и неестественных потребностей. Цель — выяснить основные методы манипулятивного влияния рекламы и выявить проблемы, связанные с состоянием сознания при психологической манипуляции рекламой. **Материалы, результаты и обсуждение.** Рассматриваются методы манипулятивного воздействия рекламы: апелляция к более высокой ценности, принцип абсурдности, провокационный вызов, спекуляция на медийных персонажах, эксплуатация мировой культуры, «обещающая хитрость». Раскрывается сущность перманентного потребления. **Выводы.** Методы рекламного воздействия отличаются высоким суггестивным потенциалом, способным оказывать воздействие на мышление человека и систему его потребностей. Реклама вполне рациональным образом берет на вооружение нерациональный дискурс ради оказания манипулятивного влияния на целевую группу. Так, рации и абсурд становятся элементами, спаянными в крепкую взаимосвязь.

Ключевые слова: сознание, реклама, манипуляция, заражение, внушение, потребность

Для цитирования: Ильин А. Н. Психологическая манипуляция в рекламе как фактор изменения сознания в обществе потребления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 49–57. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-49-57>

Scientific and Practical Article

UDC 159.99 © A. N. Ilyin, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-49-57

5.3.5. Social Psychology, Political and Economic Psychology

Psychological Manipulation in Advertising as a Factor of Consciousness Change in Consumer Society

Alexey N. Ilyin¹, Candidate of Science in Philosophy, Associate-Professor at the chair of Practical Psychology; ilin1983@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1090-3636>

¹ Omsk State Pedagogical University, 4a Partizanskaya st., Omsk, 644099, Russia

Abstract

Introduction. Advertising is a factor of psychological alienation from personal thinking, from true needs. It forms a pseudo-information space, with the help of which new needs of the target audience are constructed. The article raises the problem of separation of natural and unnatural needs. The purpose is to reveal the primary methods of manipulative influence of advertising and the problems related to the state of consciousness under psychological manipulation rendered by advertising. **Materials, Results and Discussion.** Under consideration are the following methods of manipulative influence of advertising: appeal to a higher value, the principle of absurdity, provocative challenge, speculation on media characters, exploitation of world culture, "promising cunning". The essence of permanent consumption is revealed. **Conclusions.** The methods of advertising influence are characterized by a high suggestive potential, capable of influencing a person's thinking and the system of his needs. Advertising quite rationally adopts irrational discourse for the sake of manipulative influence on the target group. Thus, rationality and absurdity become elements consolidated into a strong relationship.

Keywords: consciousness, advertising, manipulation, contagion, suggestion, need

Citation: Ilyin A. N. Psychological Manipulation in Advertising as a Factor of Consciousness Change in Consumer Society. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 49–57 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-49-57>

Основные положения

1. Реклама является не просто средством продвижения товара или услуги, но и средством переформатирования потребностной сферы человека, навязывания ложных потребностей. С использованием рекламы происходит дерационализация мышления.

2. Реклама прибегает к многообразному арсеналу манипулятивного влияния на мышление и потребности человека, и этот арсенал постоянно расширяется.

3. Основными манипулятивными средствами рекламы выступают следующие: отсылка к высокой ценности, абсурдизация, провокация, использование известных широкой публике персон, эксплуатация элементов высокой культуры, «обещающая хитрость».

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы. Современное общество нередко называют информационным. Действительно, внимание человека постоянно увлечено какой-либо информацией, которая может навязчиво овладевать им. Информации становится настолько много, что психические процессы человека не способны достаточно глубоко переработать ее. Возникает некий парадокс современности: для того чтобы успешно адаптироваться к медианасыщенному пространству, необходимо обладать высоким уровнем развития таких психических процессов, как внимание, мышление и память. Однако проблема психологической адаптации связана не только с трудностью восприятия, осмысления и запоминания растущего массива информации. Другая проблема — это способность отделять действительную информацию от недостоверных сведений, мимикрирующих под достоверные.

Манипулирующая сознанием реклама, политическая пропаганда, фальсифицированные новости говорят о небывалой широте медийного поля. Мир вступил в эпоху (псевдо)информационного пресыщения, которое одновременно оказывает воспитательное и антивоспитательное влияние, информирует и дезинформирует, формирует когнитивные карты и разрушает когнитивные ориентиры. Для капиталистического общества потребления это крайне важная проблема.

Цель — определить основные методы манипулятивного влияния рекламы и выявить проблемы, связанные с состоянием сознания при психологической манипуляции рекламой.

Материалы, результаты и обсуждение

Реклама и психология потребления. Психология потребления культивирует такие ценности, как гедонизм, роскошь, стремление продемонстрировать статус посредством приобретения модных вещей. Культивируются индивидуализм и эгоизм, сопряженные с ними бесчувственность к проблемам других людей, социальная безответственность. Десакрализируются любые формы коллективизма и солидарности. Патриотизм, интеллектуальное развитие, самореали-

зация через творчество, профессионализм нередко воспринимаются как инструментальные ценности — способы, ведущие к материальному благосостоянию. Ориентированные на капиталистический рост средства массовой информации, мода и всепроникающая реклама сформировали культурно-психологический тип, именуемый потребителем.

Реклама сегодня стала неотъемлемой частью физического и психологического бытия человека. Ее можно увидеть практически везде: в общественном транспорте, магазинах, на улице и т. д. Реклама обладает «расширенным бытием», совершая экспансию на практически любые плоскости городского пространства, абсорбируя собой любые поверхности, создавая свой собственный пейзаж. Реклама, учитывая ее вездесущность, представляет собой абсолютную близость, лишённую какой-либо дистанции. Она посредством «мягкой силы» вторгается во внутренний мир человека, совершает интервенцию в личное психическое пространство, тем самым знаменуя дефицит внутреннего, интимного. И каждый член общества находится в перманентном состоянии зрителя рекламы и, значит, потенциального покупателя, в том числе товаров, которые не соответствуют его аутентичным потребностям.

Ряд развлекательных программ создается в первую очередь в целях рекламы, а уже во вторую — с целью донести программное содержание. Реклама как бы скрывается за этим содержанием, а оно, в свою очередь, выставляется на первый план, обманывая зрителя, так как на поверку оказывается побочным эффектом. Некоторые журналы превращаются в рекламные каталоги, и непонятно, чего в них больше — информативности и аналитичности или рекламности. В то же время рекламные каталоги мимикрируют под новостные журналы. Теряется грань между искусством и рекламой, журналистикой и рекламой. Можно сказать, реклама есть фактор психологического отчуждения от личного мышления, от истинных потребностей.

В психологической литературе описаны многие способы воздействия рекламы на личность. Мы в данной статье обратимся к некоторым из тех, что наиболее слабо представлены в научно-психологическом дискурсе, и раскроем суть ряда рекламных манипуляций.

Реклама конструирует фантазийную реальность, к истинной реальности имеющую мало отношения. Как бы создается идеологическая матрица, существующая наряду с настоящей действительностью. Эта матрица посредством известного в социальной психологии механизма заражения «обращает» в свою систему ценностей не просто отдельных индивидов, а социальное большинство. «Реклама является не только и не столько ретранслятором консьюмеристского бытия, сколько его непрерывным конструктором» [1, с. 48].

Реклама — дискурс, обладающий серьезной диффузной возможностью, способный проникать внутрь других дискурсов и социально-культурных практик, обогащать своим присутствием как медиа-, так и архитектурное и прочее пространство, просвечивать через них, изменять их символическое наполнение в угоду своим целям, мягко намекать, манипулировать и призывать. Пропаганда и реклама демонстрируют, что слово используется не только как носитель разума, но и как способ иррационального внушения.

Психоаналитик Э. Фромм писал, «чтобы восполнить свою потребность в увеличении производства, промышленность полагается не на нужды и желания потребителя, а в значительной степени на рекламу, представляющую собой важнейшее наступление на право потребителя знать, чего он хочет. 16,5 млрд. долларов, израсходованных в 1966 году на прямую рекламу (то есть рекламу в газетах, журналах, на радио и телевидении), — эта цифра может прозвучать как свидетельство неразумной и бесполезной растраты человеческих талантов, бумаги и печатного оборудования. Но она вовсе не воспринимается как неразумная в системе, считающей, что все возрастающее производство, а значит, и потребление — жизненно важный показатель нашей экономики, без которого она бы погибла. Если к стоимости рекламы добавить значительные расходы по изменению моды на товары длительного пользования, особенно на автомобили, на упаковку, что частично является еще одним способом возбудить аппетит у потребителя, станет ясно, что промышленность решает заплатить высокую цену за гарантию подъема производства и кривой продаж» [2, с. 59–60]. В этих словах в сжатом виде сконцентрированы различные проблемы психологии потребителя. Причем речь идет именно о современном обществе, несмотря на то что Э. Фромм написал свою работу в 1960-х гг. Можно, конечно, сказать об устарелости приведенной цитаты, так как в век интернета утратила свое передовое положение реклама в газетах, журналах, на радиоканалах и даже телевидение теряет своих зрителей, которые все больше и больше переходят в мировую сеть. Особенно молодое поколение, которое с точки зрения возрастной психологии является наименее консервативным, осваивает новые информационные технологии, уходит в интернет и уводит туда старших, помогая им в постижении нового. Однако такое замечание о несовременности не будет по существу, а лишь по отдельному (и не самому главному для нашего внимания в контексте изучаемой проблемы) аспекту. Сделаем небольшой комментарий к приведенной цитате Э. Фромма.

Во-первых, в капиталистическом обществе потребления именно прибыль занимает главенствующее ценностное место, а совсем не человек, который должен развиваться в интеллектуальном и моральном смыслах. Прежде всего от него требуется потреблять и снова

потреблять. Для того чтобы он ввергал себя в увлекательный процесс перманентного потребления, необходима реклама. Посредством нее он «узнает» о том, какие услуги и товары ему нужны, причем не просто нужны, а жизненно необходимы. Она формирует некое (псевдо)информационное пространство, откуда поступают сигналы, диктующие правила покупательского поведения. Поэтому реклама действительно наступает на право потребителя знать о своих желаниях. Она в некотором роде заменяет собой это право. Во-вторых, реклама (а также различные иные — собственно «капиталистические» — формы деятельности) представляет собой неэкономную растрату интеллектуальных и материальных ресурсов. С точки зрения отдельно взятого предприятия инвестиция в рекламу бывает весьма эффективной, но это сложно сказать при более абстрактном взгляде на функционирование капиталистической экономики. Эффективность на микроуровне оборачивается тотальной расточительностью на макроуровне. Эффективность рекламы приводит потребителя к тотальной расточительности, что оказывает влияние на эмоциональное состояние человека, что было исследовано Е. А. Пушкановой [3].

Бизнес ради реализации своекорыстных интересов посредством манипулирующей рекламы стремится пробудить в реципиентах потребность в рекламируемом товаре, т. е. поставить потенциального потребителя в психологическую зависимость и подтолкнуть его к прощанию со своими деньгами. Поддаваясь такому воздействию с самых разных сторон, потребитель стоит перед соблазном совершенно неумеренных трат.

Между демонстрируемой рекламой и реальными качествами продвигаемого товара наблюдается один из значимых парадоксов общества потребления. Реклама совершает «игру ценностями», когда апеллирует не просто к «ценности в себе самой» предлагаемого товара, а к более высокой, даже духовной ценности, с которой этот товар может быть не связан или же связан весьма относительно. Так, предлагаются не просто апельсины, а здоровье, не просто платье, а красота. Из любого предмета реклама может сконструировать символ престижа, мечту, надежду, образ жизни, стиль.

Принцип абсурдности и бунтарства в рекламе. Современная реклама часто использует принцип «абсурдности». Абсурдность заключена в объединении противоположностей и тем самым в создании противоестественного комплекса. На находящемся возле крупной магистрали огромном стенде, размещавшем рекламу сигарет, изображены два радостно улыбающихся спортсмена-лыжника. Эффективность воздействия такой рекламы заключена в несовместимости спорта и курения. Принцип следующий: курение вредно, спорт полезен, а соотношение «спорт+курение» рождает нечто среднее по степени вреда для здоровья. Иными словами, негативизм затушевывается мнимым

позитивом, как при синтезе черного и белого рождается серое. Таким образом, ликвидируется установка о вреде курения (наложение, якорение, интеграция полярностей — называется по-разному). Получается кощунственная связка: «спорт+курение=нейтралитет». Сочетание плюса и минуса дает нейтралитет, а это все-таки лучше, чем полный негатив.

Помимо смещения противоположностей, в рекламе сигарет возможен акцент на рисковости, бунтарстве против известной истины о вреде курения. Так, психоаналитик С. Жижек приводит пример рекламы сигарет Davidoff, в которой осуществляется манипуляция разрывом между действием и знанием, предлагается знание о вреде курения приостановить в действии типа «я делаю это, и мне наплевать на последствия своих действий, хотя я о них знаю». Образ курильщика сопровождается словами «Чем больше ты знаешь...», которые намекают на смелость, риск выказать пренебрежение вредом [4]. С тем же успехом реклама может эксплуатировать тему риска и удовольствия в потреблении кредитов; да, вы знаете, что кредиты приводят к долгам, но зато вы можете прямо сейчас взять кредит и насладиться желанной покупкой, не откладывая ее на потом. Или: да, кредит требует переплат, но сделай хоть что-нибудь неправильно и насладись этим. Наконец, аналогичная реклама, предлагающая переступить через запрет, связанный с медициной (вред курения), вполне способна призывать переступить запрет, связанный с принесением вреда уже не себе (я сам ответственен за себя и делаю с собой, что захочу), а другим людям. Ведь фраза типа «да, пусть вредно (или незаконно, или аморально, или греховно), но мне это нравится» вполне многоконтекстуальна и применима к самым разным формам поведения. Назовем этот метод провокационным вызовом.

Референтный образ в рекламе. Как замечает В. Глазычев, роль символического различия продуктов друг от друга способно играть не только реальное или иллюзорное отличие их качеств, но и сам факт потребления или рекламирования персонажем, в данный момент времени являющимся популярным [5]. Реклама не просто продвигает некий товар, а формирует социальный образ, выражающийся в убежденности, что большинство людей (да еще и знаковых, имеющих звездный социальный статус) пользуются этим товаром; тем самым осуществляется своеобразное присоединение к социально значимым людям. Это реализуется, когда в рекламном ролике фигурирует известное лицо, чаще всего популярный актер. Опираясь на свою популярность как некий социально-психологический капитал, он «заражает» публику, которая испытывает к нему симпатию, стремлением приобрести продвигаемый им продукт. Например, один бренд (медийный персонаж) рекламирует другой (собственно предлагаемый товар).

Однако участие звезды в рекламном ролике совсем не значит, что она пользуется продвигаемым товаром. Но потребитель в своем мышлении связывает реальную жизнь звезды с предлагаемым продуктом. Подсознательно потребитель верит в то, что звезда пользуется этим товаром и высказывает свое авторитетное мнение. Так же и молодая девушка, фигурирующая в рекламе крема от морщин, едва ли применяет этот крем. У нее нет такой потребности в силу ее возраста. Абсурдно думать, что ее идеальная кожа — результат взаимодействия с предлагаемым кремом.

«Ценность такой рекламы, доверие к ней целевой аудитории возрастает, если ее главными героями становятся известные люди, так называемые медийные лица, способные стать для определенной части общества кумиром и тем социальным образцом, которому захочется подражать. Не стоит доказывать: среди социальных мифологем, из века в век направляющих поведение человека, мифологема звезды остается наиболее психологически эффективной. Иногда невольное, но чаще вполне осознанное подражание тем, кто на виду, становится мощным двигателем поведения. Вспомним хотя бы Эллочку Щукину, героиню романа И. Ильфа и Е. Петрова „Двенадцать стульев“, заочно соревновавшуюся с дочерью американского миллионера Вандербильда, заносчивой Вандербильдихой. И в наше время духовные правнучки Элочки Людоедки столь же страстно подражают героям и героиням светской хроники 21 века. Звезды, задающие стандарты стиля жизни и, разумеется, внешнего облика человека, советующие нам, как одеваться, где отдыхать и как следует питаться, чтобы сохранить стройность на долгие годы, становятся сегодня желанными гостями всех глянцевого издания; они, пожалуй, такая же знаковая примета массовой культуры, как и рынок глянцевого прессы. Они оказывают мощное влияние на сознание человека, точнее на его трансформацию. Отдельные журналы имеют знаковые названия, они психологически настраивают читателей на восприятие определенной информации, на подражание актерам, светским львицам, популярным журналистам, словом, всем тем, кто богат, удачлив, знаменит. „Тайны звезд“, „Звезды и советы“, наконец, чрезвычайно популярный „Стар Хит“, манят читателей красивыми картинками, не устают призывать: делай так, как делают твои кумиры, подражай им, испытывая позитивные эмоции, приближая свою жизнь к их главному, гламурно-рекламному бытию» [6, с. 32–33].

Высший пик абсурдности рекламы выражается тогда, когда она апелляцией к покупке лоббируемого ею продукта намекает, что реципиент встанет вровень с известными личностями данной эпохи. Показателен рекламный слоган одного радиоканала «103.0 FM — на одной волне со звездами», размещенный рядом с фотографией М. Шуфутинского. Оче-

видно, что сколько бы человек ни слушал этот канал, «на одной волне со звездами» он не окажется. И время прослушивания никак не усиливает вероятность его вхождения в «звездную» среду. Кроме того, упомянутым слоганом как бы говорят, что звезды фигурируют именно на их волне. Выходит, дается намек на то, что на других волнах их нет. Если же они там есть, слоган «на одной волне со звездами» вполне подходит для рекламы любого радиоканала. Тем более понятие «звезда» весьма аморфно. Если брать во внимание в качестве критерия «звездности» широту популярности исполнителя, становится очевидным, что «попса» (в силу ее максимальной популярности) охватывает собой максимальное количество звезд. Если же учитывать такие критерии «звездности», как музыкальная оригинальность, новизна, большой вклад исполнителя в музыку, профессионализм — как вокальный, так и инструментальный, то звездами будут явно не «попсовые» деятели. Однако в современную рыночную эпоху правилом хорошего тона выступает определение звездности через широту, а не качество. Отсюда вывод: «звездность» канала никак не согласуется с качеством его продукции. Если бы существовали андерграундные радиоканалы, крутящие действительных профессионалов вроде Pink Floyd, Yes, Genesis и т. д., именно они отличались бы — нет, не звездностью, а максимальным качеством музыкальной продукции. Указанные механизмы манипулирования рекламой приводят к искажению сознания человека, формированию чуждой ему системы ценностей, которая навязывается извне.

Еще более абсурдные варианты манипулирования при помощи рекламы заключаются в том, что продвигаемый товар в принципе не может иметь никакого отношения к фигурирующему известному персонажу. Обычно это связано с тем, что продукт современен, а персонаж принадлежит прошлым эпохам. Например, газета «Известия» публиковала из номера в номер коллажи с изображением известных писателей и общественных деятелей прошлого, держащих номер газеты с хорошо видимым названием «Известия» [7, с. 19]. К этому же методу относится образ Ленина на рекламе срочного технического обслуживания с надписью «Всегда готов!». В принципе капитал приватизирует образы, создавая из известных личностей политики, науки, искусства бесплатных для самого капитала рекламистов. Лица известных людей прошлых эпох эксплуатируются в коммерции, музыкой классиков сопровождаются рекламные ролики. Этот феномен можно назвать присвоением интеллектуальной ренты, когда капитал эксплуатирует мировую культуру с заранее культивируемой целью манипулирования сознанием.

Широкая тенденция рекламирования продукта посредством приглашенной звезды и создания связи звезды с продвигаемой ею вещью вызывает следующую фантазию. Представим, что определенный населенный

пункт внезапно избавился от рекламы и воспоминаний о ней, от памяти о тех или иных брендах и модных товарах. Люди наблюдают городскую инфраструктуру, лишённую рекламных знаков и следов. И внезапно на стенах, гаражах, в подъездах появляется надпись непонятного слова, ничего не означающего. Этого слова нет ни в каком языке, и потому оно воспринимается как бессмысленный набор букв. Люди начнут обращать на него внимание, ведь оно будет выделяться на общем фоне стен без знаков, в отличие от непонятного слова, которое «встроено» в испещренную рекламными призывами стену. И спустя некоторое время, предположим, в продажу поступает некая вещь, на этикетке которой изображено это уже долго будоражащее умы жителей слово. Что произойдет? Вещь будет неплохо продаваться — ведь слово запомнилось, вызвало интерес, запечатлилось в индивидуальном и коллективном сознании и бессознательном. Здесь слово, получившее известность (именно благодаря его таинственности, тому, что непонятно его значение), выступает аналогом той самой звезды, популярного персонажа, а реклама — чистой спекуляцией на нем. Рекламирующая звезда не подстраивается под рекламу, так как она самодостаточна в своей популярности. Именно реклама подстраивается под звезду, спекулируя на ее «звездности».

«Обещающая хитрость» и симулякр счастья в рекламе. В рекламном дискурсе заложена «обещающая хитрость»; реклама не обманывает напрямую, но и истинную правду тоже не говорит. Так, надпись «100% апельсиновый сок» означает не то, что это натуральный сок, а всего лишь то, что это сок не яблочный, не томатный, а именно апельсиновый (и необязательно натуральный). Но сознание потребителя обычно реагирует иначе. Добавление в стиральный порошок кристаллов не придает новых свойств, усиливающих отстирывающую способность, а всего лишь представляет собой маркетинговый ход, придающий порошку отличительное свойство. И рекламисты не утверждают, что «кристаллы улучшают качество стирки», т. е. не обманывают. Они говорят «ищите порошок с кристаллами», а сознание потребителя «додумывает» само так, что образуется ментальная взаимосвязь между кристаллами и качеством продукта, их содержащего. Хороший пример приводят Л. С. Яковлев, В. В. Матвеева, О. М. Дмитриева. В рекламе сотового телефона фигурирует симпатичная девушка и присутствует слоган «Совершенство формы. Образец стройности. Твой идеал» [8]. Девушка выступает здесь одновременно потенциальным потребителем (субъектом) и предметом потребления (объектом), поскольку ее стройность, телесная идеальность, красота отождествляются с характеристиками телефона. Мы видим типичный рекламный абсурд — нет в реальности сходства между человеком и телефоном,

вообще глупо их сравнивать. Но тут же, посредством этого абсурда, осуществляется негласный, прямо не-вербализируемый посыл типа «хочешь быть стройной и красивой — пользуйся этим телефоном». Как бы качества одного накладываются на качества другого, образуется неестественная форма детерминации вроде «обладание этим телефоном — красота и стройность». Так что данную рекламу можно назвать адресованной женской аудитории. Абсурдность рекламы выступает еще одним из механизмов манипулирования сознанием человека со сниженной интеллектуальной критичностью. Обращая внимание на широту использования рекламой абсурдизации, целесообразно постулировать следующий парадокс. С одной стороны, реклама — научно обоснованное средство воздействия, четко преследующее цели по увеличению продаж. С другой стороны, реклама вполне рациональным образом использует нерациональный дискурс ради оказания манипулятивного влияния на целевую группу. Так, рации и абсурд, эти исконные противоположности, соприкасаются примерно как разумное средство и его неразумное смысловое содержание. Они становятся элементами, спаянными в крепкую взаимосвязь.

Часто в рекламе утверждается, что «счастье — это просто». А если просто, то каждый должен быть счастливым. Как же таковым не быть, когда вокруг столько товаров и услуг, улыбок рекламной металлокерамики, ярких и красочных призывов? Счастливыми, с точки зрения содержания рекламной инфраструктуры, мы просто обязаны быть и не имеем права отказываться от счастья. Недаром говорится, что в современном обществе репрессивные коммерческие нарративы формируют «дисциплину чувств»: счастье — это нормативная эмоция, которую следует чувствовать и демонстрировать, а культ счастья (принудительное счастье) становится повинностью, моральным долгом [9, с. 64–73]. Культивирование наслаждения и счастья посредством мира вещей и присущих им знаков — неотъемлемая деятельность инфраструктуры потребления, которая монетизирует и нашу эмоциональность. Причем в рекламе счастье и наслаждение представляются зависимыми именно от материальных ценностей, от вещей и символов, которые они в себе несут; тем самым происходит трансформация потребностной сферы человека.

А. де Бенуа писал: «Огромное количество людей не знают, что им делать, потому что они не знают, кто они есть... идентичность — это не то, что никогда не меняется, но то, что определяет нашу специфическую манеру изменяться, то, что нам позволяет изменяться, оставаясь самими собой... Враг, неприятель нашей идентичности — это не идентичность другого. Враг нашей идентичности — это идеологическая система, которая разрушает наши идентичности» [10, с. 275]. Поэтому следует констатировать, что потребительская

идентичность — это эрзац, псевдоидентичность, слишком поверхностная, духовно обедненная, навязанная инфраструктурой потребления. Различие между потребителями, пожалуй, касается не глубинной разности в мировоззрении, идеологии, нормах и ценностях, а способов, которыми совершаются потребительские практики. Как метко заметил А. А. Овсянников, «потребление превращается из использования товаров для удовлетворения нужд жизнедеятельности в собственно жизнедеятельность, в процесс социального взаимодействия, становясь фактором конструирования идентичности» [11, с. 154]. Через сопряженность с вещно-знаковой реальностью потребитель демонстрирует свою идентичность, а заодно и самость. Омский психолог Н. И. Нелюбин пишет: «Ежедневно находясь на пересечении множества контекстов общения (большая часть которых уже не выходит за границы виртуального пространства), человек привыкает к фрагментарной или даже мнимой представленности в каждом из них, его субъективность словно „размазана“ по n-мерному пространству коммуникативной среды. Однако многомерность человеческого бытия не сводится к постмодернистскому коллажу самопрезентаций, создаваемому по принципу обманчивого отождествления себя с персонажами, атрибутами счастья и успеха, которые поставляются массовой культурой» [12, с. 17].

Главный дизайнер General Motors заявил: «Всеми силами старайтесь получить вещь, а потом откажитесь от нее. Наша работа — ускорять устаревание. В 1934 г. средний период владения автомобилем составлял пять лет, сегодня — два года. Мы сможем считать, что добились цели, когда он сократится до одного года» [13, с. 228]. Современные технологии можно направить на создание практически вечных товаров. Но миру капитализма они не нужны. Капиталу нужен постоянный спрос, и потому он использует стратегию запланированного устаревания, а с помощью рекламы пытается сформировать «человека желающего», т. е. готового перманентно потреблять, постоянно покупать более модные аналоги уже имеющегося предмета обожания. Дело в дефиците не научно-технического прогресса, а желания его использовать к радости человечества. Вместо этого манипулирующая реклама в качестве радости и счастья навязывает вовлечение в безудержную и безумную стратегию: купил — выбросил — купил. Бизнес заинтересован в том, чтобы общественное сознание было преисполнено убеждением в том, что каждый товар быстро теряет свою символическую ценность, и поведение потребителя основывалось на идее о необходимости менять товары на более «современные», т. е. символически насыщенные аналоги, выступающие предметом модного обожания текущего дня. Тут действует поведенческая цепочка: купил — испытал отвращение к себе как обла-

дателю теряющего символический смысл продукта — выбросил, не дождавшись физического устаревания продукта, — купил новый продукт. Таким образом, символическое устаревание хронологически наступает раньше физического. И на этом фоне нереалистично выглядят попытки Е. Ю. Колобова и М. С. Вареник выявить знания детьми способов воздействия рекламы на потребителей [14]. Этими знаниями не обладает подавляющее большинство взрослых людей.

Говоря, что каждый из нас просто не имеет права не быть счастливым, принцип перманентности с помощью рекламы отсрочивает состояние счастья, постоянно отменяет его. И потребитель в порыве за счастьем вовлекается в чувство тревоги, связанное с тем, что может перестать соответствовать этому «императиву чувств». Здесь мы видим один из парадоксов конsumerизма. Для того чтобы потребителя уважали, он не просто должен постоянно покупать все новые — брендовые, модные и вследствие этого символически отягощенные — вещи, но и позиционировать себя как счастливое существо. Самый уважаемый потребитель в среде потребления не только вещно и символически нагруженный, но и «пылающий» счастьем. Однако потребительская идеология не приемлет варианта, когда человек не имеет вещно-символического капитала, но при этом чувствует себя счастливо, поскольку данный капитал (и только он) представляется в качестве основания для положительного психоэмоционального состояния.

«Как говорил И. Ильф, „и радио купил, а счастья нет“. Что такое радио в сравнении с Интернетом, а счастья нет. Все предоставленные в соответствии с „Декларацией независимости“ условия созданы — право на жизнь, свободу и стремление к счастью, а счастья нет» [15, с. 4]. *Люди не могут перестать потреблять, а должны данный процесс переводить в сознательное русло, придавая значение настоящей пользе от приобретаемого продукта.*

Реклама, производящая ложные потребности. Формирование рекламой определенного типа мировоззрения, влияние на изменение сознания, успешно тогда, когда человек считает себя сложной личностью, невосприимчивой к манипуляционным призывам. Известно утверждение, что раб тем больше вовлекается в свое рабское положение, чем сильнее он себя осознает свободным самостоятельным агентом.

Намечаются актуальность и особая трудность ответа на вопрос, где заканчивается полезное и начинается бесполезное, где проходят грани, разделяющие необходимое, нужное и ненужное. Согласно Эпикуру, «среди вожелений одни естественны, другие суетны; из естественных — одни необходимы, другие только „естественны“; а из необходимых — одни необходимы для счастья, другие для неотягощения тела, третьи — для самой жизни» [16, с. 191–192]. Однако не совсем

ясно, чем отличаются суетные потребности от естественных, ибо Эпикур не дает точного описания их особенностей. Не поясняется суть отличий «естественных» от необходимых потребностей. Наконец, весьма абстрактно звучат фразы о необходимости для счастья и неотягощения тела.

Э. Фромм, уверенный в том, что современный человек имеет много вещей и пользуется ими, но сам является немногим, отмечает важность того, что потребности способствуют развитию и самореализации человека [2; 17]. В другой работе он называет истинными идеалами те, что способствуют развитию личности и достижению счастья, служат свободе и укрепляют мужество и силу быть самим собой [18]. Это важное замечание, учитывая то, что, согласно Э. Фромму, люди часто убегают от свободы, принимают навязанные им чувства, мысли и желания в качестве своих, т. е. сами собой не являются. Конечно, не существует единых и точно определенных критериев развития, но многие мудрецы приходили к примерно близким выводам, утверждая необходимость роста человека в смысле осознанности, альтруизма, сострадания, интеллектуального совершенствования, преодоления алчности и ненависти и т. д. Добавим, что искусственная потребность — еще и та, которая формируется инфраструктурой потребления. Далеко не каждая потребность ведет к развитию человека, однако мы не можем вследствие этого называть ее фиктивной. Научная дискуссия о принципиальных различиях между естественными и фиктивными потребностями идет уже несколько десятилетий, но по-прежнему нет четкого отделения одних от других. В «Одномерном человеке» психоаналитик Г. Маркузе, говоря о фиктивных потребностях, пытался дать ответ на вопрос об их качественном отличии от естественных, но попытка завершилась неудачей. Грань между ними исторически изменчива, и онтологический статус неопределен. Так, с точки зрения А. Боске, «наша цивилизация непрестанно порождает — привычка идет от Америки — все новые искусственные потребности, которые через месяц-другой превращаются в естественные» [19, с. 27]. Это утверждение не отвечает на поставленный фундаментальный вопрос, но как раз показывает подвижность данной грани. Сам же вопрос о принципиальном различии между фиктивными и естественными потребностями окончательно решить не представляется возможным. Обобщая различные мнения, можно с условностью сказать, что потребность является фиктивной, если она не отражает действительную нужду и навязана человеку инфраструктурой потребления, отличается материальной спецификой и не ведет к саморазвитию человека, основана не на функциональном, а на сугубо символическом использовании вещи. *Фиктивная потребность — это та, в которой отсутствует потребность.*

Психологическая природа человека не является статичной. Она меняется в процессе человеческого развития, по мере того, как человек овладевает внешней реальностью. Прогресс человечества создавал новую среду, новую технику, новые средства для жизни в самом широком смысле этого слова. И по мере прогресса создавались новые потребности. Выражаясь марксистским языком, скажем, что изменения в базе вызывали трансформации в надстройке. Вместе с прогрессом в разных сферах деятельности эволюционировали природа человека и его потребностная сфера. Как замечает Д. М. Федяев, новые возможности потребления «реализуются в новых технических средствах. Сначала они кажутся чем-то необычным, но вскоре начинают восприниматься как совершенно необходимые» [20]. Закономерно, что структура потребностей представителей одной эпохи отличается от структуры потребностей представителей иной эпохи весьма кардинально, но из этого недопустимо делать вывод, что прогресс в обязательном порядке множит фиктивные потребности и нивелирует реальные и что люди более поздней эпохи имеют более фиктивную структуру потребностей, чем их предки. Вообще, термин «потребностная природа человека» следует брать в кавычки, поскольку при ее обсуждении неуместен эссенциализм. Человек не хотел обладать теми или иными вещами, потому что их не было в его современности, он просто не знал об их существовании. Наш далекий предок чувствовал себя вполне комфортно без телефонов и компьютеров, но мы себе представить жизнь, лишенную этих гаджетов, не можем. А еще более далекий предок вообще обходился без огня, без мотыги, без плуга и не испытывал в них острой необходимости, пока они не появились и не показали ему самим фактом своего существования, что с ними жить комфортней, чем без них. Привыкнуть к новому весьма легко, и если оно казалось необычным и экзотичным, то лишь вначале. Весьма скоро любой предмет обладания переходит в ранг обыденных, а некоторые — и необходимых. Можно сказать, что вещи, становящиеся необходимыми, в определенном роде способствуют проявлению у человека амнезии; он, теперь уже усматривая невозможной жизнь, лишенной некоей вещи, забывает, что ранее он как-то мог обходиться (и жить вполне комфортно) без нее. Но забывание, как и привыкание к новым вещам, происходит быстро. Поэтому «из критики реальных проблем потребительского общества не следует, будто архаичные формы социальных взаимодействий являются более „правильными“, чем сконструированные модерном и постмодерном» [8, с. 111]. Компьютеры и телефоны значительно облегчают нам жизнь, помогают в работе, в отдыхе, в сфере саморазвития. Сами по себе они не являются фиктивными товарами. Главное, как ими пользоваться — в целях действительной пользы или

в целях псевдопользы. Например, одна из фиктивных потребностей, развитых в обществе потребления, связана со стремлением позиционировать свой (часто мнимый) высокий материальный статус посредством дорогих предметов обладания, превращая последние в символы своего успеха. Нередко успехом человек не отягощен, но он имеет купленные в кредит модные предметы одежды. Культивирование этой потребности формирует в структуре общественного характера аналог истероидной акцентуации. В некотором смысле каждый потребитель, следующий этой потребности, — истероид.

В общем, потребительское поведение стоит понимать не только как «целенаправленную практическую деятельность по удовлетворению потребностей в товаре или услуге с момента возникновения потребности и заканчивая поведением потребителя после покупки товара или использования услуги» [21, с. 68]. Такое определение отличается узостью и не отражает настоящей сути потребительского поведения и потребительской культуры. Потребитель ориентирован в основном именно на материальные потребности, на потребность казаться, представлять в наиболее выгодном свете посредством обладания модными и брендовыми вещами. Ему неведомы «проект трансцендирования», устремленность к выходу за «потребностный симулякрим», в сферу надматериального, духовного. И это естественно, учитывая, что знак престижа и статуса охватывает именно материальную сферу, а инфраструктура потребления постоянно предлагает новые рецепты удовлетворения этих потребностей, забывая про духовную сферу личности. Она «растягивает» материальные потребности, создает для их удовлетворения более утонченные способы, формирует новые надстройки над материальной сферой, которые не переходят в духовную. Так, писк вчерашней моды на ту или иную вещь уже представляется неактуальным, а на его место предлагается не духовный продукт (типа купил новый костюм, теперь и книжку умную почитай), а писк сегодняшней моды. Так иницируется процесс бесконечного развития все новых форм удовлетворения материальных (и фиктивных) потребностей.

Как создается все большее количество потребностей, так и формируются потребности в новых технических способах удовлетворения потребностей. Ориентация на фиктивные потребности создает фиктивные ценности, что серьезно надламывает нравственность общества. Наиболее аутентичный человек тот, у которого минимализированы материальные потребности и максимализированы духовные. Но его аутентичность не принимается культурой потребления.

Выводы

В рекламе широко используются методы психолого-манипулятивного воздействия: апелляция к более

высокой ценности, принцип абсурдности, провокационный вызов, спекуляция на медийных персонажах, эксплуатация мировой культуры, «обещающая хитрость». Они оказывают глубокое влияние на изменение сознания человека.

Состояние сознания человека при психологической манипуляции рекламой подвержено трансформации в силу того, что нивелируется способность критически мыслить при ее восприятии. Подвергается изменению ценностно-смысловая сфера, связанная, например, с проявлением счастья; быть счастливым означает обладать брендовым предметом. Существенные изменения происходят

с потребностями. Они получают еще большую ситуативную обусловленность. Реклама формирует псевдоинформационное пространство, с помощью которого конструируются новые фиктивные потребности у целевой аудитории. Реклама есть фактор психологического отчуждения от личного мышления, от истинных потребностей.

Перспективы. Отметим, что в настоящее время в отечественной психологии манипулятивное влияние рекламы на состояние сознания изучается в недостаточной мере. Возникает необходимость исследований такого рода как в отношении взрослых, так и в отношении детей.

Список источников

1. Фуркин Б. А. Символическое потребление и человек в информационном обществе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6(50). С. 45–50.
2. Фромм Э. Революция надежды / пер. с англ. Т. Панфиловой. М., 2022. 256 с.
3. Пушканова Е. А. Влияние рекламы на эмоциональное реагирование : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 24 с.
4. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М., 2014. 528 с.
5. Глазычев В. О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М., 1970. 192 с.
6. Матвеева Е. О. Массовая культура и современная реклама // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2013. № 2. С. 24–37.
7. Федотова Л. Н. Институты культуры и реклама в России: социальные трансформации и участие граждан // Медиаскоп. 2012. № 2. С. 2–19. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1074> (дата обращения: 02.09.2022).
8. Яковлев Л. С., Матвеева В. В., Дмитриева О. М. Конструирование гендерных стереотипов в пространстве потребительской культуры (в контексте эволюции постиндустриальной парадигмы) // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 1(05). С. 110–116.
9. Ходус Е. В. Принудительное счастье как современный социокультурный императив // Антропологічні виміри філософських досліджень. 2015. № 8. С. 64–73.
10. Потатуров В. А. Культура в пространстве современной «мегамашины» // Социодинамика. 2016. № 1. С. 273–300.
11. Овсянников А. А. Рецензия на книгу Зарубиной Н. Н. «Экономическая социология. Учебник и практикум» // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4. С. 146–161.
12. Нелюбин Н. И. Проблема имитации жизненных отношений в фокусе экзистенциальной аналитики // Психолого-педагогические исследования в Сибири. 2016. № 1. С. 15–18.
13. Штейнман М. А. Кризис самоидентификации в обществе потребления // Вестник РГГУ. Серия: Политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. 2008. № 1. С. 227–237.
14. Колобова Е. Ю., Вареник М. С. К вопросу о воздействии рекламы на ребенка: теория и практика // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. № 1(124). С. 196–204.
15. Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 3–19.
16. Античная философия (Фрагменты и свидетельства) / под ред. Г. Александрова. М., 1940. 213 с.
17. Фромм Э. Искусство быть. М., 2021. 224 с.
18. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2021. 288 с.
19. Семенов В. С. О перспективах человека в XXI столетии // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 26–37.
20. Федяев Д. М. О технической форме родовой воли // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5879> (дата обращения: 02.09.2022).
21. Коростелина К. В., Тимохина Е. А., Попова И. В. Психологические проблемы изучения потребительского поведения (на примере рынка туристских услуг) // Журнал практического психолога. 1999. № 1. С. 67–78.

Поступила 24.08.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Научно-теоретическая статья

УДК 159 © А. Г. Абдуллин, Е. Р. Тумбасова, У. Ю. Кукар, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-58-64

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии; 5.3.6. Медицинская психология

Психологические последствия пандемии COVID-19

Асат Гиниатович Абдуллин¹, доктор психологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии управления и служебной деятельности; asatabdullin50@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0804-6148>

Екатерина Рахматуллаевна Тумбасова², кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии; kate6979@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8761-7550>

Ульяна Юрьевна Кукар³, кандидат педагогических наук, директор; kukar@yandex.ru

¹ Уральский государственный университет (НИУ), 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76, Россия

² Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, 455000, пр. Ленина, 38, Россия

³ Средняя образовательная школа № 59 им. М. Х. Ромазана, 455021, Магнитогорск, ул. Труда, 19/1, Россия

Реферат

Введение. Пандемия COVID-19 для всего мира стала огромным потрясением, создав, помимо опасности для жизни и здоровья, довольно сложные психологические условия. Несмотря на большое количество теоретических и эмпирических исследований, происхождение пандемии до сих пор остается загадкой. Представленные выводы о природе COVID-19 исследователей не являются исчерпывающими и окончательными. Поэтому природу и влияние пандемии на человека ученым предстоит определить. Цель — анализ и синтез исследований психологических последствий пандемии COVID-19, постковидной ситуации и психологической помощи людям, оказавшимся в посттравматической ситуации. **Материалы, результаты и обсуждение.** Используются системный и междисциплинарный подходы к исследуемой проблеме. При мгновенном распространении COVID-19 по всему миру произошло нарушение привычных социальных связей, трудовой занятости. Пандемия спровоцировала внутрисемейные и межличностные конфликты, рост депрессивных, тревожных и панических состояний, алкоголизма и наркомании. Режим самоизоляции серьезно повлиял на нашу привычную жизнь, а также выявил у большинства населения страны психологическую неустойчивость и посттравматический стресс. **Выводы.** Опыт COVID-19 показал, что умение всегда быть в хорошем настроении, четко оценивать сложившуюся ситуацию, правильно действовать, проявлять креативность в решении жизненно важных задач, способность защитить себя, близких, друзей, доверять друг другу — все это является альтернативой тревожному или панически эмоциональному состоянию.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, ковидофобия, изоляция, самоизоляция, карантин, здоровье, психологическая помощь, посттравматический синдром

Для цитирования: Абдуллин А. Г., Тумбасова Е. Р., Кукар У. Ю. Психологические последствия пандемии COVID-19 // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 58–64. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-58-64>

Scientific and Practical Article

UDC 159 © A. G. Abdullin, E. R. Tumbasova, U. Yu. Kukar, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-58-64

5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology; 5.3.6. Medical Psychology

Psychological Consequences of COVID-19 Pandemics

Asat G. Abdullin¹, Doctor of Science in Psychology, Professor, senior researcher of the chair of Psychology of Management and Service; asatabdullin50@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0804-6148>

Ekaterina R. Tumbasova², Candidate of Science in Psychology, Associate-Professor at the chair of Psychology; kate6979@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8761-7550>

Uliana Yu. Kukar³, Candidate of Science in Pedagogy, head; kukar@yandex.ru

¹ South Ural State University (National Research University), 76 Lenin st., Chelyabinsk, 454080, Russia

² Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38 Lenin st., Magnitogorsk, 455000, Russia

³ Secondary School No. 59 named after I. Kh. Romazan, 19/1 Truda st., Magnitogorsk, 455021, Russia

Abstract

Introduction. COVID-19 pandemics has become a tremendous shock for the whole world, and, along with danger for life and health, has put everyone in rather difficult psychological conditions. Although there is an immense range of theoretical and empirical studies, the origin of the pandemics remains a mystery. The conclusions presented about the nature of COVID-19 by some researchers are not comprehensive and final. Therefore, scientists have yet to determine the nature and impact of the pandemics on humans. The purpose of the current research is analysis and synthesis of studies devoted to psychological consequences of COVID-19 pandemics, post-COVID situation and psychological support of people in a post-traumatic situation. **Materials, Results and Discussion.** The authors employ system and interdisciplinary approaches to the problem under consideration. With the instantaneous spread of COVID-19 across the world, employment and usual social ties were disrupted. The pandemics provoked intra-family and interpersonal conflicts, the increase of depressions, anxiety and panic states, alcoholism and drug-addiction. The regime of self-isolation

has significantly influenced our usual routine life, and revealed psychological instability and post-traumatic stress in the majority of the country's population. **Conclusions.** COVID-19 experience showed that the ability to be constantly in good mood, appropriately estimate the situation and adequately act, be creative in solving life tasks, protect ourselves, our relatives and friends, respect and trust each other is an alternative to anxiety and panic emotional state.

Keywords: COVID-19, pandemics, coronaphobia, isolation, self-isolation, quarantine, health, psychological support, post-traumatic syndrome

Citation: Abdullin A. G., Tumbasova E. R., Kukar U. Yu. Psychological Consequences of COVID-19 Pandemics. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 58–64 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-58-64>

Основные положения

1. Пандемия COVID-19 стала огромным потрясением и испытанием в планетарном масштабе. В любой точке Земли человек дополнительно получил мощное возмущение в виде угрозы жизни.

2. Одной из основных функций психологической помощи после пандемии является работа с иррациональными убеждениями людей, помощь человеку в организации своего поведения и мышления, которая способствует адекватному взаимодействию с реальностью.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Разразившаяся пандемия COVID-19 породила ряд факторов, отразившихся на психическом и психологическом состоянии людей, что активно обсуждалось во всем мире. Этот вопрос волнует до сих пор широкую общественность, психологов, медиков и представителей разных отраслей науки. Пандемия, ее последствия, к большому сожалению, на сегодняшний день являются жизненной реальностью, имеют сложный характер, поэтому необходимо избегать информационного перенасыщения, чтобы не заражаться чужой паникой. Следует всегда контролировать качество поступающей информации. Переизбыток информационного вируса способствует эскалации тревоги и ухудшению общего состояния. В связи с этим человек постоянно находится в условиях информационной агрессии, потому нужно исключать информацию из любых непроверенных, фейковых источников, особенно если она выводит людей из равновесия; необходимо опираться только на факты и собственную позицию. Одним словом, должна быть информационная гигиена. Нужно до минимума сокращать любые беседы, особенно по мобильному телефону, вызывающие тревогу или панику. Очень важно, что человек думает, читает, слушает, смотрит. К сожалению, сегодня наблюдается повышенное внимание к данной проблеме людей, не имеющих специальных знаний, не располагающих нужными ориентирами.

Человеческий мозг, по исследованиям нейробиологов, «заряжен» на негатив. Привычку мозга генери-

ровать плохие мысли нейробиологи называют «негативной предвзятостью». Как правило, человек, когда попадает в сложную ситуацию, думает только о плохом, забывая про все хорошее. Человеческой психике свойственно в тяжелые периоды жизни усиливать, преувеличивать конкретные обстоятельства. Так как происходит выброс гормонов стресса, человек теряет способность увидеть позитивную картину мира, трезво оценить реальную ситуацию. Мы начинаем использовать слова: «все плохо», «кошмар», «ужас», «это катастрофа», «непонятно, что происходит». В психологии этот феномен называется катастрофизацией. Неопределенность заставляет людей переживать, а во время пандемии ее было больше, чем обычно. Противоречивая информация, неизученность вируса, сужение перспектив — все это еще больше усиливает неопределенность. У населения нашей страны появилось недоверие СМИ, власти, это усугубило страх и неопределенность будущего. Люди стали ощущать угрозу своему благополучию, а испытывая стресс в ситуации неопределенности, каждый требует неких гарантий нормальности. Эти требования, однако, порой неадекватны ситуации. Когда не удастся принять ограничения в жизни, начинается «мысленная жвачка» (руминация). Навязчивые мысли усиливают тревогу, изматывают людей, появляется ковидофобия, а дополнительно к ней присоединяются опустошенность и депрессия. Происходит изменение поведения человека, влияющее на состояние организма, так как человек не успевает адаптироваться к внешней среде, которая трансформируется быстро.

Цель — проведение комплексного анализа и синтеза многочисленных исследований психологических последствий пандемии COVID-19, постковидной ситуации и поиск средств психологической помощи людям, оказавшимся в посттравматической ситуации.

Материалы, результаты и обсуждение

Травматический стресс в ситуации неопределенности, пандемии и социальной изоляции. Пандемия, по определению научного сотрудника лаборатории психологии стресса Института психологии РАН Марии Пандум, представляет угрозу всем потребностям, что превращает ее в глобальный трав-

матический стрессор, усиливающийся в ситуации неопределенности¹.

На предпринимаемые властями действия по установлению карантина люди по-разному реагировали: одни отвечали на него повышением агрессии, другие впадали в состояние депрессии или становились более тревожными. Человек — существо социальное, поэтому самые тяжелые психологические последствия пандемии были связаны с социальной изоляцией.

В марте 2020 г. был опубликован метаанализ в журнале *Lancet*, где Нил Гринберг, один из авторов, психиатр из Королевского колледжа Лондона, рассматривает влияние на психику людей длительного карантина во время атипичной пневмонии, вспышки гриппа H1N1, лихорадки Эбола и других недавних инфекционных заболеваний, отмечая такие краткосрочные и долгосрочные проблемы с психическим здоровьем, как рост тревоги, бессонница, эмоциональное истощение, злоупотребление алкоголем и наркотиками. Ученые указывают, что наиболее пагубно карантин влияет на людей с психическими расстройствами и работников здравоохранения².

Необходимо минимизировать потенциальные негативные эффекты, последствия которых могут проявиться длительное время спустя. Для этого нужны понятная и достоверная информация о карантине с объяснением причин, прогноза его продолжительности и акцентирование внимания на альтруистических задачах карантинных мероприятий, активизации населения на обеспечение безопасности близких и незащищенных слоев населения, что способствует снижению уровня стресса.

По мнению Стивена Тейлора, канадского психолога, профессора, автора книги «Психология пандемий», вышедшей в 2019 г., эти явления связаны с тем, что при наличии многочисленных работ по вакцинации и вирусологии ученые уделяют недостаточное внимание психологическим факторам, под влиянием которых многие люди не соблюдают рекомендации медиков, у большой группы населения фиксируются депрессивные состояния и другие эмоциональные расстройства. Кроме того, возникают также явления стигматизации и ксенофобии, усугубляющие решение проблемы борьбы с эпидемией [1; 2].

Нейропсихолог, психиатр Жадсон Брюер подробно описал механизм панического состояния под влиянием острого стресса. Участки мозга, отвечающие за эмоции, например миндалевидное тело, могут быть частично заблокированы под влиянием действий префронтальной коры, отвечающей за выработку интеллектуальных сложных решений [3].

Профилактическая психогигиена тревожных психических состояний населения. Если негатив-

ные эмоции побуждают действия «стой, бей и беги», то переключение внимания на мыслительную деятельность по прогнозированию событий и планированию действий помогает снять состояние тревоги. Но для этого у человека должна быть полная информация для анализа и принятия рационального выбора. Николас Карлтон, Даниэль Канеман и Амос Тверски настаивают на необходимости преодоления ситуации неопределенности. Полезен опыт таких специалистов в области космической медицины, как Дж. Э. Бойд, Н. А. Канас, В. П. Сальницкий, J. Stuster, которые дали рекомендации по выработке решений в условиях неопределенности и стресса [4–6].

С нейропсихологами полемирует Стивен Тейлор в другой работе «Психология духовного просветления». Анализируя эволюционный путь развития человеческого сознания, он приходит к выводу, что человечество должно наработать опыт коллективного решения проблем, преодолевая эгоистические интересы, разделяющие людей [2, с. 98]. Далее автор, опираясь на опыт духовных практик представителей разных религиозных конфессий, на достижения разных культур, на индивидуальные истории самых разных по уровню образования, роду деятельности людей, помог выработать путь «просветления» — вхождения в более высокие состояния сознания под воздействием глубинных переживаний и потрясений. Цивилизация, погоня за комфортом, властью, преуспеванием и социальные контрасты обусловлены тем, что люди утратили естественное состояние гармонии, охваченные чувствами разлада, нарастающей тревоги и вражды. Негативные ощущения перед лицом угроз порождают не только технологические катастрофы, экономические и психологические явления упадка, но, по мнению ученого, и обостряют интеллектуальную остроту, которая может привести к технологическому прорыву, к более рациональному и гармоничному восприятию мира как отдельных индивидов, так и человечества в целом. Смена деятельности, гедонистических настроений, поиск самореализации с помощью нового хобби, отстранение от суеты мысли и излишнего абстрагирования, обретение разума и радости жизни во всех ее проявлениях — вот рецепты выхода из кризисных состояний Стивена Тейлора [1; 2].

Американский ученый Дэвид Сэвидж, сравнивая описание паники в фильмах о катастрофах и реальность, тоже отмечал, что большинство людей справляется с опасностью, сохраняя самообладание и руководствуясь правилами морали. Но они порой поддаются эмоциональному заражению, совершая непонятные на первый взгляд действия, например, скупая вместе с необходимыми продуктами туалетную бумагу в неимоверных количествах. Эпоха интернета позволяет

¹ URL: https://www.gazeta.ru/science/2020/03/30_a_13028119.shtm (дата обращения: 11.08.2022).

² Там же.

распространить эти реакции людей на территории многих стран.

Привыкшие к тому, чтобы обезопасить себя перед лицом землетрясений и других угроз стихии, жители Японии, Новой Зеландии в период пандемии ведут себя более осознанно и рационально. Ученые Д. Сэвидж и Торглер объясняют это тем, что у жителей данных стран выработано умение преодолевать стресс и планировать коллективные действия, просчитывая возможные риски. «Стадные инстинкты», присущие животным, характерны для меньшей группы населения. Ж. Брюер, ссылаясь на исследования, доказывает, что выработка навыков гигиенических действий по профилактике заражения вирусами снижает стрессы даже у тревожных людей [3]. Российские ученые В. Г. Волович и О. Н. Кузнецов тоже внесли вклад в изучение психологии человека в экстремальных условиях и описывают позитивные паттерны поведения, помогающие выжить в агрессивной среде [7; 8].

Полезны универсальные действия по урегулированию психического состояния населения в целом и адресная помощь определенным категориям людей.

Так, к универсальным относятся рекомендации Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ) и Международного Красного Креста по препятствованию попыткам определенных корпораций и торговых фирм по нагнетанию панических настроений, чтобы воспользоваться ситуацией для предложения на рынке товаров и услуг выгодных им «рецептов от вирусной инфекции» и выживания в условиях пандемии. Красный Крест и ВОЗ выпустили инструкции по обучению граждан правильным действиям и профилактике национальной вражды, указав на недопустимость использования пугающих мифов и сравнений пандемии с апокалипсисом. В домашней изоляции люди чаще всего включают телевизор и интернет, где немало токсичной информации, нагнетающей негативные состояния.

Социальное заражение, усиление финансового страха приводят к массовой панике и повышению агрессии, пишет доцент кафедры психиатрии Института молекулярной и поведенческой неврологии Мичиганского университета Яцек Дебец. Исследования Калифорнийского университета показали цепочку «эмоционального заражения» с помощью социальных сетей, которое нельзя предотвратить, но можно минимизировать его негативные воздействия. Яцек Дебец предлагает организовывать в СМИ и социальных сетях выступления авторитетных лидеров, которые могут грамотно знакомить с информацией и мобилизовать население на конструктивные действия. Информация должна быть представлена с четкими пошаговыми инструкциями, советует Я. Дебец: в стрессовом состоянии сложно усваивать детали и нюансы [4].

В. И. Медведев, технический специалист ВОЗ, считает полезным делать перерывы в прослушивании или чтении новостей, в том числе и в социальных сетях, вставлять звуко- и видеоряды, помогающие формированию спокойствия. Гиподинамия приводит к ослаблению нервной и иммунной систем в условиях домашнего карантина, поэтому коллективная бодрящая гимнастика по радио или телевидению ослабит психологическое напряжение и будет иметь мощный оздоровительный эффект [9].

Пожилым, тревожным людям, как наиболее уязвимой в ситуации риска группе людей, американские ученые из Национальной академии наук рекомендуют снизить количество просматриваемых новостных программ и чтение соответствующей литературы. В повести «Собачье сердце» Михаила Булгакова профессор Преображенский нашел панацею от язвы желудка, предлагая запретить больным читать советскую прессу. У многих людей старшего возраста ослаблены социальные связи, нередки случаи ощущения тоски и одиночества. «Между нами и так существует большая социальная дистанция», — напоминает психолог М. D. Matthews [10]. Прежде всего это характерно для западного менталитета с такими особенностями, как индивидуализм и прагматизм, желание обезопасить себя ценой борьбы за выживание с окружающими. Канадский геронтолог Верена Менек и нейробиолог Джеймс Коан предлагают медикам даже в защитных костюмах с помощью тактильных контактов снимать стресс, боль, болезненные ощущения у пожилых людей, так как в больницах во время карантина посещения друзей и родственников запрещены. Беседы по телефону и интернету не могут заменить подбадривающих живых человеческих контактов, теплоты лечения не только лекарствами, но и словами. Ученые предлагают включать эти действия в инструкции по оказанию медицинской помощи. Такие моменты необходимо учитывать в протоколах лечения. Даниэл Амен предлагает в книге «Измени свой мозг — изменится и жизнь!» подвергать дезинфекции мысли и образ жизни подобно тому, как дезинфицируется внешняя среда, чтобы сохранить в здоровом теле здоровый дух. Он предлагает заботиться о здоровье мозга, чтобы предотвратить депрессии и старческие неврологические болезни, психические заболевания. Здоровое питание и физическая активность, снижение массы тела помогают сохранить в порядке не только печень и сердце, но и мозг. Отказ от вина и никотина, полноценный сон оздоравливают психосоматику [11].

Ученые прогнозировали, что затянувшаяся социальная изоляция может привести к росту тревожности и панических атак среди населения. Безработица, экономический спад и продовольственный кризис усугубили негативные состояния людей. К сожалению, политики прогнозировали возможность дальнейших

массовых беспорядков в странах СНГ и других регионах планеты. На сегодняшний день в некоторых странах до сих пор продолжается масочный режим и рекомендуется организационная перестройка работы предприятий и заведений, чтобы не допустить повторного распространения инфекции. В кризисных ситуациях, а пандемия, как показал опыт, таковой и является, следует широко использовать опыт работы центров катастроф, адаптировать его для работы психологов по налаживанию межличностных контактов, урегулированию семейных отношений. Онлайн-консультации специалистов данных центров для руководителей регионов, предприятий, граждан могут способствовать тому, чтобы пограничные состояния людей не перерастали в психические расстройства и не порождали трагедии в обществе и отдельных семьях.

Наряду с этим, полезен ряд правил психогигиены по снижению тревожных состояний с помощью работы на дачных участках, общения с миром природы, наконец, можно заняться детьми, восполнить тот дефицит общения, который был допущен, тщательно структурировать свой день, позитивно перепрограммировать себя, сосредоточиться на позитиве: что я могу сделать через полгода? Не надо забывать, что длинный путь начинается с первого шага. Необходимо соблюдение оптимального для каждого человека режима дня и занятий, чтобы размеренный и продуманный образ жизни помогал сохранять энергетический баланс и психологический комфорт.

Во многих местах Сибири о пандемии жители только слышали. Исследователи научно доказали этот факт и связывают его с защитной реакцией хвойных деревьев, повышающих иммунную защиту организма, и привычкой к труду и выживанию, организацией размеренного быта, устойчивости психики к стрессу.

Наш опыт работы во время пандемии доказывает, что оптимизму способствует накопление положительных эмоций с помощью видео, создания фонотеки, увлечения фотографированием, ведения особых дневников. Маленькие семейные праздники с непременно объятиями с детьми и близкими, танцы и пение, музицирование способствуют образованию нейронных связей, позитивно влияют на память, внимание, мышление, активизируют интеллектуальную деятельность.

Доктор Хасай Алиев наряду с физической активностью предлагает выполнять по методу «Ключ» специальные упражнения, снимающие стресс, укрепляющие иммунитет и стимулирующие продуктивную работу легких, которые можно легко найти в интернете. Можно повысить и свою психологическую культуру, прочитав специальную литературу или просмотрев видеofilмы. Для избегания семейных ссор желательно овладеть мастерством бесконфликтного общения, искусством компромиссов. Но и уходить

от острых проблем не лучший способ урегулирования отношений. Психологи рекомендуют отложить обсуждение сложных вопросов на некоторое время, а потом спокойно побеседовать, рассмотреть спорные моменты и о чем-либо договориться.

Вспомним А. С. Пушкина и Е. А. Баратынского, А. И. Герцена и Ф. М. Достоевского и других деятелей русской литературы, которые оставили воспоминания в своих дневниках и письмах, как переживали замкнутость в пространстве в периоды эпидемий, ссылок и заточений. Их объединяет то, что они вначале доверили бумаге противоречивость и сложную гамму обаявших их чувств, переживаний и разочарований, а затем усилием воли загружали себя работой, творчеством, опускаясь на дно страшных открытий оборотной стороны жизни и достигая необычайной высоты духовных исканий. В дни сомнений И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого спасало обращение к русскому слову, к постижению национального характера, к поиску духовных скреп, помогающих выстоять России в самые суровые времена. Поэтому чтение произведений классиков — отличное занятие для преодоления скуки и депрессии в ситуации изоляции, стимул для духовного роста читающих и обретения ими душевного равновесия.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить работе медперсонала, оказавшегося фактически заложником ситуации в условиях чудовищных перегрузок. Медики каждый день принимали важные решения, от которых зависели жизнь и здоровье многих людей. Наряду с механизмами финансовой поддержки, им самим необходима была психологическая помощь, подобно той, которая оказывалась при подготовке космонавтов к полету или во время изоляции в космическом пространстве. Космической психологией разработаны определенные приемы и техники, направленные на превращение дистресса в стимуляцию развития человека, активизирующую способности принимать нестандартные решения в ситуациях неопределенности [12]. Если психологической помощи медицинскому персоналу не оказывать, то, по исследованиям В. И. Мясникова [13], любое негативное психологическое воздействие пагубно скажется на физиологии, психосоматике. Может произойти полный дисбаланс организма. Полезен опыт использования позитивной психологии для поддержки психологически комфортного состояния людей в период изоляции, который предлагают Sin N. L., Lyubomirsky S. [14; 15]. Такие упражнения можно применять самостоятельно без участия психолога. Воспоминания о счастливых моментах жизни, составление альбомов рисунков и фото с акцентированием внимания на позитивных моментах повседневной жизни, на ощущении благодарности по отношению к ним помогут пережить тяжелые события в экстремальных условиях.

Анна Юсупова, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и когнитивной психологии Института медико-биологических проблем РАН, изучающая самоизоляция с точки зрения психологии, обращает внимание на то, что однообразие жизнедеятельности и постоянного круга общения порождает стресс.

Американские ученые доказали, что благодаря нейропластичности мозг можно настроить на позитив. Воспоминания о переживаниях счастья оздоравливают психику [16]. Так, курсы Барбары Фредриксон стали действенным лекарством, помогающим избавиться от многих болезней. Негативные эмоции можно трансформировать для преодоления травматического опыта [17].

Уже сейчас можно говорить о последствиях коронавируса. Затронули они не только людей, переживших смерть и болезнь близких, но и тех, кто заболел сам. Первые симптомы в виде расстройства сна, депрессивного состояния до сих пор сказываются на всех группах населения. Кроме пандемии, сопровождающейся до сих пор множеством посттравматических состояний, существуют другие факторы, влияющие на психическое здоровье: экономическая неопределенность, массовая безработица и сегодняшняя политическая ситуация.

Существуют элементарные рекомендации по самопомощи в сложные периоды жизни человека. Главное — рационально организовать себя, свою деятельность, выработать необходимые умения и навыки в любой ситуации, довести их до автоматизма, сосредоточить свое сознание на выполнении сложных действий, блокируя панические настроения и нерациональное поведение.

Поэтому важно в сложные периоды жизни заботиться о психоэмоциональном состоянии, направлять внимание только на позитив, давать мозгу положительную программу, верить в лучшие изменения. Например: «пока сложно, но я справлюсь», «неопределенно, но все будет хорошо», «я обязательно справлюсь с данной ситуацией», «я успешен», «я любим». Это будет дополнительным стимулом для ослабленной психики.

Любая негативная мысль одолевает нас только потому, что мы позволяем ей прийти. Так как каждый кризис приводит к изменению привычного стиля мышления, поддерживать себя важно и словами, и делом. Позитивные мысли расширяют возможности, позволяют приобретать новые навыки и ресурсы, новые идеи, новые грани ценностей и ценностных ориентаций. Для этого необходимо формировать сознательное психологическое противодействие угрозе заражения и заболевания, ежедневно и еженедельно разрабатывать и обновлять планы укрепления своего иммунитета и здоровья [18].

Следует также стремиться к рациональной самотерапии (оздоравливающей) перестройке сознания,

превращению минусов и неудобств постпандемии в плюсы прогресса жизни и укрепления здоровья. Необходимо включать внутренние механизмы психологической защиты, в том числе иммунную систему организма, выяснить причины возникновения панических настроений, противостоять их появлению сознательной активностью, обязательно использовать только проверенную научную информацию.

В условиях усиленного информационного и психического напряжения в обществе в целях гармонизации психологического, психического и физического здоровья следует использовать научные, культурные и религиозные средства самовнушения и самоубеждения, верить в то, что эпидемия или другая трудная жизненная ситуация всегда имеет конец. Для этого надо действовать активно, обращаться к существующему опыту, а верующим — к молитве и Богу.

Пребывая в зоне посттравматической ситуации, необходимо уделять особое внимание пожилым людям как наиболее уязвимой категории населения, поскольку с возрастом ослабляется иммунитет, появляется ряд хронических заболеваний. Кроме телевидения, такие люди имеют весьма ограниченный доступ к информации, у них происходит чаще сужение дальнейших перспектив и «бегство в болезнь». Но одновременно с этим появляются мудрость, уникальный жизненный опыт, способность к преодолению кризисных ситуаций, а некоторые из них в детстве уже столкнулись с пандемией. Поэтому пожилые люди должны получать особую психоэмоциональную помощь и при этом выступать мудрыми экспертами по вопросам преодоления трудностей, связанных с посттравматической ситуацией. Это повысит шансы на спасение всей человеческой популяции.

Стресс является одним из факторов снижения уровня иммунной системы, психического и физического здоровья вообще, поэтому важной составляющей выхода из стрессовой ситуации служит физическая активность. Она влияет, прежде всего, на иммунную систему, способствует борьбе со стрессом, с депрессией и тревогой, улучшает работу мозга, помогает выработать эндорфины.

В условиях постпандемии, как показал опыт работы, хорошо зарекомендовали целительные настрои самовнушения академика Г. М. Сытина и дыхательная гимнастика А. Н. Стрельниковой, оздоравливающие системы дыхания, укрепляющие иммунную систему и здоровье в целом. Так как объектом негативного воздействия со стороны коронавирусной инфекции является, прежде всего, легочная и иммунная системы человека, а целительные настрои и дыхательная гимнастика улучшают работу всех центров в коре головного мозга, благодаря им происходят саморегуляция обменных процессов в организме, массаж всех органов брюшной полости, улучшаются кровотоки и лимфоток.

Ключевую роль в посттравматической ситуации играет и питание. В рационе должно быть много продуктов, богатых жирными кислотами, так как они составляют строительный материал для иммунных клеток (Омега 3, льняное, конопляное, кунжутное и другие растительные масла). Следует употреблять продукты, богатые витаминами и микроэлементами, овощи, фрукты, белковую пищу. Необходимо соблюдать питьевой режим.

Сейчас действительно период сложный, потому что высока неопределенность. Как говорится, «блажен, умеющий найти хорошее в плохом!» В сложные периоды мы, как никогда, должны быть опорой и поддержкой друг для друга. Главное — надо понимать, что от нас самих многое зависит в жизни. Поэтому больше стараться шутить, не терять чувство юмора, который позволит избавиться от эмоционального напряжения. Смотреть добрые, смешные фильмы, читать интересные книги. Чтение должно быть любимым времяпрепровождением. Это лучший способ отвлечь себя от ненужных мыслей. Важно использовать возможность для саморазвития, чтобы построить для себя что-то новое, освободиться от ненужного.

Таким образом, вышеописанные комплексы профилактических и психогигиенических мероприятий помогут сохранить и укрепить психическое здоровье

людей разного возраста и социального положения в условиях посттравматического стресса.

Выводы

Многие зарубежные исследователи считают, что посттравматическое стрессовое расстройство может иметь серьезные последствия еще многие годы. Однако качество доказательств в доступной литературе является низким, содержит многочисленные наблюдения и предложения, в основном специалистов, работающих в области психиатрии.

К сожалению, в обществе осмысленной и однозначной реакции на последствия пандемии пока нет, хотя определенный страх и социальный шок остаются до сих пор. Поэтому одной из основных функций психологической помощи после пандемии является работа с иррациональными убеждениями людей, помощь в организации человеком своего поведения и мышления, которое способствует адекватному взаимодействию с реальностью.

Перспективы. Исследование проблем пандемии должно быть продолжено, учитывая появление новых сведений о ее природе. Необходимы дальнейшие предварительные или экспериментальные психологические исследования для оценки масштабов воздействия COVID-19 на психическое и психологическое здоровье таких уязвимых групп населения, как пожилые люди, дети младшего возраста и подростки.

Список источников

1. Taylor S. The Psychology of Pandemics. Cambridge Scholars Publishing, Ottawa. 2019. 178 p.
2. Taylor S. The Psychology of Spiritual Awakening Copyright. Cambridge Scholars Publishing, Ottawa. 2017. 72 p.
3. Брюер Ж. Зависимый мозг. От курения до соцсетей: почему мы заводим вредные привычки и как от них избавиться. URL: <https://www.labirint.ru/books/621655/> (дата обращения: 15.08.2022).
4. Дебец Я. Пандемия страха: почему люди впадают в панику. Мичиган, 2020. 195 с.
5. Boyd J. E., Kanas N. A., Salnitskiy V. P. Cultural differences in crewmembers and mission control personnel during two space station programs. *Aviation, Space, and Environmental Medicine*. 2009. No. 80(6). Pp. 1–9.
6. Stuster J. (2016). Behavioral issues associated with long duration space expeditions: Review and analysis of astronaut journals experiment Phase 2 (NASA/TM-2016-218603). Retrieved from. https://ston.jsc.nasa.gov/collections/TRS/_techrep/TM-2016-218603.pdf (дата обращения: 11.08.2022).
7. Волович В. Г. Человек в экстремальных условиях природной среды. М., 1983. 220 с.
8. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества. М., 1972. 336 с.
9. Медведев В. И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов. М., 1982. 104 с.
10. Matthews M. D., Eid D., Kelly J. Э., Bailey K. S., Peterson C. Character strengths and virtues of developing military leaders: An international comparison. *Military Psychology*. 2006. No. 18. Pp. 57–68.
11. Амен Д. Великолепный мозг в любом возрасте. М., 2011. 147 с.
12. Береговой Г. Т. Роль человеческого фактора в космических полетах // Психологические проблемы космических полетов. М., 1982. С. 17–24.
13. Мясников В. И., Казаренко О. П. Профилактика психоэмоциональных нарушений в длительном космическом полете средствами психологической поддержки // Космическая биология и авиакосмическая медицина. 1982. № 2. С. 25–29.
14. Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: Does happiness lead to success? *Psychological Bulletin*. 2005. Vol. 131(6). Pp. 803–855.
15. Sin N. L., Lyubomirsky S. Enhancing well-being and alleviating depressive symptoms with positive psychology interventions: A practice-friendly meta-analysis. *Journal of Clinical Psychology*. 2009. Vol. 65. Pp. 467–487.
16. Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000. 97 с.
17. Fredrichson B. The Upside of Your Dark Side. Hardcover, 2020. 236 p.
18. Абдуллин А. Г. Адаптация и жизнедеятельность человека в измененных условиях существования. Минск, 2000. 180 с.

Поступила 26.09.2022; одобрена после рецензирования 12.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Общая педагогика. Теория и методика профессионального образования

General Pedagogy. Theory and methods of professional education

Научно-практическая статья

УДК 37.011.33 + 37.036 © Н. В. Ходякова, Л. Л. Грищенко, Е. Н. Гордеева, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-65-72

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

Педагогические проблемы развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел и возможные варианты их решения

Наталья Владимировна Ходякова¹, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами; hodyakova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>

Леонид Леонидович Грищенко¹, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях; vvg_59@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1389-1928>

Екатерина Николаевна Гордеева², кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии; ekategor@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4442-1459>

¹ Академия управления МВД России, 125130, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, Россия

² Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, 143100, Московская область, Рузский район, пос. Старотеряево, Россия

Реферат

Введение. Эстетическая культура сотрудников органов внутренних дел является одним из важнейших направлений воспитательной работы, осуществляемой педагогическими субъектами ведомства. Цель — выявление и систематизация педагогических проблем развития эстетической культуры сотрудников и определение возможных путей их решения. **Материалы и методы.** Научно-педагогические источники, понятия эстетической культуры личности, теоретические основания ее развития, в том числе эстетического воспитания сотрудников органов внутренних дел. Применялись методики М. Рокича «Ценностные ориентации личности», В. В. Бойко «Уровень эмпатии», авторская анкета определения покомпонентного уровня развития эстетической культуры. Выборка включала 1396 сотрудников ОВД, из них 325 женщин и 1071 мужчину. **Результаты и обсуждение.** Ценностные ориентации на эстетическое восприятие красоты природы и искусства, на творческую деятельность наряду с эмпатией оказались минимально значимыми для сотрудников. Уровень эмпатии у большинства сотрудников (81%) относится к категории «ниже среднего». Более половины опрошенных продемонстрировали недостаточный уровень развития эстетической культуры, что свидетельствует о необходимости специальной работы с сотрудниками по развитию эмпатии. **Выводы.** Результаты актуализируют необходимость усиления внимания к эстетическому образованию сотрудников в рамках организации занятий по программе развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел и реализации ситуационной методики воспитательной работы.

Ключевые слова: эстетическая культура, эстетическое образование, эмпатия, ценностные ориентации, воспитательная работа

Для цитирования: Ходякова Н. В., Грищенко Л. Л., Гордеева Е. Н. Педагогические проблемы развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел и возможные варианты их решения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 65–72. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-65-72>

Scientific and Practical Article

UDC 37.011.33 + 37.036 © N. V. Khodyakova, L. L. Grishchenko, E. N. Gordeeva, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-65-72

5.8.1. General Pedagogy, History of Pedagogy and Education

Pedagogical Problems related to Development of Law Enforcement Officers' Aesthetic Culture and their Possible Solutions

Natalia V. Khodyakova¹, Doctor of Science in Pedagogy, Associate-Professor, Professor at the chair of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel; hodyakova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>

Leonid L. Grishchenko¹, Doctor of Science in Law, Professor, Professor at the chair of Management in Law Enforcement Agencies under special conditions; vvg_59@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1389-1928>

Ekaterina N. Gordeeva², Candidate of Science in Pedagogy, lecturer at the chair of Criminal Law and Criminology; ekategor@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4442-1459>

¹ Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 8 Z. and A. Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125130, Russia

² Moscow Region branch of V.Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Staroteryaev, Ruza district, Moscow region, 143100, Russia

Abstract

Introduction. The aesthetic culture of law enforcement officers is one of the most important areas of educational work carried out by the pedagogical subjects of the Ministry. The goal is to identify and systematize pedagogical problems in the development of the aesthetic culture of the officers and determine possible ways to solve them. **Materials and Methods.** Scientific pedagogical resources, concepts of aesthetic culture of personality, theoretical fundamentals for its development including law enforcement officers' aesthetic education. The authors employ M. Rokeach method of "Human Values", V.V. Boyko "Empathy Level", the authors' questionnaire of establishing component-specific level of aesthetic culture development. The sample included 1,396 law enforcement officers: 1,071 men and 325 female officers. **Results and Discussion.** Value orientations on aesthetic perception of beauty of nature and art, creative activity along with empathy proved to be the least significant for the officers. The level of empathy in most officers (81%) belongs to the category of "lower than average". More than half of the respondents showed insufficient level of development of aesthetic culture, which proves necessity of carrying out special work with the officers to enhance empathy. **Conclusions.** The results actualize the necessity of paying more attention to aesthetic education of officers at the lessons devoted to the development of law enforcement officers' aesthetic culture and implementation of situational methods of educational work.

Keywords: aesthetic culture, aesthetic education, empathy, values, educational work

Citation: Khodyakova N. V., Grishchenko L. L., Gordeeva E. N. Pedagogical Problems related to Development of Law Enforcement Officers' Aesthetic Culture and their Possible Solutions. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 65–72 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-65-72>

Основные положения

1. Эстетическую культуру сотрудника органов внутренних дел можно рассматривать как интегрированное в его общую и профессиональную культуру динамически изменяющееся в процессе специально организованного обучения и воспитания свойство личности, которое связано с ее эстетическим сознанием, эстетическими переживаниями и эстетической деятельностью.

2. Эстетическая культура личности включает совокупность взаимосвязанных компонентов: интеллектуального, аксиологического, мотивационного, эмоционально-перцептивного и практического. Системообразующим (ядерным) элементом эстетической культуры является эстетическая позиция личности, включающая в себя совокупность эстетических ценностно-смысловых отношений личности к окружающей действительности.

3. Педагогические проблемы развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел можно выявить в процессе диагностики уровня сформированности ее компонентов, которая осуществляется с использованием как имеющихся психолого-педагогических методик, так и посредством авторского диагностического инструментария.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Эстетическая культура сотрудников органов

внутренних дел является одной из важнейших целей воспитательной работы, осуществляемой педагогическими субъектами ведомства. Об этом свидетельствует тот факт, что эстетическое воспитание включено в состав пяти основных направлений воспитательной работы, организуемой в органах внутренних дел, наряду с патриотическим, профессиональным, правовым и нравственно-этическим воспитанием¹. Однако вопросы развития эстетической культуры сотрудников ОВД пока исследованы в педагогической науке недостаточно, в силу чего проблемы совершенствования культурно-эстетического воспитания личного состава органов внутренних дел, в том числе образовательных организаций МВД России, выступают приоритетной тематикой научного обеспечения работы с кадрами². **Цель** — с опорой на результаты теоретических исследований и эмпирических данных констатирующего эксперимента систематизировать и обобщить педагогические проблемы развития эстетической культуры сотрудников, а также определить возможные пути их решения.

Теоретические предпосылки и обзор исследований. Сущность эстетической культуры понимается по-разному. Так, эстетическая культура офицера, по мнению В. В. Романовой, состоит в эстетико-ценностном отношении к служебному долгу и выражается в его мышлении, поведении, общении и деятельности, а структура эстетической культуры включает слу-

¹ Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 апреля 2016 г. № 155. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жебный этикет, честь и достоинство [1]. Как совокупность эстетических знаний и представлений, идеалов и ценностных ориентаций, а также мировоззренческих принципов, проявляющихся в профессиональной деятельности и служебном поведении, моделирует эстетическую культуру военнослужащего М. Г. Иванов [2]. Н. В. Черникова определяет эстетическую культуру как интегративное свойство личности, предполагающее сформированность у нее эстетических знаний и убеждений, потребностей и интересов, ценностей, чувств и отношений, творческую самореализацию в различных видах деятельности [3]. С точки зрения Б. Т. Лихачева, эстетическая культура человека характеризует его эстетическое сознание и эстетические чувства и неотделима от общего развития личности, формирования у нее опыта духовности, самостоятельного мышления и творчества [4]. Об ограничении преобладающих трактовок эстетической культуры рамками художественной образованности писал В. А. Разумный, считавший, что в определении эстетической культуры на первом месте должны быть не культура и направленность эстетических переживаний, а «гораздо более глубокие сдвиги в облике личности» [5, с. 81].

Мы солидарны с теми исследователями, которые убеждены, что воспитание эстетической культуры человека необходимо рассматривать в контексте целостного процесса развития личности, так как индивидуальная культура — это социально и личностно значимый способ жизнедеятельности субъекта в окружающей его среде [6]. По мнению этих авторов, эстетическая культура взрослого представляет собой интегрированное в общую и профессиональную культуру динамически изменяющееся в процессе специально организованного обучения и воспитания свойство личности, которое синтезирует ее эстетическое сознание, эстетические переживания и эстетическую деятельность. Применительно к личности сотрудника органов внутренних дел его эстетическая культура включает совокупность взаимосвязанных компонентов:

— интеллектуального, означающего владение сотрудником эстетическими знаниями, способность к эстетической оценке явлений профессионально-служебной среды, сформированность эстетического вкуса и креативного мышления;

— аксиологического, предполагающего личностное принятие нравственных смыслов и эстетических ценностей, этику профессионально-служебных отношений;

— мотивационного, предусматривающего культурные потребности сотрудника, его стремление к эстетическому саморазвитию;

— эмоционально-перцептивного, означающего способность сотрудника к эстетическому восприятию явлений профессионально-служебной среды, сформированность культуры эмоций и чувств;

— практического, предполагающего эстетизацию профессионально-служебной среды, реализацию в профессионально-служебной деятельности и коммуникации эстетико-личностной позиции, эстетичный имидж сотрудника [7].

Системообразующим (ядерным) элементом эстетической культуры является эстетическая позиция личности, включающая в себя совокупность эстетических ценностно-смысловых отношений личности к окружающей действительности [8].

Обзор показал, что в настоящее время не уделяется особого внимания развитию и формированию аксиологического компонента эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел.

Материалы и методы

Проанализированы нормативные документы, специальная отечественная и зарубежная литература, где раскрываются понятия эстетической культуры личности, теоретические основания ее развития, в том числе эстетического воспитания сотрудников органов внутренних дел. Констатирующий эксперимент проведен в 2019–2020 гг., в нем приняли участие 1396 сотрудников (325 женщин и 1071 мужчина) из различных образовательных организаций и территориальных органов Российской Федерации (Академия управления МВД России, Волгоградская академия МВД России, Омская академия МВД России, Дальневосточный юридический институт МВД России, ГУ МВД России по г. Москве, ГУ ОБДД МВД России, ОВД Костромской, Новгородской, Тверской, Ярославской областей). В выборку вошли 404 руководителя подразделений органов внутренних дел и 942 сотрудника. В исследовании участвовали сотрудники подразделений обеспечения правопорядка в общественных местах (585 человек); оперативно-розыскных подразделений (232 человека); подразделений по расследованию уголовных дел (124 человека); подразделений по работе с личным составом (90 человек); преподаватели (44 человека); сотрудники служб полиции: дежурных частей, экспертно-криминалистической службы, служб исполнения административных наказаний, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений и др. (275 человек); внутренней службы в ОВД (46 человек).

Результаты и обсуждение

Диагностика ценностных ориентаций сотрудников. Для оценки ценностных отношений личности к красоте, творчеству, продуктивной коммуникации нами была использована методика М. Рокича «Ценностные ориентации личности», позволяющая определить ранговую значимость для сотрудника эстетических ценностей, его саморазвития, индивидуальной самореализации, взаимодействия с другими людьми. Рассчитанные нами математические ожидания рангов ценностей позволили установить, что ценностные

ориентации на эстетическое восприятие красоты природы и искусства, на творческую деятельность наряду с эмпатией оказались минимально значимыми для респондентов (табл. 1).

Таблица 1. Результаты диагностики ценностных ориентаций респондентов
(Table 1. Results of diagnostics of the respondents' value orientations)

Терминальные ценности	Ранг	Инструментальные ценности	Ранг
Активная деятельная жизнь	10	Аккуратность	9
Жизненная мудрость	11	Воля	6
Здоровье	1	Воспитанность	2
Интересная работа	8	Высокие запросы	18
Красота природы и искусства	18	Жизнерадостность	11
Любовь	3	Исполнительность	8
Материально обеспеченная жизнь	4	Независимость	5
Наличие верных и хороших друзей	6	Непримиримость к недостаткам	16
Общественное признание	13	Образованность	1
Познание	12	Ответственность	4
Продуктивная жизнь	14	Рационализм	14
Развитие	9	Самоконтроль	7
Развлечение	17	Смелость в отстаивании мнения	10
Свобода	7	Терпимость	13
Счастливая семейная жизнь	2	Честность	3
Счастье других	15	Чуткость	15
Творчество	16	Эмпатия	17
Уверенность в себе	5	Эффективность в делах	12

Максимальное значение для испытуемых имеют здоровье, семейное счастье, любовь, материальное благополучие, образованность и воспитанность. Полученные данные коррелируют с исследованиями ценностных ориентаций полицейских, проведенными зарубежными авторами (R. Roberg, S. Bonn [9]; C. Paterson, E. Craig [10]; R. W. Griffeth, T. P. Cafferty [11]; He N, Zhao J., Lovrich N. [12]).

Как видно из полученных данных, восприятие красоты не связывается респондентами с обучением и воспитанием, что свидетельствует об упущениях в содержании образования сотрудников и о необходимости включения эстетико-культурной тематики в тематические планы учебных дисциплин и морально-психологической подготовки, планы воспитательной работы с сотрудниками органов внутренних дел. Вариантом успешного решения выявленной проблемы может служить реализованная нами в ходе формирующего эксперимента программа морально-психологической подготовки, включающая 12 тем, посвященных:

- взаимосвязи духовной культуры личности и эстетики; анализу героического как эстетической категории, эстетики подвига сотрудника ОВД;
- роли изобразительного искусства в создании и пропаганде положительного имиджа сотрудников ОВД;

- истории зарождения и роли плакатной живописи в воспитательной работе с сотрудниками советской милиции;
- историческим образам сотрудников ОВД, созданным фотохудожниками;
- положительному имиджу сотрудника ОВД в отечественном кинематографе;
- образам сотрудников ОВД в отечественной мультипликации;
- женским образам сотрудников ОВД, созданными средствами различных искусств;
- культуре устной и письменной речи сотрудников ОВД;
- профессиональному общению и деловому этикету сотрудника;
- особенностям киберкоммуникации и виртуальному этикету сотрудников ОВД;
- коммуникативной толерантности сотрудника ОВД, межкультурной коммуникации как основе межкультурного диалога;
- имиджу сотрудника правоохранительных органов — анализу и сопоставлению медийного образа и реальности.

Оценка и формирование эмпатии как профессионально значимого качества личности сотрудника органов внутренних дел. Проведение занятий по дополнительной профессиональной программе «Культурология» со слушателями магистратуры, обучающимися по специальности 38.04.04 Государственное и муниципальное управление в Академии управления МВД России (43 человека), позволило нам уточнить, что сотрудники затрудняются определить понятие «эмпатия» и описать сферы ее проявления, в связи с чем для них была организована мини-лекция, после которой было предложено принять участие в диагностике уровня эмпатии с использованием методики В. В. Бойко. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2. Распределение респондентов по уровням эмпатии (методика В. В. Бойко)
(Table 2. Division of the respondents according to the levels of empathy (V. V. Boyko method))

Уровень эмпатии	Количество баллов	Количество респондентов	%
Низкий	менее 14	10	23,0
Ниже среднего	от 15 до 21	25	58,0
Средний	от 22 до 29	8	19,0
Высокий	более 30	0	0,0

Из приведенных данных следует, что наибольшая доля сотрудников (58,0%) отнесена к уровню эмпатии ниже среднего. Учитывая, что эмпатия является профессионально значимым качеством личности сотрудника органов внутренних дел как защитника прав и свобод граждан, полученные результаты свидетельствуют о необходимости специальной работы с сотрудниками по развитию эмпатии.

В качестве методики развития эмпатии специалистами (В. И. Долгова, Е. В. Мельник) предложен доказавший свою эффективность в подготовке студентов комплекс психолого-педагогических технологий, позволяющий накапливать опыт понимания состояний другого и его поддержки, сопереживания и сочувствия, оказания помощи [13]. В его состав вошли лекции, упражнения, тренинги, ролевые игры и дискуссии, позволяющие испытуемым приобрести необходимые психологические знания, пережить определенные эмоциональные состояния, сформировать эмпатийные отношения. Однако эмпатия может развиваться в ходе повседневной жизни и деятельности личности. В условиях генерирования сочувствующего отношения к другому человеку, находящемуся в трудной жизненной ситуации, или к переживанию им стрессового состояния личность проявляет свою готовность к эмпатии, сопереживанию. То же самое происходит и в ситуации большой радости или успеха за другого человека, когда коллеги разделяют позитивные эмоции и чувства с «виновником» счастливого события. Генерализация такого эмпатийного поведения превращает его в устойчивый паттерн, привычку личности быть чуткой и внимательной к эмоциям другого человека. И наоборот, создание в производственной среде условий, подкрепляющих равнодушное отношение к окружающим, культивирующих разобщенность сотрудников и минимизирующих их общение, способно существенно снизить уровень эмпатии личности каждого из них.

Как показано в нашем исследовании [14], руководители органов внутренних дел и их подразделений далеко не всегда демонстрируют высокий уровень эмпатийной коммуникации, ориентируясь в большинстве случаев на отстраненное, директивное, субъект-объектное общение с подчиненными.

К сожалению, представители управленческого корпуса органов внутренних дел часто не обращают

внимания на ситуационно-личностные проявления сотрудников (их эмоциональные реакции по поводу происходящего, психологическое состояние в связи с каким-либо событием, возможности и ограничения при выполнении профессионально-служебных функций), не пытаются установить доверительные межличностные отношения, считая это излишним или оценивая равноправное субъект-субъектное общение как свою слабость. Думается, что реализация личностно-ориентированного подхода педагогических субъектов к осуществлению ими воспитательной работы в органах внутренних дел, когда они включаются в ситуационный контекст и уделяют должное внимание сотрудникам, нуждающимся в психологической помощи и поддержке или испытывающим потребность в том, чтобы за них порадовались, а также ориентируют коллег, входящих в референтную группу этих сотрудников, на эмоциональное сопереживание, — самый правильный путь к развитию опыта эмпатии как значимого компонента эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел.

Разработка методик оценки эстетической культуры сотрудников. Необходимость оценки уровня эстетической культуры сотрудников в целом потребовала разработки нами комплексной анкеты «Эстетическая культура личности сотрудника ОВД», позволившей зафиксировать уровень исследуемого качества по всем предложенным критериям (интеллектуальный, мотивационный, аксиологический, эмоционально-перцептивный, практический), каждому из которых соответствовал свой блок вопросов (табл. 3–7). При этом каждый из четырех предлагаемых на выбор вариантов ответа относился к тому или иному уровню эстетической культуры (низкий, ниже среднего, средний, высокий).

Как следует из полученных данных, всего четверть опрошенных сотрудников ориентирована на повышение своего уровня эстетического обра-

Таблица 3. Результаты анкетирования по блоку вопросов «Аксиологический компонент»
(Table 3. Results of the survey according to the questionnaire “Axiological component”)

Вопросы	Варианты ответов	Количество респондентов	%
Какие Ваши любимые занятия в свободное время?	Прогулки за городом, выезды на природу	1059	75,9
	Чтение художественной литературы, посещение театров, музеев, выставок	169	12,1
	Встречи с творческими и яркими людьми	118	8,5
	Занятия творческой деятельностью	52	3,7
Как Вы понимаете эстетику повседневной жизни (быта)? Для Вас — это...	Роскошь интерьера	45	3,2
	Эргономично организованное пространство квартиры (дома, жилища)	660	47,3
	Современно оформленное пространство в соответствии с принципами дизайна	316	22,6
	Воспроизведение в жилом пространстве гармоничности с внутренним миром его хозяина	375	26,9
К какой категории Вы отнесете героический поступок, связанный с самопожертвованием?	Это случайное совпадение каких-либо событий, условий	124	8,9
	Это самопроизвольный выбор человека в экстремальной ситуации	345	24,7
	Это способность к принятию ответственного решения в экстремальной ситуации	693	49,6
	Это проявление нравственной позиции личности в ее нравственных поступках	234	16,8

Таблица 4. Результаты анкетирования по блоку вопросов «Мотивационный компонент»
(Table 4. Results of the survey according to the questionnaire “Motivation component”)

Вопрос	Варианты ответов	Количество респондентов	%
На какие темы чаще всего Вы общаетесь со своими знакомыми и друзьями?	Я общаюсь на те же темы, что и большинство других людей	524	37,5
	О современных модных тенденциях и технологических новинках в нашей жизни	277	19,8
	Обсуждаю собственные интересные впечатления по поводу прочитанного, увиденного, услышанного	543	38,9
	Обсуждаю посещения кино, театра, художественных выставок, прочитанную литературу, собственное творчество	52	3,7
Каких людей Вы предпочли бы для общения?	Тех друзей и знакомых, с кем мне наиболее комфортно	552	39,5
	Множество незнакомых и знакомых мне людей	265	19,0
	Личностей, которые служат для меня примером, идеалом в жизни	285	20,4
	Сторонников моих творческих интересов, единомышленников в творчестве	294	21,1
Если Вы заняты какой-либо деятельностью, на что Вы чаще всего ориентируетесь?	Стремлюсь выполнить работу по образцу других людей	134	9,6
	Стремлюсь действовать самостоятельно, при этом пробую различные варианты деятельности	548	39,3
	Стремлюсь находить в деятельности смыслы и цели, ориентироваться на имеющиеся лучшие примеры и образцы	466	33,4
	Стремлюсь к достижению в деятельности творческих, инновационных результатов	248	17,8

зования в часы досуга. В эстетическом оформлении окружающего пространства почти половина респондентов акцентирует внимание на практичности и функциональности. И примерно столько же сотрудников понимают героический поступок как осознанное и ответственное решение в условиях экстремальности. Высокий уровень сформированности аксиологического компонента характерен не более чем для 27% опрошенных.

Как видно из приведенной статистики, около 38–39% респондентов в общении предпочитают обсуждать повседневные темы либо обмениваться впечатлениями с людьми, с которыми наиболее комфортно себя чувствуют, а в деятельности ориентируются на свободный выбор ее вида. Высокий уровень развития эстетической мотивации продемонстрировали всего 21% опрошенных.

Полученные в ходе анкетирования результаты показали, что около трети опрошенных характеризуются средним уровнем эмоционально-чувственных переживаний в процессе эстетического восприятия. Высокий уровень характерен не более чем для 16% анкетированных.

Таблица 5. Результаты анкетирования по блоку вопросов «Эмоционально-перцептивный компонент»
(Table 5. Results of the survey according to the questionnaire “Emotional-perceptive component”)

Вопрос	Варианты ответов	Количество респондентов	%
Испытываете ли Вы сильные эмоции при просмотре спектакля, кинофильма, чтении книг, прослушивании музыки, созерцании живописных произведений?	Я воспринимаю художественную литературу, музыкальные произведения и образцы искусства так же, как и другие люди	358	25,6
	При восприятии произведений литературы и искусства я испытываю различные эмоции	441	31,6
	Я могу испытывать сильные положительные эмоции при просмотре спектакля, кинофильма, чтении книг, прослушивании музыки, созерцании произведений живописи	454	32,5
	Порой произведения искусства и художественной литературы вдохновляют меня на собственное творчество	143	10,2
Какие чувства чаще всего Вы переживаете, общаясь с природой?	Такие же, как и большинство других людей	325	23,3
	Для общения с природой я выбираю самые красивые места	404	28,9
	Я осознаю, что чувство единства с природой дает мне очень многое	439	31,5
	Я чувствую потребность заботиться о природе и часто делаю это	225	16,1

Анализ ответов на вопросы практического блока, связанные с имиджем сотрудника органов внутренних дел, показал преобладание респондентов со средним уровнем эстетического поведения. Для них характерно осознание негативного влияния отрицательных эмоциональных проявлений, вредных привычек, а также уважительное отношение к форменной одежде. В то же время высокий уровень саморегуляции и культуры поведения можно выявить не более чем у трети респондентов.

В части развития интеллектуального компонента эстетической культуры можно заметить сформированность на среднем уровне эстетического вкуса и ситуационный выбор произведений литературы и искусства опрошенными в диапазоне от 33 до 56%. Невозможность определения понятия «эстетическая культура» проявилась у 40% респондентов. Высокий уровень эстетического сознания и мышления продемонстрировали не более 24% сотрудников.

При обработке анкет количественные показатели были переведены в баллы. Низкому уровню соответствовал 1 балл, «ниже среднего» — 2 балла, среднему — 3 балла, высокому уровню — 4 балла. В дальнейшем

Таблица 6. Результаты анкетирования по блоку вопросов «Практический компонент»
(Table 6. Results of the survey according to the questionnaire “Practical component”)

Вопрос	Варианты ответов	Количество респондентов	%
Если Вы рассержены или разочарованы, каким образом Вы выражаете свои эмоции в этот момент?	Реагирую так же, как многие знакомые мне люди	114	8,2
	В различных ситуациях по-разному, это зависит от того, кто в данный момент находится рядом со мной	198	14,2
	Я осознаю, что негативные эмоциональные выплески разрушают коммуникацию, поэтому я стараюсь их избегать	623	44,6
	Заботясь о положительном имидже, я всегда контролирую свои эмоции, поведение и речь	461	33,0
Ваше отношение к курению?	По-разному, все зависит от ситуации	167	12,0
	Я размышляю об этом, но пока не сделал окончательного вывода	293	21,0
	Отношусь к курению как к вредной привычке	765	54,8
	Веду активную борьбу с курением	171	12,3
Как Вы относитесь к ношению сотрудниками форменной одежды	Это профессиональная необходимость, определяющая принадлежность к службе	342	24,5
	В зависимости от ситуации ношение формы становится обязательным или необязательным	242	17,3
	К форме сотрудника органов внутренних дел я отношусь уважительно	501	35,9
	Ношу форму с гордостью и удовольствием, а в случае если выданная форма не соответствует моему размеру, подгоняю ее по размеру, чтобы она смотрелась на мне эстетично	311	22,3

определялось математическое ожидание набранных баллов, значение которого позволяло отнести респондента к определенному уровню развития эстетической культуры (табл. 8).

Выводы. Анкетирование подтвердило результаты диагностики ценностно-смысловых ориентаций и эмпатии у испытуемых сотрудников ОВД. Большинство (82,4%) опрошенных имеют недостаточный уровень развития эстетической культуры. Опрос выявил педагогические проблемы развития эстетической культуры сотрудников ОВД, состоящие в необходимости:

- формирования ценностных ориентаций на эстетическое саморазвитие, творчество, нравственный выбор и гармонию внешнего и внутреннего в человеке (аксиологический компонент);
- актуализации мотивов общения с незаурядными людьми, чтения художественной литературы, приобщения к искусству и творческим занятиям (мотивационный компонент);
- развития опыта эмоционально-чувственного восприятия художественных произведений и красоты природы (эмоционально-перцептивный компонент);

Таблица 7. Результаты анкетирования по блоку вопросов «Интеллектуальный компонент»
(Table 7. Results of the survey according to the questionnaire “Intellect component”)

Вопрос	Варианты ответов	Количество респондентов	%
Каково Ваше мнение о роли литературы и искусства в жизни человека и общества?	Я бы обратился за мнением к специалистам в этой области	164	11,8
	Искусство и литература в зависимости от сферы жизнедеятельности человека играют для него различные роли	458	32,8
	Настоящее искусство определяет человеку цель в жизни и поведении	448	32,1
	Занятие искусством создает условия для личности раскрыть свои способности и проявить свой талант	326	23,4
Как Вы относитесь к музыке?	Я слушаю любую музыку, которую транслируют по радиоприемнику или телевидению	359	25,7
	Для прослушивания я выбираю только ту музыку, которая мне нравится	684	49,0
	Я слушаю не только популярные музыкальные произведения, но и заставляющие меня размышлять	295	21,1
	У меня есть желание заниматься или уже занимаюсь музыкальным творчеством	58	4,2
Каковы Ваши предпочтения в кинематографе?	Я смотрю все, что показывают по телевидению	252	18,1
	Я выбираю фильмы согласно своему внутреннему настроению	779	55,8
	Среди всех фильмов я отдаю предпочтение философским	205	14,7
	Мне нравятся фильмы с неопределенной концовкой, которая может быть домыслена зрителями	159	11,4
По Вашему мнению, «Эстетическая культура» — это...	Не знаю, что это такое. Не могу дать определение этому понятию	560	40,1
	Это понятие мне знакомо, но я затрудняюсь с ответом на этот вопрос	420	30,1
	Вероятно, я смогу дать определение	293	21,0
	Сформулировали определение	123	8,8

Таблица 8. Уровни развития эстетической культуры сотрудников
(Table 8. Levels of development of the officers' aesthetic culture)

Уровни	Низкий	Ниже среднего	Средний	Высокий
Кол-во чел.	222	929	228	17
%	15,9	66,5	16,4	1,2

— формирования позитивного имиджа, культуры внешнего вида, поведения и речи (практический компонент);

— развития системы эстетических знаний и креативного мышления (интеллектуальный компонент).

Сказанное актуализирует необходимость усиления внимания к эстетическому образованию как в рамках обучения сотрудников органов внутренних дел по специально разработанной программе [7] в ходе

занятий по профессиональной служебной подготовке и морально-психологической подготовке (интеллектуальный и практический компоненты), так и в плане личностной ориентации воспитательной работы с ними (аксиологический, мотивационный, эмоционально-перцептивный компоненты) на основе ситуационной методики воспитательной работы [15].

Перспективы. Дальнейшие перспективы исследования проблемы связаны с изучением особенностей развития эстетической культуры сотрудников ОВД на различных этапах их непрерывного образования и на разных уровнях образования; с подготовкой ведомственных педагогических кадров, обладающих компетенциями проектирования эстетико-развивающего образовательного процесса.

Список источников

1. Романова В. В. Сущность понятия «эстетика офицера» // Высшее образование сегодня. 2014. № 3. С. 77–79.
2. Иванов М. Г. Воспитание эстетической культуры военнослужащих контрактной службы : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2019. 24 с.
3. Черникова Н. В. Формирование эстетической культуры личности в условиях образовательной среды: теория и практика : монография. Минск, 2010. 150 с.
4. Бабенко Н. М. Концепция эстетического воспитания Б. Т. Лихачева (70–90-е годы XX века) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2003. 22 с.
5. Разумный В. А. Эстетическое воспитание. Сущность. Формы. Методы. М., 1969. 188 с.
6. Шпалова Е. В., Поломошнов П. А. Культура и личность // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 4(63). С. 148–152.
7. Гордеева Е. Н. Ситуационно-средовое проектирование развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел : дис. ... канд. пед. наук. М., 2021. 250 с.
8. Ходякова Н. В., Склярченко И. С., Сердюк Н. В. Педагогические подходы к развитию личности сотрудника органов внутренних дел : монография. М., 2021. 189 с.
9. Roberg R., Bonn S. Higher education and policing: where are we now? *Policing : An International Journal*. 2004. Vol. 27, No. 4. Pp. 469–486.
10. Paterson C., Craig E. Developments in police education in England and Wales: Values, culture and «common-sense» policing. *Values in criminology and community justice*. 2013. No. 9. Pp. 187–206.
11. Griffeth R., Cafferty T. Police and citizen value systems: some cross-sectional comparisons. *Journal of Applied Social Psychology*. 1977. Vol. 7. Pp. 191–204.
12. He N, Zhao J., Lovrich N. Police and the Policed: A Comparison of Value Orientations and Ideological Perspectives. *Police Practice and Research*. 2002. No 3. Pp. 217–229.
13. Долгова В. И., Мельник Е. В. Эмпатия. М., 2014. 185 с.
14. Гордеева Е. Н. Эмпатия как профессиональное педагогическое качество руководителя в органах внутренних дел // Полицейская деятельность. 2022. № 4. С. 42–50.
15. Ходякова Н. В. Модернизация воспитания в XXI веке: движение к целостной личности // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7, № 2. С. 21–29.

Поступила 27.10.2022; одобрена после рецензирования 10.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 378.1 © С. В. Шмачилина-Цибенко, Т. С. Котлярова, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-73-82

5.8.7. Методология и технологии профессионального образования

Организация самостоятельной работы обучающихся в условиях использования дистанционных образовательных технологий

Светлана Витальевна Шмачилина-Цибенко¹, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы; shmachilinacibenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1450-5571>

Татьяна Сергеевна Котлярова¹, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы; 8539 katiatania@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9375-8539>

¹ Омская гуманитарная академия, 644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2 А, Россия

Реферат

Введение. Актуальным и значимым становится сегодня смещение вектора образовательной деятельности в сторону самостоятельной работы, которая генерирует стремление обучающегося к саморазвитию, а также закладывает фундамент для дистанционного образования, мотивируя тем самым совершенствование профессионального мастерства и возможность быть сознательным и созидательным специалистом. **Материалы и методы.** Основу исследования составили компетентностный и рамочный подходы. Использовались методы системного и логического анализа. Исследование по реализации самостоятельной работы обучающихся в электронной образовательной среде проводилось на базе Омской гуманитарной академии. **Результаты и обсуждение.** Актуализированы суть самостоятельной работы обучающихся, современные подходы к толкованию и классификации дистанционных образовательных технологий, охарактеризованы особенности, правила, этапы организации и управления самостоятельной работы для обучающихся и преподавателей в формате электронно-информационной образовательной среды Moodle, проанализирован опыт проведения вебинаров, творческих заданий, кейс-технологий, электронного портфолио в качестве видов аутентичного оценивания обучающихся. **Выводы.** Организация самостоятельной работы посредством использования дистанционных образовательных технологий в формате электронно-информационной образовательной среды Moodle позволяет максимально использовать возможности реализации дистанционной формы обучения в процессе осуществления и сопровождения самостоятельной работы обучающихся. Вовлечение в данный процесс преподавателей и сотрудников методического и технического обеспечения контроля за качеством обратной связи обуславливает развитие ответственности, самостоятельности личности будущего специалиста, формирование у него умения распределять собственные ресурсы, ориентироваться в различных ситуациях, ставить и самостоятельно решать теоретические и практические задачи.

Ключевые слова: организация, самостоятельная работа обучающихся, технологии дистанционного обучения, вебинар, творческое задание, кейс-технология, электронный портфолио

Для цитирования: Шмачилина-Цибенко С. В., Котлярова Т. С. Организация самостоятельной работы обучающихся в условиях использования дистанционных образовательных технологий // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 73–82. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-73-82>

Scientific and Practical Article

UDC 378.1 © S. V. Shmachilina-Tsibenko, T. S. Kotlyarova, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-73-82

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

Organization of Students' Self-Study Work with the Use of Distance Educational Technologies

Svetlana V. Shmachilina-Tsibenko¹, Doctor of Science in Pedagogy, Professor, Professor at the chair of Pedagogy, Psychology and Social Work; shmachilinacibenko@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1450-5571>

Tatiana S. Kotlyarova¹, Candidate of Science in Pedagogy, Associate-Professor at the chair of Pedagogy, Psychology and Social Work; 8539 katiatania@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9375-8539>

¹ Omsk Humanitarian Academy, 2 A 4 Chelyuskintsev st., Omsk, 644105, Russia

Abstract

Introduction. Today, the shift in the vector of educational activity towards self-study is becoming relevant and significant, which, on the one hand, generates the student's desire for self-development, and on the other hand, lays the foundation for distance education, thereby motivating the improvement of professional skills and the opportunity to be a conscious and creative specialist. **Materials and Methods.** The study was based on competency-based and framework approaches. The authors applied methods of system and logics analysis. The research on implementation of the students' self-study activity in the electronic educational environment was conducted at Omsk Humanitarian academy. **Results and Discussion.** The paper actualizes the essence of students' self-study work, modern approaches to interpretation and classification of distance educational technologies, characterizes peculiarities, rules, stages of organization and management of self-study work for students and teachers in electronic information educational environment "Moodle", analyzes the experience of conducting webinars, creative tasks, case-techniques and electronic portfolio as one of the types

of authentic assessment of students. **Conclusions.** Organization of self-study work via distance educational technologies in electronic information educational environment "Moodle" ensures maximum usage of implementation of distance form of learning in organizing and assisting in students' self-study. The involvement of teachers and methodical and technical staff in this process for monitoring the quality of feedback determines the development of responsibility, individual independence of a future specialist, building his ability to allocate his own resources, navigate in various situations, set and solve theoretical and practical tasks by himself.

Keywords: organization, students' self-study, distance learning technologies, webinar, creative task, case-technique, electronic portfolio

Citation: Shmachilina-Tsibenko S. V., Kotlyarova T. S. Organization of Students' Self-Study Work with the Use of Distance Educational Technologies. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 73–82 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-73-82>

Основные положения

1. С педагогической точки зрения под дистанционными образовательными технологиями понимается комплекс методов и средств обучения, а также администрирования учебных процедур, гарантирующих осуществление педагогического процесса в отдалении с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий.

2. Самостоятельную работу обучающихся можно трактовать как вид учебной деятельности при освоении необходимых компетенций, где они лично управляют этим процессом, без непосредственного участия преподавателя, но под его профессиональным сопровождением.

3. Самостоятельная работа обучающихся организуется и управляется в формате электронно-информационной образовательной среды Moodle, которая создает возможность интеграции различных электронных ресурсов, средств обучения и сопровождения процесса работы.

4. Содержание и форма заданий для самостоятельной работы должны быть направлены на формирование компетенций, иметь проблемный характер, что придает ей дифференцированность, вариативность, демонстрирует более полный учет индивидуальных возможностей, потребностей и интересов обучающихся.

5. Особую значимость приобретают вебинары, в ходе которых связь между преподавателем и обучающимися поддерживается через интернет, с помощью установленного специального веб-приложения на сайте образовательной организации; творческие задания (метод кейс-технологий), к каждому из которых разрабатываются нормативные требования, а для отдельных групп обучающихся еще учитывается уровень творческой активности; электронный портфолио, являющийся альтернативным способом оценивания результатов самостоятельной деятельности по отношению к традиционным технологиям.

Введение

Актуальность, значимость, сущность проблемы. Управление самостоятельной работой обучающихся, оценка ее результативности и продуктивности всегда вызывали затруднения для обучающихся и пре-

подавательского сообщества. Значимость этой проблемы ныне связана с новой миссией самостоятельной работы, определенной ФГОС 3++ (нового поколения). В результате новейших требований самостоятельная работа трансформируется в доминирующую форму совершенствования учебного процесса. Одновременно с этим зарождаются вопросы ее обстоятельной организации, изменения ролевых функций преподавателей и обучающихся в ходе ее реализации.

Тенденции к использованию дистанционных образовательных технологий и интернет-ресурсов предполагают увеличение времени на самостоятельную работу обучающихся и меняют роль преподавателя из транслятора в тьютора, целенаправленно руководящего этой работой.

Таким образом, возрастающая роль самостоятельной работы и необходимость активизации мотивации обучающихся в процессе ее выполнения, особенно в условиях применения дистанционных образовательных технологий, являются значимыми и актуальными требованиями общества.

Цель исследования заключается в характеристике и обосновании процедур, методов и форм организации и реализации самостоятельной работы обучающихся посредством традиционных и инновационных дистанционных образовательных технологий в формате электронно-информационной образовательной среды Moodle.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы. Стремительное распространение телекоммуникационных технологий и глобальная компьютеризация современного обучения, смещение вектора образования в сторону активного применения дистанционных образовательных технологий кардинально меняют подход к организации самостоятельной работы обучающихся. В сегодняшних условиях она из обычного репродуктивного способа проверки знаний преобразуется в целенаправленный систематичный мониторинг деятельности обучающихся, обеспечивающий постоянную активную обратную связь последних и преподавателя как в традиционном, так и в интерактивном формате, расширение пространственных и временных границ для коммуникации и обмена информацией [1].

К сожалению, увеличение учебных часов на самостоятельную работу не обеспечивает продуктивности результатов обучения. Это, на наш взгляд, обусловлено несколькими факторами. Во-первых, содержание самостоятельной работы, преподаваемых курсов и модулей не всегда сопряжено с целями формирования компетенций и формулировкой содержательной части индикатора, закрепленной за дисциплиной. Во-вторых, организация самостоятельной работы все еще не отвечает критериям целенаправленности, дифференцированности и варибельности. В-третьих, неосновательный контроль и недостаточный анализ объективных возможностей и интересов субъектов образовательного процесса не благоприятствуют качественной реализации задач самостоятельной работы [2].

В рамках дистанционного обучения эти тенденции проявляются еще заметнее. Данные эмпирических исследований констатируют, что диапазон заданий для самостоятельной работы выполняется обучающимися формально либо они без особых усилий скачивают из доступных источников необходимые материалы, что свидетельствует о низком уровне сформированности навыков самостоятельной работы и о слабой мотивации их на ее осуществление.

В исследованиях российских ученых, психологов, выдающихся методологов, специалистов в области дидактики и управления, методики преподавания, таких как Ю. К. Бабанский, В. И. Загвязинский, И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин, В. А. Сластенин, Г. Н. Сериков, Т. И. Шамова и др., самостоятельная работа представлена с самых различных позиций: как метод и форма обучения, как специфический вид учебной деятельности, как основа самообразования, как набор стратегий обучения, как одна из форм компетентности и др.

На современном этапе развития педагогического образования устоявшиеся способы проектирования и осуществления самостоятельной работы студентов требуют переосмысления, коррекции и новых педагогических решений в условиях функционирования и использования дистанционных образовательных технологий на основе компетентностного подхода.

Анализ различных источников свидетельствует, что понятие «дистанционное обучение» в российском образовании появилось благодаря работам Е. С. Полат, А. А. Андреева практически в конце XX в.

Следует отметить, что дистанционное образование достаточно широко изучено, однако в России данная форма обучения не имеет легитимной поддержки и фактически не считается формой получения образования. Приоритетной формой организации образовательного процесса в Российской Федерации

признано обучение с использованием дистанционных образовательных технологий [3; 4].

Под дистанционными образовательными технологиями (ДОТ) в ст. 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника¹.

Мы придерживаемся позиции авторов учебного пособия под редакцией Е. С. Полат, в котором данное понятие конкретизируется с педагогической точки зрения и трактуется как «совокупность методов и средств обучения и администрирования учебных процедур, обеспечивающих проведение учебного процесса на расстоянии на основе использования современных информационных и телекоммуникационных технологий»².

Дистанционные образовательные технологии сегодня широко используются во всех формах получения образования: в меньшей степени в очной, в большей — очно-заочной, заочной, широко применяются во всех формах экстерната, в дополнительном образовании. В качестве средств дистанционного образования выделяют электронную почту, skype и zoom-конференции, электронные образовательные платформы и др.

Особую популярность в последнее время получила модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая среда Moodle (А. А. Андреев, И. В. Роберт, А. В. Соловов, В. П. Тихомиров, С. А. Щенников и др.).

Среди зарубежных исследований, связанных с вопросами организации самостоятельной работы студентов и использованием дистанционных образовательных технологий, представляющих для нас определенный интерес, необходимо выделить работы Л. Розельфельда и П. Морвиля (веб-сайт, веб-дизайн, информационная архитектура), Д. Вуда, Дж. Брунера и Г. Росса, Б. Доджа (технология скэффолдинга и образовательных веб-квестов); Х. И. Элиштона, Н. Х. Лэштона, Е. Персиваля, К. Джонса, Ф. Дэбизе, А. Пакто и др. (обучение при помощи симуляций, технология симуляций).

Несомненный интерес для нашего исследования представляют эмпирические отечественные изыскания, посвященные пилотным исследованиям реализации курса самостоятельной работы студентов неязыковых факультетов по иностранному языку, основанного на системе управления обучением с помощью учебно-методического комплекса нового поколения Empower, в рамках сотрудничества Кем-

¹ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В. Теория и практика дистанционного обучения : учеб. пособие / под ред. Е. С. Полат. М., 2004. С. 13.

бриджского издательства и факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета.

В масштабе настоящей статьи под самостоятельной работой обучающихся мы будем понимать такой вид учебной деятельности, в ходе которого освоением необходимых компетенций обучающийся управляет самостоятельно, без непосредственного участия преподавателя, но под четким и систематическим его сопровождением. В процессе выполнения разных видов деятельности постепенно усложняется уровень самостоятельной работы — от репродуктивной до поисково-творческой.

Достоинство самостоятельной работы для формирования компетентной личности специалиста видится нам в том, что данный вид деятельности способствует развитию активности, ответственности, самостоятельности личности, формированию умения распределять собственные силы, время и рассчитывать возможности, умения ориентироваться в теории и практических ситуациях, ставить и самостоятельно решать теоретические и практические задачи³.

Одним из важнейших показателей активности личности в ходе выполнения деятельности является ее самостоятельность. Обучающиеся должны ставить перед собой основные и промежуточные цели, планировать мероприятия для их достижения, выбирать задания и вид работы, планировать время, распределять имеющиеся ресурсы и средства, осуществлять систематический самоконтроль за ходом выполнения заданий, вовремя вносить коррективы в работу.

Следует подчеркнуть, что ключевую роль в управлении развитием самосознания, ответственности и самодисциплины обучающихся играет преподаватель, который тщательно планирует самостоятельную работу, осуществляет систематический мониторинг, контроль и обратную связь, что и определяет эффективность такого вида деятельности [5; 6].

Таким образом, отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что творческая активность и самостоятельность являются характерными чертами современного человека. Каждая страна имеет свои научные традиции в поиске путей развития этих качеств у обучающихся. Несмотря на многочисленные исследования в направлении самостоятельной работы студента, данная проблематика по-прежнему остается актуальной и подлежит широкому обсуждению на различных уровнях.

Материалы и методы

В основу исследования положен компетентностный подход, позволивший выделить основные цели, содержание, оценивание самостоятельной работы, отбор дистанционных образовательных технологий

и их продуктивное использование. В целях получения информации об организации и процессе управления самостоятельной работой обучающихся посредством дистанционных образовательных технологий нами использовались методы системного анализа, диагностика состояния педагогических объектов, включающая в себя анализ качества электронных учебно-методических комплексов (далее — УМК), видеолекций, вебинаров; контент-анализ контрольных работ, педагогических практик студентов и т. д. Для изучения опыта функционирования в высшей школе на предмет конструирования контекста, содержания, характера взаимодействия участников образовательного процесса и разработки сценариев организации самостоятельной работы был применен метод архитектуры. Тестирование, опросы и анкетирование преподавателей проводились при помощи социальной сети и электронно-информационной образовательной среды академии, что было обусловлено высокой частотностью их посещений среди обучающихся и преподавателей. Исследование по реализации самостоятельной работы обучающихся в электронной образовательной среде проводилось на базе Омской гуманитарной академии.

В данную деятельность были вовлечены преподаватели кафедры педагогики, психологии и социальной работы, специалисты учебно-методического отдела и электронно-информационной образовательной среды Moodle, обучающиеся бакалавриата, магистратуры направлений «Педагогика», «Психология», «Психология и педагогика», «Специальное педагогическое образование», «Социальная работа».

Результаты и обсуждение

Дистанционные образовательные технологии используются при получении образования на определенных этапах обучения в очной, заочной, очно-заочной формах, в ходе реализации основных и дополнительных образовательных программ. Отсюда организация и планирование самостоятельной работы обучающихся являются ведущей и основополагающей задачей.

Самостоятельная работа обучающихся организуется и управляется в формате электронно-информационной образовательной среды Moodle, и особенность ее заключается в том, что она позволяет максимально использовать возможности реализации дистанционной формы обучения, в процесс которой вовлечены не только преподаватель и обучающиеся, но и службы технического обеспечения, контролирующие качество обратной связи и своевременно устраняющие технические неполадки, обеспечивающие консультативную работу со студентами по использованию возможностей среды, интенсифицирующие процесс обратной связи между студентами и преподавателя

³ Загвязинский В. И. Теория обучения: современная интерпретация : учеб. пособие. 5-е изд. М., 2008. 188 с.

ми и осуществляющие, таким образом, техническое сопровождение каждого студента и преподавателя на всем протяжении обучения. В процесс осуществления планирования, реализации и сопровождения организации самостоятельной работы студентов (далее — СРС) вовлечены также работники библиотеки, оказывающие консультативную помощь в самостоятельном выборе литературных источников.

При планировании самостоятельной работы преподавателями разрабатываются курсы видеолекций по дисциплинам, материалы для проведения вебинаров, методические пособия, а также пакет документов по каждой дисциплине, включающий в себя список литературы по каждой теме с указанием конкретных глав или страниц для самостоятельного изучения, разработанный курс практических занятий с использованием заданий репродуктивного, частично-поискового и творческого характера, фонды оценочных средств, представленные тестовыми заданиями, позволяющими проверить знания студента, а также различными практическими заданиями, кейсами, преимущественно творческого характера, направленными на определение уровня сформированности универсальных и профессиональных компетенций.

Интеграция различных электронных ресурсов, средств обучения и сопровождения студента в ходе всей самостоятельной работы, осуществление постоянной обратной связи позволяют варьировать использование различных методов и форм обучения, учитывать интересы обучающихся, осуществлять уровневую дифференциацию в зависимости от актуального уровня подготовки студентов, а также дает возможность последним эффективно управлять временем, выделенным для работы. Именно максимальная индивидуализация обучения отмечается как важное качество новой информационно-инструментальной учебной среды [7].

В практике деятельности вуза доступ к электронно-информационной образовательной среде получают каждый студент и преподаватель. Она состоит из различных компонентов, которые можно условно разделить на печатную продукцию и электронные ресурсы. В первую категорию входят книга для преподавателя, книга и учебная тетрадь для студента. К категории онлайн-ресурсов относятся все вышеперечисленные компоненты, онлайн-ресурс для студентов, которые имеют доступ как к учебной тетради и тестам, видеолекциям, дополнительным учебным пособиям, так и к ресурсам библиотеки, осуществлению обратной связи с преподавателями, библиотекой, техническими службами, а также онлайн-ресурс для преподавателей, которые располагают доступом к библиотеке, дополнительным материалам, ключам к упражнениям, инициированию чатов в учебной группе, мониторингу и контролю проделанной студентами самостоятельной работы.

В свою очередь, каждый преподаватель имеет возможность управлять учебной работой в рамках своей учебной дисциплины: обеспечивать доступ студентов к различного уровня заданиям и разделам, тестам достижений по итогам усвоения материалов; смотреть карточку достижений любого студента, где представлены в графической и табличной формах показатели выполненного объема СРС по каждому заданию, контрольной работы УМК.

Управление организацией СРС необходимо осуществлять поэтапно и систематично. Каждый раздел самостоятельной работы, тема должны быть тщательно спланированы, все виды деятельности обоснованы. Соответственно, для эффективной работы в данном направлении необходимы готовность профессорско-преподавательского состава, качественная учебно-методическая и нормативная правовая база.

Под готовностью профессорско-преподавательского состава мы понимаем «способность преподавателей в умении использования учебных средств, способных объединить их собственные усилия и усилия обучающихся в усвоении содержания курса; создание интерактивной среды между субъектами образовательного процесса, в стимулировании внутренних механизмов саморазвития личности, самоконтроля и самокоррекции» [8].

Между тем проведенный нами опрос преподавателей выявил разнохарактерное понимание ими степени собственного участия в управлении СРС в условиях использования дистанционных образовательных технологий, у некоторых из них слаборазвитые организаторские, прогностические и конструктивные умения, отсутствие системы ее планирования, организации и контроля.

Полученные данные показали необходимость теоретической и практической подготовки самих преподавателей к осуществлению управления самостоятельной работой студентов. При обучении преподавателей планированию этой работы в академии мы ориентировались на адаптированную к российским условиям классификацию видов и типов СРС, представленную на Кембриджской электронной платформе УМК Empower [9; 10].

Для систематизации и оптимизации работы предлагаем правила организации самостоятельной работы студентов для преподавателей.

1. СРС должна быть связана с особенностями дисциплины. Ее структура должна четко соотноситься со структурой самого УМК, каждого раздела и каждого модуля. Включение СРС в процесс обучения должно быть своевременным и последовательным. Связь самостоятельной работы студентов с аудиторной работой позволяет эффективно осуществлять рефлексивную деятельность, своевременную коррекцию результатов, поддерживать ситуацию успеха.

2. СРС должна учитывать индивидуальные особенности, способности, уровень знаний и освоенных компетенций каждого студента. Для этого существует уровневая дифференциация заданий и учебного материала, разрабатываемого преподавателем. С этой целью каждый пакет дисциплины содержит задания репродуктивного (вопросы на усвоение полученных знаний), частично-поискового (практические задания) и творческого характера (кейсы, практические задания и упражнения, эссе) разного уровня сложности.

3. Самостоятельная работа должна обеспечивать каждому студенту максимальную возможность успешного усвоения материалов курса. Для этого студенту разрешается выполнять то или иное задание несколько раз, до полного усвоения материала. Во многих заданиях также можно получить подсказку в целях активизации познавательной деятельности, аналогии и самостоятельного анализа. Система указывает на ошибки и выдает правильные ответы. Количество попыток выполнения заданий неограниченно, до полного усвоения курса студентом. Только при итоговом тестировании, которое является контрольным, студент не может внести исправления.

Обязательным условием, обеспечивающим эффективность СРС, является соблюдение поэтапности в ее организации и проведении. Мы ориентировались на следующие этапы управляемой СРС.

Первый этап — подготовительный. Включал в себя составление рабочей программы с выделением тем и заданий для СРС; сквозное планирование СРС на семестр; подготовку учебно-методических материалов; диагностику уровня подготовленности студентов.

Второй этап — организационный. Определяются цели индивидуальной и групповой работы студентов; читается вводная лекция, проводятся вебинар, индивидуально-групповые установочные консультации, во время которых разъясняются формы СРС и ее контроля; утверждаются сроки и формы представления промежуточных результатов.

Третий этап — мотивационно-деятельностный. Преподаватель должен обеспечить положительную мотивацию индивидуальной и групповой деятельности; проверку промежуточных результатов; организацию самоконтроля и самокоррекции; взаимообмен и взаимопроверку в соответствии с выбранной целью.

Четвертый этап — контрольно-оценочный. Включает в себя индивидуальные и групповые отчеты и их оценку. Результаты могут быть представлены в виде дипломной и (или) курсовой работ, реферата, доклада, схем, таблиц, устных сообщений, моделей, макетов, отчетов и т. п. (в зависимости от дисциплины и специальности). Контроль СРС может осуществляться при помощи промежуточного и итогового тестирования, написания в аудитории письменных

контрольных работ, сдачи коллоквиумов, промежуточных зачетов и др. [11].

Использование дистанционных образовательных технологий требует как новых форм самостоятельной работы (асинхронное оперативное общение, информационные сеансы, web-квесты, создание тематических web-страниц, симуляции и пр.), так и существенного переосмысления, корректировки традиционных форм (рефераты; конспектирование первоисточников, составление тезисов, планов; рецензирование, аннотирование, отзывы, тренинги, решение задач; составление схем, таблиц, диаграмм и пр.; расчетные, графические, расчетно-графические работы, разработка тестов, дидактических материалов; самостоятельные контрольные работы, выполнение индивидуальных творческих задач, другие формы, которые соответствуют специфике направления или профиля) и перевода их в дистанционный формат.

Дидактические возможности и условия использования информационно-образовательных ресурсов и служб, мультимедийных средств в системе дистанционного обучения позволяют представить необходимую учебную информацию для самостоятельного изучения в виде гипертекста, задействовать наглядные свойства звуковой, графической, анимационной и видеoinформации, способствующие лучшему усвоению материала [12].

Однако при этом необходимо помнить, что основная задача организации СРС заключается в создании психолого-дидактических условий развития интеллектуальной инициативы и мышления на занятиях любой формы. Ведущим принципом организации СРС должен стать перевод всех студентов на индивидуальную работу с переходом от формального, пассивного выполнения определенных заданий к познавательной активности с формированием собственного мнения при решении поставленных проблемных вопросов и задач. Таким образом, студент должен научиться осмысленно и самостоятельно работать сначала с учебным материалом, затем с научной информацией, использовать основы самоорганизации и самовоспитания, чтобы в дальнейшем развивать умение непрерывно повышать свою квалификацию.

Все указанные формы самостоятельной работы студентов частично или полностью реализуются в дистанционном курсе на основе электронной информационно-образовательной среды вуза, которая предоставляет широкие возможности для внедрения элементов дистанционного обучения в образовательную систему вуза.

Работа начинается с составления индивидуального учебного плана работы студента, объем учебного материала которого разбивается на содержательные блоки по тематическим курсам и реализуется в электронном виде. Наличие таких планов помогает студентам, само-

стоятельно выполняя работу, выявлять способности, организовывать, планировать, регулировать собственную учебную деятельность, проводить самоконтроль и оценку ее результатов. Все в комплексе позволяет осуществлять обучающемуся самоуправление своей деятельностью. Механизм самоуправления действует таким образом, что студент как субъект управления сам себя рассматривает в качестве объекта. Он регулирует свои учебные действия, организовывает деятельность, рефлексивно относится к собственным действиям.

Изучение теоретического материала в дистанционных курсах в опыте работы Омской гуманитарной академии представлено в виде УМК с удобной системой навигации: гиперссылками на отдельные разделы или параграфы книги, на термины и их толкование в словаре, на биографические данные ученых, имена которых встречаются в тексте книги, презентации с использованием звукового сопровождения, с демонстрацией учебных анимационных или видеоматериалов. Это обусловлено тем, что современные психолого-педагогические исследования теории восприятия и усвоения различных видов информации и сторон влияния информационных технологий на эффективность учебного процесса (Л. Выготский, А. Леонтьев, В. Беспалько, И. Якиманская и др.) открывают огромный дидактический потенциал мультимедийных технологий, показывают, что компьютер имеет возможности развития творческих способностей у обучающихся и обеспечивает усвоение ими знаний на высоком уровне осмысления и интерпретации.

При разработке такого теоретического материала перед студентами ставятся задачи работы над учебными пособиями, монографиями, научной периодикой; изучения и конспектирования нормативного материала; подготовки к семинарскому занятию и презентации; написания реферата; подготовки к тестированию и решению кейсовых задач; написания эссе; участия в проведении круглых столов; подготовки к экзамену.

Особые требования следует предъявлять к содержанию и форме заданий для самостоятельной работы. Задания должны быть направлены на формирование компетенций и иметь проблемный характер, что приводит к увеличению разнообразия форм и методов самостоятельной работы и придает ей дифференцированный, вариативный характер, демонстрирует более полный учет индивидуальных возможностей, потребностей и интересов студентов. Таким образом, создаются условия для более широкого использования заданий по выбору студентов. Мы стремимся увеличивать число заданий для самостоятельной работы, строящихся на интегративной основе (внутрипредметного и межпредметного содержания) в целях объеди-

нения отдельных компонентов компетенций в опыт профессиональной деятельности.

Такая постановка задач требует контроля их выполнения. Поэтому важно, чтобы во время обработки задания студент мог себя проверить и проконтролировать. В этом случае дистанционные технологии имеют преимущество. В структуру теоретического материала мы в обязательном порядке включаем вопросы для самоконтроля, тесты, которые работают в учебном режиме и которые можно пройти еще раз, разобраться в них и исправить допущенные ошибки.

Необходимо обратить внимание на то, что контроль, осуществляемый в дистанционном курсе, является более объективным и справедливым, потому как преподаватель, который общается со студентами, нередко незнаком с пользователями учебных ресурсов курса. Для обеспечения глубокой мотивации к самостоятельной работе полезно включить в итоговую оценку по дисциплине модуль самостоятельной работы, когда только положительная оценка по этому модулю будет обязательным условием допуска к семестровому контролю по данной дисциплине.

После получения новых знаний следующим шагом в обучении является формирование новых умений и навыков с использованием теоретического материала.

В учебном процессе подобная деятельность осуществляется на практических, семинарских, лабораторных занятиях. Дистанционные технологии также позволяют осуществить такие виды работы, но обычно в присущей им форме. В частности, это может быть занятие, которое студент должен пройти самостоятельно, с подсказками преподавателя или без них. Это также может быть видеоурок в online-режиме, когда задействованы все участники курса и преподаватель, или запись урока, когда каждый участник сам выбирает удобное для изучения материала время. Семинарское занятие может быть организовано в виде чата, видеоконференции. При этом не исключена возможность участников оценивать ответы и результаты работы друг друга. Можно выбрать и асинхронную форму семинарского занятия в виде форума, где тематические сообщения и ответы не очень ограничены во времени⁴.

Особую значимость приобретают вебинары, которые проводятся в формате семинаров, дискуссий, конференций, встреч, презентаций. В ходе вебинара связь между преподавателем и студентами поддерживается через интернет, с помощью установленного специального веб-приложения на сайте академии.

Вебинар, обладая основными характеристиками традиционного семинара, представляет собой его более сложную форму. Это связано с непрерывным аудиовизуальным контактом слушателя и препода-

⁴ Гончарова Ю. А. Организация самостоятельной работы студентов : метод. рекомендации для преподавателей. Воронеж, 2007. С. 25.

вателя. Использование аудиовизуальных материалов обеспечивает высокий уровень запоминания, не исключая разнообразия видов деятельности, а также создает все условия для обратной связи с преподавателем [13, с. 129–132]. Благодаря применению высокотехнологичной аппаратуры каждый слушатель имеет возможность общаться с преподавателем online, задавать ему интересующие вопросы, но при этом не испытывать психологических барьеров, дискомфорта от общения на публике. Преодолению психологического барьера будут способствовать дифференцированный подход и ориентация на индивидуальное обучение [14].

Следовательно, вебинар позволяет при организации самостоятельной работы студентам более качественно осваивать теоретический материал учебной дисциплины, получать консультацию преподавателя, слышать мнение другого участника курса, формировать свои общекультурные и профессиональные компетенции, а преподавателям помогает оказывать научно-педагогическую и методическую поддержку самостоятельной работы студентов.

В практике Омской гуманитарной академии вебинары записываются и впоследствии используются для повторного просмотра, формирования библиотеки вебинаров, самоанализа преподавателем содержания проведенного им вебинара, собственного стиля и техники речи. Видеозаписи вебинара важны для слушателей, которым требуется больше времени для анализа полученной информации, более активного и глубокого ее усвоения. Таким образом, именно ориентация на индивидуальные особенности каждого студента превращает вебинар в эффективное средство организации самостоятельной работы обучающихся.

Часто преподаватели предлагают творческие задания, способствующие формированию умений использования знаний, навыков для решения соответствующих практических задач. К каждому творческому заданию следует разработать нормативные требования, а для отдельных групп студентов учесть уровень творческой активности. При необходимости преподаватель должен провести консультацию по вопросам выполнения этих задач.

Самостоятельная работа вызывает интерес, если заданиям присуща новизна, предстоит исследование с помощью новых методов, предполагающих активную мыслительную или практическую деятельность, связанную с поиском наиболее рациональных способов выполнения заданий, анализом результатов работы и написанием отчета.

Одним из таких методов является кейс-технология, основанная на использовании наборов (кейсов) текстовых, аудиовизуальных и мультимедийных учебно-методических материалов и их рассылке для самостоятельного изучения обучающимися при организации регулярных консультаций у преподавателей

традиционным или дистанционным способом [15]. Постепенно этот метод заслуживает позитивное отношение со стороны студентов, которые видят возможность с его помощью проявить инициативу, почувствовать самостоятельность в освоении теоретических положений и овладении практическими навыками. Не менее важно и то, что анализ ситуаций сильно воздействует на профессионализацию студентов, на их взросление, повышает интерес и мотивацию к учебе.

Кроме того, кейс-метод выступает и как образ мышления преподавателя, его особая парадигма, позволяющая по-иному думать и действовать, развивать творческий потенциал студентов. Этому способствуют и широкая демократизация, и модернизация учебного процесса, раскрепощение преподавателей, формирование у них прогрессивного стиля мышления, этики и мотивации педагогической деятельности. Действия в кейсе либо даются в описании, тогда требуется их осмыслить (последствия, эффективность), либо предлагаются в качестве способа разрешения проблемы. Но в любом случае выработка модели практического действия представляется эффективным средством формирования профессиональных качеств обучающихся [16].

Мы стремимся к тому, чтобы проблема, поставленная в кейсе, была понятной, связанной с будущей профессиональной деятельностью студентов, а действие с кейсом развивалось по канонам классического повествования, т. е. имело экспозицию, завязку, развязку, вызывало чувство сопереживания главным действующим лицам.

По завершении изучения содержательного модуля, как правило, проводятся контроль и оценка результатов деятельности студентов, обычно в форме собеседования, проверки конспектов, защиты рефератов, проверки письменных индивидуальных заданий, коллоквиума, научно-практической конференции, защиты проектов и презентаций, комплексного тестирования, контрольной работы и т. п. Эти формы работы актуальны как в традиционном, так и в дистанционном обучении.

В своем исследовании мы акцентируем внимание на электронном портфолио, «которое представляет собой сложный программно-методический комплекс, направленный на аккумуляцию созданных компьютерных средств обучения, распределенных информационно-образовательных ресурсов, нормативных документов, результатов опыта и достижений, творческих работ и т. д.» [17, с. 99–100].

Основными принципами формирования портфолио являются непрерывность (постоянный сбор данных); диагностичность (наличие модели или критериев, с которыми можно соотнести реальное состояние отслеживаемого объекта, системы или процесса); проблемная ориентированность (включение в состав

критериев отслеживания наиболее проблемных показателей и критериев, на основании которых можно делать выводы об искажениях в отслеживаемых процессах); технологичность критериев отслеживания (включение в критерии максимального количества информации при сохранении удобства их отслеживания); широкий спектр обнаружения изменений (возможность выявления необычных результатов, аномалий); обратная связь (информированность объекта мониторинга о результатах, которая позволяет вносить коррективы в отслеживаемый процесс); научность (научная обоснованность модели и отслеживаемых параметров); вариативность (возможность внесения изменений в структуру мониторинга) [18].

Технологию портфолио мы рассматриваем как аутентичное оценивание результатов образования обучающихся, поскольку ее применяют, прежде всего, в практико-ориентированной деятельности и она подразумевает оценивание сформированности умений и навыков личности в условиях помещения ее в ситуацию, максимально приближенную к реальной жизни — повседневной или профессиональной [19–21]. Таким образом, портфолио соответствует целям, задачам и идеологии обучения в контексте компетентного подхода и является, по сути, альтернативным способом оценивания результатов самостоятельной деятельности по отношению к традиционным технологиям.

Выводы

Проведенное исследование, посвященное организации и реализации самостоятельной работы обучающихся посредством дистанционных образовательных технологий в формате электронной образовательной среды академии, доступной каждому обучающемуся и преподавателю, позволило выделить особенности процесса ее организации, планирования, сопровождения и контроля, в который вовлечены не только педагогический коллектив, сотрудники библиотеки, но и службы методического и технического обеспечения.

Для систематизации и оптимизации самостоятельной работы в формате электронно-информационной образовательной среды Moodle были разработаны необходимые правила организации самостоятельной работы обучающихся, учитывающие индивидуальные особенности, способности, уровень знаний и освоенных компетенций каждого обучающегося, обеспечивающие им максимальную возможность успешного усвоения материалов курса.

Обязательными условиями эффективности СРС являются соблюдение поэтапности в ее организации и проведении (подготовительного, организационного, мотивационно-деятельностного, контрольно-оценочного этапов); составление индивидуальных учебных планов работы обучающихся, разбитых на содержательные блоки по тематическим курсам и реализуемых в электронном виде; представление теоретического материала в виде УМК с удобной системой навигации и гиперссылками на отдельные разделы или параграфы книги, на термины и их толкование в словаре, презентаций с использованием звукового сопровождения и с демонстрацией учебных анимационных или видеоматериалов; формирование новых умений и навыков с использованием теоретического материала с помощью видеоуроков в online-режиме (задействованы все участники курса и преподаватель) или записи занятия (каждый участник сам выбирает удобное для изучения материала время); контроль в форме вопросов для самоконтроля и тестов в учебном режиме, которые можно пройти еще раз и исправить допущенные ошибки.

Интеграция различных электронных ресурсов, средств обучения и сопровождение обучающихся в ходе всей самостоятельной работы, осуществление постоянной обратной связи позволяют варьировать использование различных методов и форм обучения и контроля, таких как видеоурок в online-режиме, семинарское занятие в виде чата, видеоконференции, форума, web-квесты, создание тематических web-страниц, симуляции и пр.

Особую значимость приобрели вебинары, ориентированные на индивидуальные особенности каждого обучающегося, проводимые в формате семинаров, дискуссий, конференций, встреч, презентаций, которые обязательно записываются и впоследствии используются для повторного просмотра, формирования библиотеки вебинаров, самоанализа преподавателем содержания вебинара, собственного стиля и техники речи.

Для формирования знаний, умений и навыков мы используем метод кейс-технологий, поскольку, с одной стороны, он результативно воздействует на профессионализацию обучающихся, способствует их взрослению, самостоятельности, повышает интерес и мотивацию к учебе, с другой — выступает и как образ мышления преподавателя, его особая парадигма, позволяющая по-иному думать и действовать, развивать творческий потенциал студентов. Мы стремимся к тому, чтобы проблема, поставленная в кейсе, была понятной, связанной с будущей профессиональной деятельностью обучающихся, а действие с кейсом развивалось по канонам классического повествования, т. е. имело экспозицию, завязку, развязку, вызывало чувство сопереживания главным действующим лицам.

В контексте итогового контроля и оценки результатов самостоятельной работы обучающихся имеет немалую важность электронное портфолио, технологию использования которого мы рассматриваем как аутентичное оценивание результатов образования, подразумевающее оценивание сформированности умений и навыков личности в условиях помещения ее в ситуацию, максимально приближенную к требованиям реальной повседневной или профессиональной жизни.

В контексте итогового контроля и оценки результатов самостоятельной работы обучающихся имеет немалую важность электронное портфолио, технологию использования которого мы рассматриваем как аутентичное оценивание результатов образования, подразумевающее оценивание сформированности умений и навыков личности в условиях помещения ее в ситуацию, максимально приближенную к требованиям реальной повседневной или профессиональной жизни.

Перспективы. Дальнейшее исследование поднятой проблемы может быть направлено на организацию педагогического мониторинга по выявлению готовности преподавателей к работе в различных электронных образовательных средах, на разработку критериев

и показателей данной готовности, а также дальнейшее развитие и совершенствование использования технологии электронного портфолио как программно-методического комплекса и как вида аутентичного оценивания студентов.

Список источников

1. Андреев А. А., Солдаткин В. И. Дистанционное обучение и дистанционные образовательные технологии // *Cloud of science*. 2013. № 1. С. 14–16.
2. Дробышевский А. А. Модель организации самостоятельной работы студентов с применением компьютерных технологий обучения // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2011. № 1. С. 121–123.
3. Полат Е. С. К проблеме определения эффективности дистанционной формы обучения // *Открытое образование*. 2005. № 3. С. 71–76.
4. Данчук М. П. Современные образовательные технологии и их образовательная сущность // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион*. 2007. № 2. С. 118–122.
5. Лапин В. Г. Цифровая образовательная среда как условие обеспечения качества подготовки студентов в среднем профессиональном образовании // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2019. № 1(21). С. 55–59.
6. Носкова Т. Н. Дидактика цифровой среды : монография. СПб., 2020. 384 с.
7. Гузанов Б. Н., Морозова Н. В. Организация самостоятельной работы студентов вуза в условиях реализации многоуровневой модели обучения : монография. Екатеринбург, 2014. 158 с.
8. Голицына И. Н. Эффективное управление учебной деятельностью с помощью компьютерных информационных технологий // *Образовательные технологии и общество*. 2003. № 2. С. 77–83.
9. Яковлева Н. М., Яковлева Н. О. Педагогическое управление: сущность, значение и содержание // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2011. № 4. С. 34–44.
10. Беляева Е. Г. Система управления обучением как фактор повышения качества самостоятельной работы студентов // *Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам : сб. науч.-метод. статей преподавателей иностранных языков вузов России*. Саратов, 2018. 244 с.
11. Куликова С. С., Яковлева О. В. Педагогическое управление в цифровой образовательной среде: вопросы профессиональной подготовки будущих педагогов // *Образование и наука*. 2022. Т. 24, № 2. С. 48–82.
12. Bervell B., Umar I. N., Kamilin M. H. Towards a model for online learning satisfaction (MOLS): Re-considering non-linear relationships among personal innovativeness and modes of online interaction. *Open Learning*. 2020. Vol. 35(3). Pp. 236–259. <https://doi.org/10.1080/02680513.2019.1662776>
13. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю., Моисеева М. В. Теория и практика дистанционного обучения. М., 2004. 416 с.
14. Ботузова Ю. В. Организация самостоятельной работы студентов с использованием технологий дистанционного образования // *Концепт*. 2013. № 12. URL: <http://ekconcept.ru/2013/13270.htm> (дата обращения: 19.08.2022).
15. Pluzhnikova N. N. Technologies of artificial intelligence in educational management // Paper presented at the 2020 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology, EMCTECH 2020. Proceedings. <https://doi.org/10.1109/EMCTECH49634.2020.9261561>
16. Соколов В. М., Угодчикова Н. Ф., Алешугина Е. А., Лошкарева Д. А. Компетентностно-ориентированное совершенствование дополнительной языковой образовательной программы в техническом вузе : монография. Н. Новгород, 2013. 186 с.
17. Полат Е. С. Некоторые концептуальные положения организации дистанционного обучения иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций // *Иностранные языки в школе*. 1998. № 5. С. 6–11.
18. Пираков Ф. Д., Клишин А. П., Ахметова Л. В. Система электронного портфолио обучающегося (Е-Портфолио) как элемент информационной среды управления учебным процессом в педагогическом вузе // *Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin)*. 2018. № 1(190). С. 148–154.
19. Красильникова В. А., Запорожко В. В. Использование электронного портфеля при подготовке будущего учителя информатики // *Информатика и образование*. 2007. № 12. С. 99–100.
20. Пинская М. А., Новикова Т. Г., Прутченков А. С. Портфолио как форма оценивания индивидуальных достижений учащихся // *Профильная школа*. 2004. № 2. С. 48–56.
21. Шмачилина-Цибенко С. В. Аутентичное оценивание образовательной деятельности курсантов // *Общество и право*. 2014. № 1(47). С. 309–313.

Поступила 07.11.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-практическая статья

УДК 378.147 © Д. Ф. Минзянова, Д. М. Фарахиев, И. Ю. Лазарева, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-83-88

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Повышение антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России

Диляра Фарильевна Минзянова¹, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности; dilayra_444@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1980-7632>

Динар Минзеферович Фарахиев², оперуполномоченный Управления экономической безопасности и противодействия коррупции; dfarakhiev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6419-7701>

Ирина Юрьевна Лазарева³, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики; lazareva66@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0052-4165>

¹ Казанский юридический институт МВД России, 420011, Казань, ул. Оренбургский тракт, 128, Россия

² Министерство внутренних дел по Республике Татарстан, 420012, Казань, ул. Лобачевского, 9/30, Россия

³ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, 12, Россия

Реферат

Введение. В правовом государстве остро стоит вопрос противодействия коррупционным правонарушениям и преступлениям. Актуальность исследования обуславливается действием на территории Российской Федерации ряда нескольких соответствующих законодательных актов. Большого внимания заслуживает Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 гг., который обязывает Министерство просвещения осуществлять работу по включению в федеральные государственные образовательные стандарты положений, «предусматривающих формирование у обучающихся нетерпимого отношения к коррупционному поведению, а в профессиональной деятельности — готовности содействовать пресечению такого поведения». Ставится проблема повышения антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России. **Материалы и методы.** Используются системный, диалектический, сравнительный и междисциплинарный подходы научного познания. Проведен мониторинг информационных ресурсов (в том числе официальных сайтов высших образовательных организаций системы МВД России) относительно предмета исследования. Анализируются теоретические и практические труды в области повышения уровня антикоррупционной культуры курсантов и слушателей. На основе практического опыта предлагаются традиционные и информационные методы формирования нетерпимости к коррупционным проявлениям и коррупции в целом. **Результаты и обсуждение.** Антикоррупционная культура обучающихся образовательных организаций системы МВД России включает в себя также антикоррупционное поведение. В связи с этим рассматриваются традиционные и информационные методы повышения антикоррупционной культуры путем формирования антикоррупционного поведения. В целях наиболее эффективной деятельности профессорско-преподавательского состава указанных организаций по повышению антикоррупционной культуры обучающихся предлагаются разработка и внедрение специальных кафедральных антикоррупционных дисциплин, а также использование информационных ресурсов системы МВД России с непрерывным доступом к ним. **Выводы.** Определены оптимизационные направления формирования антикоррупционного поведения и повышения антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России в современных реалиях.

Ключевые слова: образовательный процесс, антикоррупционное просвещение, правовая культура, информационные технологии

Для цитирования: Минзянова Д. Ф., Фарахиев Д. М., Лазарева И. Ю. Повышение антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 83–88. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-83-88>

Scientific and Practical Article

UDC 378.147 © D. F. Minzyanova, D. M. Farakhiev, I. Yu. Lazareva, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-83-88

5.8.7. Methodology and Technology of Professional Education

5.8.2. Theory and Methods of Teaching and Upbringing (by areas and levels of education)

Improving the Anti-Corruption Culture of Students of Educational Organizations in the System of the Russian Ministry of Internal Affairs

Dilyara F. Minzyanova¹, senior lecturer at the chair of Crime Detection; dilayra_444@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1980-7632>

Dinar M. Farakhiev², operative of the Directorate of Economic Security and Combating Corruption; dfarakhiev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6419-7701>

Irina Yu. Lazareva³, Candidate of Science in Pedagogy, Associate-Professor at the chair of Pedagogy; lazareva66@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0052-4165>

¹ Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 128 Orenburg tract, Kazan, 420011, Russia

² Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan, 9/30 Lobachevsky st., Kazan, 420012, Russia

³ V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs, 12 Academician Volgin st., Moscow, 117997, Russia

Abstract

Introduction. In a law-governed state the issue of combating corruption offenses and crimes is acute. The relevance of the study is determined by the simultaneous enforcement of a number of several legislative acts on the territory of the Russian Federation. The National Anti-Corruption Plan for 2021–2024 deserves great attention, which obliges the Ministry of Education to carry out work on introducing provisions in the federal state educational standards that "provide for the formation of an intolerant attitude towards corrupt behavior among students, and in professional activities — a readiness to contribute to the suppression of such behavior". The authors set the problem of increasing the anti-corruption culture of students of educational organizations in the system of the Russian Ministry of Internal Affairs. **Materials and Methods.** System, dialectical, comparative and interdisciplinary approaches of scientific cognition are employed. Monitoring information resources (including official websites of higher educational institutions in the system of the Russian Ministry of Internal Affairs) was carried out with regard to the subject of the study. Theoretical and practical works in the field of increasing the level of cadets' and trainees' anti-corruption culture are analyzed. Based on the practical experience, traditional and informational methods of forming intolerance to manifestations of corruption and corruption in general are proposed. **Results and Discussion.** The anti-corruption culture of students of educational organizations in the system of the Russian Ministry of Internal Affairs also includes anti-corruption behavior. In this regard, traditional and informational methods of improving the anti-corruption culture through the formation of anti-corruption behavior are considered. In order to ensure the most effective activity of the teaching staff of these organizations in improving the anti-corruption culture of students, it is proposed to develop and introduce special anti-corruption disciplines at the chairs, as well as to use of information resources of the system of the Russian Ministry of Internal Affairs with continuous access to them. **Conclusions.** The paper formulates the ways to optimize the formation of anti-corruption behavior and increasing the anti-corruption culture of students of educational organizations in the system of the Russian Ministry of Internal Affairs in modern reality.

Keywords: educational process, anti-corruption education, legal culture, information technologies

Citation: Minzyanova D. F., Farakhiev D. M., Lazareva I. Yu. Improving the Anti-Corruption Culture of Students of Educational Organizations in the System of the Russian Ministry of Internal Affairs. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 83–88 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-83-88>

Основные положения

1. Преступления коррупционной направленности в общей структуре преступности составляют около 1,5–2,0%. За последние пять лет число коррупционных преступлений увеличилось на 15%¹. В связи с высоким уровнем их общественной опасности возникает вопрос раннего предупреждения коррупционных проявлений во всех сферах жизнедеятельности общества, в частности в образовательных организациях системы МВД России.

2. Воздействовать на состояние коррупционной преступности в России возможно на основе повышения антикоррупционной культуры, в первую очередь, будущих сотрудников органов внутренних дел, а именно обучающихся образовательных организаций системы МВД России.

3. Повышение антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России в современных условиях возможно посредством использования информационных технологий в ходе учебного процесса.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В последние годы наблюдается все более масштабное распространение коррупционных проявлений и коррупционных рисков. Основным субъектом предупре-

ждения преступлений коррупционной направленности являются органы внутренних дел. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению исследуемой категории преступлений строится на законодательных актах² и ведомственных нормативных правовых актах³.

В связи с высоким социальным значением исследуемой проблемы пристальное внимание уделяется образовательному процессу в высших учебных заведениях (далее — вуз) системы МВД России, а именно преподаванию учебных дисциплин, направленных на формирование антикоррупционного поведения, повышение антикоррупционной культуры и воспитания.

Целью выступает комплексное исследование особенностей повышения антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России в современных реалиях.

В условиях тотальной информатизации использование инновационных технологий в образовательном процессе вузов системы МВД России является основополагающим элементом учебного процесса, так как именно они обуславливают основные направления формирования личностно-профессиональных качеств будущих сотрудников правоохранительных органов. Внедрение информационно-педагогических технологий в образовательный процесс трансформирует организацию проведения занятий, ме-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101761> (дата обращения: 17.09.2022).

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газета. 2011. 10 февр. ; О противодействии коррупции : федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Там же. 2008. 30 дек.

³ О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тодику обучения, что повышает антикоррупционную культуру обучающихся [1, с. 211].

Информатизация учебного процесса трансформирует механизм получения высшего образования, учебный стандарт повышает уровень практических умений и навыков, знаний антикоррупционного законодательства и, как следствие, положительно влияет на антикоррупционное поведение и правовую культуру курсантов и слушателей. В науке имеются разные мнения об информатизации учебного процесса в вузах системы МВД России. Одни полагают, что она подрывает отечественную методологическую базу учебного процесса, другие — создает доступность сведений не только в текстовом, но и в аудио-, видео- и визуальном форматах. Публичность и доступность сведений требуют постоянного поиска, подбора и сбора актуального содержания, а также высокой скорости обработки информации в целях развития и саморазвития курсантов и слушателей [2, с. 110].

Актуальность нашего исследования подтверждается научными результатами, полученными другими авторами. Так, Н. А. Штукарев, оценив состояние сформированности антикоррупционной культуры, приходит к выводу о ее низком уровне у обучающихся юридических вузов [3, с. 21].

Степень разработанности проблемы. Исследованию аспектов антикоррупционного воспитания и культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России отводится большое внимание. Так, Ю. С. Алексеева предлагает под антикоррупционной культурой понимать «состояние развития личности, которое характеризуется отношением к проблемам обеспечения снижения уровня коррупционной ситуации как в личном окружении, так и в обществе» [4].

По мнению других авторов, антикоррупционная культура — это важнейшие качества личности, которые охватывают познания о негативной составляющей коррупции в целях безопасности общества [5]. В данном случае следует говорить о таком качестве, как стремление к ликвидации коррупционных проявлений в обществе и (или) социальной группе(ах), которое строится на нетерпимости к коррупции в целом. О нетерпимости к коррупции в молодежной среде рассуждает А. З. Афаунов: «Именно это указывает на важность исследования истоков формирования антикоррупционных ценностных ориентаций в рамках современной молодежной культуры» [6, с. 17].

На наш взгляд, антикоррупционная культура представляет собой ценностные ориентиры личности, направленные на активную гражданскую позицию с точки зрения нетерпимости к коррупционным проявлениям, с возможностью противодействовать коррупционным правонарушениям и преступлениям, основываясь на социально-правовой, социально-политической, нравственной и иной культуре. Е. А. Ковтун справедливо отметил, что толерантность к коррупции и коррупционным

проявлениям особенно нежелательна среди молодежи [7, с. 45], прежде всего в образовательных организациях системы МВД России.

Рассматривая антикоррупционную субкультуру обучающихся вузов, Н. В. Сюзева отмечает, что вузы, осуществляя различные функции, сами по себе являются сферой для формирования и развития антикоррупционной субкультуры, в свою очередь последняя является «фактором совершенствования, обогащения правовой культуры, формирования антикоррупционной направленности субъектов образовательного процесса» [8, с. 85]. На наш взгляд, данная антикоррупционная субкультура — способ трансформации системы ценностей в целях формирования антикоррупционных стереотипов поведения обучающихся образовательных организаций системы МВД России.

Многие ученые, исследуя формирование и повышение антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России, указывают на использование традиционных методов в образовательном процессе, не затрагивая возможностей информационного обеспечения антикоррупционного просвещения курсантов и слушателей.

Таким образом, рассматриваются два основных направления повышения антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России: традиционный и информационный.

Материалы и методы

Использовался всеобщий диалектический метод познания. В целях полноты и всесторонности исследования применялись общенаучные (логический, системно-структурный) и частнонаучные (изучение нормативных правовых актов, анализ информационных ресурсов, анкетирование обучающихся и профессорско-преподавательского состава) методы познания. Для обработки, систематизации и анализа полученных данных применялись методы Data Mining.

Изучались современные отечественные публикации в области формирования и повышения антикоррупционной культуры обучающихся вузов системы МВД России. Осуществлен анализ психолого-педагогических аспектов профессиональной деятельности в образовательном процессе ведомственных вузов.

Результаты и обсуждение

Как было сказано выше, на сегодняшний день остро стоит вопрос коррупции и способов ее искоренения. На наш взгляд, наиболее успешным из них является раннее просвещение подрастающего поколения нашей страны в контексте того, что такое коррупция и чем она грозит человеку в отдельности и стране в целом. Для этого необходимо сформировать у молодых людей понятие антикоррупционной культуры.

С данной целью необходимо применять ряд приемов педагогического характера, которые качественно воздействуют на личность обучающегося, обеспечивая по-

вышение уровня правового воспитания. Прежде всего, следует определиться с тем, что такое педагогическое условие и каковы его основные цели и задачи. В научной литературе бытует множество мнений на этот счет, но наиболее актуальным выступает следующее понятие: педагогическое условие как внешняя сила (обстоятельство), которая организуется преподавателем вуза, оказывает явное влияние на протекание процесса педагогики и предусматривает под собой получение какого-либо результата [9, с. 316].

Итак, эффективная реализация антикоррупционных мероприятий и программ, направленных на повышение антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России, даст возможность обойти затратные схемы, сохранив ресурсы и профессорско-преподавательский потенциал. Повышать антикоррупционную культуру курсантов и слушателей необходимо субъектам, которые сами нетерпимы к коррупционным проявлениям, соблюдают установленные законодательством ограничения и запреты, являясь должностными лицами органов власти. На наш взгляд, при правильной организации антикоррупционных мероприятий образовательный процесс станет лучшим методом повышения правовой и антикоррупционной культуры курсантов и слушателей, а также сформирует здоровый нравственно-психологический климат среди переменного и постоянного составов вузов системы МВД России, способствующий минимизации коррупционных проявлений и рисков коррупции в социальной среде.

Полагаем, что повышение антикоррупционной культуры строится на трех функциях: 1) образовательной — создание компетенций в сфере борьбы с коррупционными проявлениями; 2) просветительской — антикоррупционное просвещение курсантов и слушателей; 3) научно-исследовательской — осуществление в процессе обучения мероприятий (конференций, круглых столов, кружков), посвященных нетерпимости к коррупции.

Данная структура оказывает эффективное влияние на выработку мер по повышению антикоррупционной культуры обучающихся вузов системы МВД России. Высокий уровень культуры и профессионализма курсантов и слушателей является гарантией законопослушного поведения сотрудников органов внутренних дел.

Традиционные методы повышения антикоррупционной культуры обучающихся вузов системы МВД России. Сегодня на территории Российской Федерации действуют Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденный Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478, и Программа по антикоррупционному просвещению населения на 2021–2024 годы от 14 декабря 2021 г. № 475-р, которые закрепляют необходимость реализации мер, направленных на повышение антикоррупционной культуры. К данным мерам относятся введение в образовательные стандарты положений, касающихся формирования анти-

коррупционной компетенции; разработка концепции антикоррупционного воспитания и культуры.

В процессе повышения антикоррупционной культуры обучающихся вузов системы МВД России посредством традиционных методов необходимо использовать возможности проведения следующих воспитательных мероприятий: 1) антикоррупционно-просветительских бесед с приглашением сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, а также подразделений собственной безопасности; 2) антикоррупционных акций, связанных не только с Международным днем борьбы с коррупцией (на основе проведения акции «Сообщи, где торгуют смертью»); 3) внутривузовских научно-представительских конференций, круглых столов, заседаний, кружков, семинаров (вебинаров) и т. д. на антикоррупционную тематику.

В настоящее время в образовательных организациях системы МВД России в рабочие учебные планы включены дисциплины, посвященные противодействию коррупции. Однако количество их часов не дает возможности рассмотреть проблему в полном объеме. Предлагаем разработать специальные дисциплины, направленные на изучение противодействия коррупции и повышение уровня антикоррупционной культуры обучающихся (на примере Казанского юридического института МВД России):

1. Кафедра административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел — «Антикоррупционная деятельность в служебной дисциплине сотрудников органов внутренних дел».

2. Кафедра государственно-правовых дисциплин — «Исторические аспекты антикоррупционной деятельности органов внутренних дел».

3. Кафедра криминалистики — «Особенности расследования преступлений коррупционной направленности».

4. Кафедра оперативно-разыскной деятельности — «Оперативно-розыскное противодействие коррупции».

5. Кафедра уголовного права — «Особенности квалификации преступлений коррупционной направленности».

6. Кафедра уголовно-процессуального права — «Процессуальные основы антикоррупционной деятельности органов предварительного расследования».

7. Кафедра философии, политологии, социологии и психологии — «Психолого-педагогические основы формирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел»; «Особенности повышения антикоррупционной культуры обучающихся вузов системы МВД России»; «Конфликт интересов в деятельности сотрудников органов внутренних дел».

8. Кафедра экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел — «Информационные основы антикорруп-

ционной культуры и поведения сотрудников органов внутренних дел»; «Инновационные технологии противодействия коррупции».

Для курсантов и слушателей очной формы обучения соответствующие дисциплины должны быть введены в учебный процесс, начиная с первого и заканчивая четвертым (уровень бакалавриата) или пятым (уровень специалитета) курсом.

Информационные методы повышения антикоррупционной культуры обучающихся вузов системы МВД России. В условиях цифровизации наиболее эффективная программа повышения антикоррупционной культуры обучающихся вузов системы МВД России строится на информационных методах преподавания. Так, С. В. Дубовиченко справедливо считает, что в целях эффективного повышения антикоррупционной культуры и просвещения в вузах необходимо осуществлять мониторинг отношений к коррупционным проявлениям среди постоянного и переменного составов вузов системы МВД России [10, с. 166]. Мониторинг позволит определять уровень склонности к коррупционным проявлениям, а также устанавливать характерные (распространенные) формы коррупционного поведения в целях создания ресурсов для профилактики коррупции и повышения антикоррупционной культуры обучающихся образовательных организаций системы МВД России.

Большое внимание в процессе повышения антикоррупционной культуры обучающихся уделяется электронной информационно-образовательной среде (далее — ЭИОС), используемой в вузах системы МВД России. С внедрением в образовательный процесс ЭИОС повысилось качество коммуникации, обеспечивающей осуществление учебной деятельности. Авторами предлагается использовать возможности ЭИОС МВД России в целях повышения антикоррупционной культуры курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России по следующим направлениям:

1. Тестирование обучающихся:

1.1. Особенности уведомления о намерении выполнять иную оплачиваемую работу.

1.2. Алгоритм поведения сотрудника органов внутренних дел при склонении к совершению коррупционных правонарушений.

1.3. Порядок уведомления о получении подарка в связи с исполнением служебных (должностных) обязанностей.

1.4. Конфликт интересов в деятельности сотрудников органов внутренних дел (конфликтология в служебной деятельности).

2. Формирование локального Кодекса этики и служебного поведения обучающихся образовательных организаций системы МВД России с закреплением его на официальном сайте вуза и в ЭИОС МВД России.

3. Изучение алгоритма заполнения справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера с использованием специального программного обеспечения «Справки БК».

4. Формирование специального портала (ресурса) на базе ЭИОС МВД России с примерами коррупционных проявлений, предусматривающего для обучающихся и профессорско-преподавательского состава возможности дать юридическую квалификацию содеянному; предложить меры по предупреждению индивидуальных коррупционных правонарушений и преступлений.

5. Проведение конкурсов и научно-практических мероприятий в ЭИОС МВД России.

Предпосылками для обеспечения вышеуказанных мероприятий являются просвещение курсантов и слушателей вузов системы МВД России и формирование у них готовности грамотно применять методику антикоррупционного воспитания, а также нетерпимого отношения к коррупции. А. Ю. Головин считает, что распространение антикоррупционного поведения основывается в первую очередь на проведении игр, квестов, конкурсов и пр. [11, с. 315]. А. К. Мухамбетгаиева также пишет о методах командной работы, об использовании игровых ситуаций в образовательном процессе, способствующих повышению уровня знаний антикоррупционного законодательства [12, с. 44].

На наш взгляд, в данном направлении необходимо, наряду с информационными методами повышения антикоррупционной культуры, использовать и традиционные методы. Так, Санкт-Петербургским университетом МВД России в Международный день борьбы с коррупцией (9 декабря 2022 г.) проведена научно-практическая конференция «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов в противодействии коррупции»⁶. По мнению А. К. Канатова, в целях повышения антикоррупционной культуры обучающихся необходимо внедрять специализированные курсы по борьбе с коррупцией через средства массовой информации [13, с. 38]. Данные примеры можно отнести к фактам использования традиционных и информационных методов в процессе формирования антикоррупционного поведения и повышения антикоррупционной культуры. В этом контексте отметим исследование А. П. Страхова, в котором рассматриваются возможности использования обучающих антикоррупционных видеороликов в вузах [14, с. 480]. Полагаем, данный информационный метод эффективен в целях повышения антикоррупционной культуры курсантов и слушателей вузов системы МВД России.

Выводы

Формирование антикоррупционного поведения обучающихся образовательных организаций МВД России

⁶ URL: https://mvd.ru/upload/site125/nauka/nauchno_predstavitel'skie_meropriyatiya/2022/IP_2022-12-09_.pdf (дата обращения: 20.09.2022).

основывается на оптимизации антикоррупционного образовательного процесса, предполагает:

— расширение границ антикоррупционного образования путем использования традиционных методов повышения антикоррупционной культуры;

— совершенствование информационных методов повышения антикоррупционной культуры в сочетании с традиционными методами при проведении научно-представительских мероприятий, посвященных вопросам коррупционной направленности;

— широкое использование информационных ресурсов: ЭИОС МВД России; официального интернет-портала правовой информации; справочно-правовых систем; официальных сайтов органов государственной власти и местного самоуправления.

Перспективы. Дальнейшие исследования в области использования новых педагогических методов и технологий в вузах системы МВД России в процессе повышения антикоррупционной культуры обучающихся позволят трансформировать методику подготовки сотрудников для ОВД. Процесс противодействия коррупции и повышения антикоррупционной культуры обучающихся основывается, прежде всего, на инновационных аспектах. Так, в настоящее время в России функционирует государственная информационная система в области противодействия коррупции «Посейдон»⁷, деятельность которой необходимо освещать на учебных занятиях в целях повышения информированности о действующих предупредительных антикоррупционных мерах.

Список источников

1. Несмеянов А. А., Баранов С. А., Аграфонов М. Ю. Инновации в образовательной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : мат-лы XXI всерос. науч.-метод. конф. Иркутск, 2016. С. 211–214.
2. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 109–113.
3. Штукарев Н. А. Оценка состояния сформированности антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции в образовательном процессе юридического вуза // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 26, № 194. С. 14–24.
4. Алексеева Ю. С. Формирование антикоррупционной культуры у студентов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17989> (дата обращения: 19.09.2022).
5. Ибрагимов Е. М., Хамдеев А. Р. Сущность понятия «антикоррупционная культура» и ее функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/109-9329> (дата обращения: 19.09.2022).
6. Афаунов А. З. Молодежь и проблема коррупции в современном российском обществе: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 15–18.
7. Касабуцкая М. С., Ковтун Е. А., Петров А. В., Савин С. Д. Восприятие коррупции в сознании молодежи России и Китая // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 2. С. 40–45.
8. Сюзева Н. В. К формированию антикоррупционной субкультуры образовательной организации // Научный диалог. 2015. № 7(43). С. 75–92.
9. Титова О. А. Педагогические условия формирования антикоррупционной культуры курсантов образовательных организаций МВД России // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 23 октября 2020 г. Воронеж, 2020. С. 315–317.
10. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Проблемы антикоррупционного образования // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 3. С. 163–170.
11. Головин А. Ю., Бугаевская Н. В. Антикоррупционное просвещение в системе мер предупреждения коррупции на современном этапе // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 3. С. 311–319.
12. Мухамбетгалиева А. К. Формирование антикоррупционной культуры в учебно-воспитательном процессе вуза // Медицинский журнал Западного Казахстана. 2018. № 4(60). С. 42–46.
13. Канатов А. К. К вопросу противодействия коррупции («компетентностный подход») // Вестник Карагандинского университета. 2016. № 3(83). С. 37–42.
14. Страхов А. П. Борьба с коррупцией в странах англосаксонской традиции (на примере Великобритании, Индии, Сингапура и США) // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2019. № 3. С. 470–502.

Поступила 12.10.2022; одобрена после рецензирования 10.11.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

⁷ О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Общетеоретические и отраслевые проблемы юридической науки и практики

General theoretical and branch-related issues of juridical science and practice

Научно-практическая статья
УДК 343.8 © В. Е. Южанин, Д. В. Горбань, С. Л. Бабаян, 2023
doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-89-96
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Критерии степени исправления осужденных к лишению свободы: постановка проблемы

Вячеслав Ефимович Южанин¹, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;
yuzanin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>

Дмитрий Владимирович Горбань², кандидат юридических наук, начальник кафедры организации исполнения наказаний;
dimas8807@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9442-7712>

Сергей Львович Бабаян^{3,4}, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права; старший научный сотрудник;
bsl09@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

¹ Юридический факультет Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, 390000, Рязань, ул. Семинарская, 15, Россия

² Санкт-Петербургский университет ФСИН России, 196602, Санкт-Петербург, Пушкин, ул. Саперная, 34, Россия

³ Российский государственный университет правосудия, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69, Россия

⁴ Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Москва, ул. Нарвская, 15 А, стр. 1, Россия

Реферат

Введение. Современная уголовно-исполнительная политика нашего государства, организация исправительного процесса в условиях совершенствования уголовно-исполнительного законодательства диктуют необходимость поиска новых подходов к исправлению осужденных. Особенно актуальным данное направление представляется в рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. В указанной сфере общественных отношений самостоятельную нишу занимают психологические критерии степени исправления осужденных, позволяющие определить достоверность процесса исправления. Цель — выявление и комплексный анализ психологических критериев степени исправления осужденных к лишению свободы. **Результаты и обсуждение.** В уголовно-исполнительном законодательстве не закреплены степени исправления осужденных к лишению свободы, критерии их исправления фрагментарно отражаются в рамках реализации некоторых законных интересов осужденных. Представляется необходимым предусмотреть на законодательном уровне степени и критерии исправления осужденных, в том числе психологические, установив зависимость достижения степени и критерия исправления с наступлением тех или иных правовых последствий. Изучаются понятия «исправление» и «исправление осужденных», формируется авторский вариант понимания данного процесса. Предложены группы критериев оценки степени исправления осужденных, которые необходимо учитывать при определении той или иной степени исправления. Предложена балльная система оценки степени исправления осужденных. Обоснована необходимость законодательного закрепления зависимости достижения степени исправления осужденных от наступления тех или иных правовых последствий (сужение либо расширение объема правоограничений). **Выводы.** Приводится авторская классификация критериев степени исправления осужденных, в том числе группа психологических критериев.

Ключевые слова: исправление, осужденный, критерий, степень исправления, прогрессивная система

Для цитирования: Южанин В. Е., Горбань Д. В., Бабаян С. Л. Критерии степени исправления осужденных к лишению свободы: постановка проблемы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 89–96. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-89-96>

Scientific and Practical Article

UDC 343.8 © V. E. Yuzhanin, D. V. Gorban', S. L. Babayan, 2023

doi: 10. 24412/1999-6241-2023-192-89-96

5.1.4. Criminal Law Sciences

Criteria for the Degree of Correction of the Imprisoned Convicts: Setting the Problem

Vyacheslav E. Yuzhanin¹, Doctor of Science in Law, Professor, Professor at the chair of Criminal Law and Criminology, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation; yuzhanin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>

Dmitry V. Gorban'², Candidate of Science in Law, chief of the chair of Organization of Execution of Penalty; dimas8807@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9442-7712>

Sergey L. Babayan^{3,4}, Doctor of Science in Law, Associate-Professor, Professor at the chair of Criminal Law, senior researcher; bsl09@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

¹ Law faculty of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 15 Seminarskaya st., Ryazan, 390000, Russia

² St. Petersburg University of Russian Federal Penitentiary Service, 34 Sapernaya st., St. Petersburg, 196602, Russia

³ Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya st., Moscow, 117418, Russia

⁴ Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service, 15 A, bld. 1, Narvskaya st., Moscow, 125130, Russia

Abstract

Introduction. The modern penal-executive policy of our state, the organization of the correctional process in the context of improving the penitentiary legislation demand new approaches to the correction of convicts. This area is especially relevant in the framework of the implementation of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030. In this area of public relations, an independent niche is occupied by psychological criteria for the degree of correction of convicts, which make it possible to determine the reliability of the correction process. The goal is to reveal and make a comprehensive analysis of the psychological criteria for the degree of correction of those sentenced to deprivation of liberty. **Results and Discussion.** The penal-executive legislation does not provide for the degree of correction of convicts sentenced to deprivation of liberty, the criteria for their correction fragmentarily reflected in the framework of the implementation of some of the legitimate interests of convicts. It is considered necessary to provide at the legislative level the degree and criteria for the correction of convicts, including psychological ones, and establish the dependence of achieving the degree and the criterion of correction on arising of certain legal consequences. The concepts of "correction" and "correction of convicts" are studied, the authors' version of understanding this process is formed. Groups of criteria for assessing the degree of correction of convicts are proposed, which must be taken into account when determining a particular degree of correction. A scoring system has been developed to assess the degree of correction of convicts. The authors prove it necessary to consolidate in legislation dependence of convicts' achieving a certain degree of correction upon arising of certain legal consequences (narrowing or extension of legal restraints). **Conclusions.** The article contains the authors' classification of criteria for the degree of correction of convicts, including a group of psychological criteria.

Keywords: correction, convict, criterion, degree of correction, progressive system

Citation: Yuzhanin V. E., Gorban' D. V., Babayan S. L. Criteria for the Degree of Correction of the Imprisoned Convicts: Setting the Problem. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 89–96 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-89-96>

Основные положения

1. Предложены самостоятельные группы критериев оценки степени исправления осужденных к лишению свободы, в том числе психологические. Процесс исправления осужденных должен быть законодательно связан с критериями (ориентирами), позволяющими оценить его прогресс.

2. Обосновано закрепление в действующем законодательстве механизма определения степени исправления осужденных. Для легитимизации процесса установления степени исправления осужденных необходимо предусмотреть в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации состав аттестационной комиссии, полномочия и процедуру принятия решений.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Одним из важных документов стратегического

планирования в сфере исполнения уголовных наказаний на ближайшее десятилетие является Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (далее — Концепция), в которой в качестве одной из главных целей указано исправление осужденных. О приоритетности исправления осужденных в организации исправительного процесса заявляют отдельные авторы [1].

Исправление осужденных в Концепции позиционируется как основная цель уголовно-исполнительного законодательства РФ. Таким образом, следующая цель, закрепленная в ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ), — предупреждение совершения новых преступлений — несколько отходит на второй план. В Концепции об этом лишь кратко упоминается в контексте сниже-

ния рецидива преступлений за счет предполагаемого создания системы пробации. Напрямую о достижении второй цели уголовно-исполнительного законодательства РФ в Концепции не говорится.

Актуальным становится вопрос изучения степени эффективности применяемых средств исправления, проводимых мероприятий воспитательного, психологического, педагогического, режимного характера и т. д. в целях исправления осужденных¹.

Умение правильно оценить степень исправления включает в себя выявление положительной или отрицательной динамики изменения личности.

При исправлении осужденного важно правильно спланировать и реализовать индивидуальную программу данного процесса, изучить личность осужденного, наметить основные ориентиры и цели и достигнуть их. Реальная оценка позволит сотрудникам более целенаправленно осуществлять индивидуальные и групповые коррекционные и воспитательные программы по реабилитации осужденных [2].

Вопрос о критериях оценивания степени исправления осужденных находится в фокусе интереса многих наук (юридической, психологической, педагогической, социологической и т. д.). Однако каждая наука рассматривает исправление осужденных и критерии его достижения под своим ракурсом, нередко довольно узким. Таким образом, в науке не сложилось унифицированного подхода к исправлению осужденных, а также критериям достижения результата данного процесса. Постоянно развивающиеся общественные отношения, законодательство диктуют необходимость внесения определенных коррективов в понимание исправления осужденных. Достаточно актуальным научным направлением представляется исследование психологических критериев исправления осужденных, учет которых поможет объективно принять решение о достижении или недостижении осужденным внутреннего исправления.

Предмет исследования составляют правовые нормы действующего уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующие процесс исправления осужденных к лишению свободы, а также устанавливающие отдельные критерии оценки степени исправления.

Цель исследования — выявление и комплексный анализ психологических критериев степени исправления осужденных к лишению свободы.

Результаты и обсуждение

Понятие «исправление осужденных». В первую очередь нам необходимо остановиться на анализе понятий «исправление» и «исправление осужденно-

го». Сначала обратимся к подходу законодателя к исследуемому вопросу. Так, исправление осужденного предусмотрено в двух федеральных законах, что говорит о межотраслевом характере указанного явления: цель уголовно-исполнительного законодательства в целом (ч. 1 ст. 1 УИК РФ) и цель уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Необходимо также отметить, что при формулировке целей наказания в уголовном законе исправление осужденных упоминается после восстановления социальной справедливости, на основании чего можно судить о первостепенности этой цели по восстановлению социальной справедливости (в ч. 1 ст. 1 УИК РФ данная цель не упоминается, что неоднократно обсуждалось в научной литературе).

Понятие «исправление» закреплено в ч. 1 ст. 9 УИК РФ. В уголовном законе цели наказания, состоящей в исправлении осужденного, не отведено самостоятельной нормы. Термин «исправление» не раз вызывал бурную научную дискуссию, ученые рассуждают о различных видах исправления: нравственном, юридическом (правовом) и др. Большинство позиций ученых по данному вопросу акцентировано на том, что в УИК РФ исправление закреплено как цель, а само понятие подразумевает в своем содержании не цель, а процесс [3].

Если законодатель все-таки употребляет указанный термин в контексте процесса, то его необходимо заменить на термин «исправительное воздействие», который предполагает осуществление определенного процесса.

Т. Ф. Минязева и Д. А. Добряков отмечают, что законодательное понятие исправления в первую очередь ориентировано на личность [4, с. 64]. А. А. Синичкин говорит о том, что законодательное понятие исправления необходимо рассматривать с позиций расширительной его трактовки [2, с. 115].

В научной литературе неоднократно поднимался вопрос об исключении цели исправления осужденных из УИК РФ ввиду сложности ее достижения и выполнения, особенно на современном этапе развития общественных отношений и уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее — УИС РФ) в целом. Ученые рассуждают о том, достижима ли указанная цель, реальна ли она и возможно ли перестроить психологически личность осужденного таким образом, чтобы он впоследствии не совершал преступления и соблюдал правила человеческого общежития.

Отдельные авторы высказывали мнение об исключении цели исправления из уголовного закона [5, с. 47]. Н. А. Беляев предложил упразднить цель исправления как уголовно-правовую категорию и заменить ее

¹ Научно обоснованные психологические критерии степени исправления осужденных : аналитический обзор / Е. М. Климова, Ю. Е. Суслов, Ф. И. Кевля, П. Н. Казберов ; межрегиональные отделы психологической работы территориальных органов ФСИН России, ФКУ НИИ ФСИН России, УВСПР ФСИН России. М., 2019. 12 с.

социальными функциями, которые будут отражать реальную цель уголовного наказания². Сходную позицию занимает Т. П. Бутенко [6, с. 14].

Таким образом, существующее закрепление целей исправления осужденного как цели уголовного наказания и как цели уголовно-исполнительного законодательства ставится под сомнение учеными, но не самим законодателем.

В науке актуальна дискуссия о допустимости распространения уголовно-исполнительного понятия исправления на уголовно-правовое исправление как цель уголовного наказания.

Некоторые ученые отграничивают уголовно-правовое исправление от уголовно-исполнительного [7, с. 55]. Исправление как результат и процесс деятельности имеет самостоятельное правовое значение в уголовном и уголовно-исполнительном праве [8, с. 105]. Другие ученые приравнивают и имплементируют понятия уголовно-правового и уголовно-исполнительного исправления³. В. Н. Орлов указывает, что в первоочередном порядке необходимо сформулировать и закрепить понятие исправления в УК РФ, а затем уже с учетом этого регламентировать его в УИК РФ [9, с. 140]. Тем не менее это могут быть два абсолютно разных юридических термина.

Далее рассмотрим понятия «исправление» и «исправление осужденных», предлагаемые различными учеными. Исправление в психологии понимается с позиций изменения личности и ее определенной трансформации [10, с. 149]. Исправление вообще человека, а не осужденного основано на использовании социальных и педагогических возможностей государственных и общественных институтов той среды, в которой он находится, проживает, учится, работает и пр.

Чем отличается исправление осужденного от исправления человека вообще? По мнению А. И. Зубкова, исправление осужденного предполагает формирование новой личности с положительными внутренними и внешними качествами [11]. Б. Б. Казак видит в исправлении комплексную общегосударственную задачу [12]. Н. А. Беляев характеризует исправление как обязательную задачу, достижение которой предполагается при исполнении наказания. В сознании исправившегося преступника, считает автор, должны произойти определенные изменения, при которых он будет социально безопасен после освобождения [13, с. 170].

В. В. Агильдин и А. В. Пузикова в процессе исправления осужденного особое внимание обращают

на необходимость возмещения преступником причиненного вреда или попытки загладить его. На их взгляд, без указанного критерия нельзя говорить об исправлении в чистом виде [3, с. 15]. С точки зрения А. И. Ушатикова, исправление осужденных предполагает реабилитацию, снижающую издержки изоляции от общества, и оптимальное вхождение в социум после освобождения⁴.

А. Я. Гришко пишет, что исправление заключается прежде всего в недопущении осужденным нового преступления как во время отбывания наказания, так и после его отбытия. Отмечая смежность понятий «предупреждение» и «исправление», тем не менее ученый указывает на их самостоятельность. Исправление по отношению к предупреждению — процесс более глубокий [14, с. 46]. Э. В. Зауторова под исправлением осужденных подразумевает воспитание у них правопослушного поведения, соответствующего нравственным и правовым нормам, принятым в обществе и государстве (на уровне действующего уголовного законодательства)⁵.

Таким образом, если исправление человека вообще обуславливается его социальной средой обитания в обществе, то исправление осужденного — средой пребывания его в пенитенциарном учреждении. Исправление осужденного определяется критериями, которые искусственно созданы для него уголовно-исполнительным законодательством и УИС РФ в целом: его отношением к режиму, труду в исправительном учреждении (далее — ИУ), обучению, к наказанию и пр. Следование этим критериям не всегда говорит об исправлении, так как осужденный после отбытия наказания может не соответствовать новым социальным требованиям, которые станут предъявляться к нему во время пребывания в социуме. Вот почему важно решать проблему не только исправления осужденного, но и его ресоциализации. Поэтому важно выяснить критерии степени исправления осужденного, насколько они совпадают с общественными запросами.

Критерии степени исправления осужденных. Проблема определения степени исправления очень важна, так как многие осужденные освобождаются из ИУ преждевременно, без достижения нормального уровня коррекции, и продолжают совершать преступления.

М. Г. Дебольский говорит о необходимости поиска критериев исправления осужденных применительно к их условно-досрочному освобождению [15, с. 37].

² Уголовное право на современном этапе: проблемы преступления и наказания : учеб. пособие / Н. А. Беляев, В. В. Орехов, В. С. Прохоров [и др.]. СПб., 1992. С. 117–119.

³ Иванов В. Д. Уголовное право. Общая часть : учеб. для высш. юрид. учеб. заведений. Ростов н/Д, 2002. С. 192.

⁴ Ушатиков А. И. Исправление осужденных. Преступление и наказание от «Ф» до «Я» (словарь по пенитенциарной психологии) / под общ. ред. Д. В. Сочивко. М., 2009. С. 106.

⁵ Зауторова Э. В. Пенитенциарная педагогика : учеб. пособие. Вологда, 2013. С. 16.

Одним из основных аспектов проблемы достижения цели исправления является ее достижимость [16]. В уголовно-исполнительном законодательстве предполагается закрепление различных степеней исправления осужденного. Ранее действовавший ИТК РСФСР 1970 г. предусматривал такие степени. От той или иной степени исправления осужденного должно зависеть расширение либо сужение объема уголовно-исполнительных ограничений в отношении него.

Современные условия общества, следовательно, продолжающийся процесс реформирования УИС РФ, принятие Концепции обосновывают необходимость разработки новых критериев степени исправления осужденных, в том числе психологических. Это в первую очередь связано с тем, что совершенствование уголовно-исполнительной системы преследует обеспечение максимального психолого-педагогического эффекта в достижении целей уголовного наказания.

При этом следует отметить, что критерии степени исправления осужденного всегда носят оценочный характер и имеют субъективную природу.

Рассмотрим различные критерии и степени исправления осужденных, обсуждаемые в научной литературе советского периода и в современных научных исследованиях, в том числе и самостоятельную группу психологических критериев, имеющих значение в процессе исправления осужденных.

В. М. Поздняков основным критерием исправления осужденного называет прогресс его ресоциализации [17, с. 36; 18, с. 45].

Для оценки исправления осужденного важно классифицировать основную массу осужденных по различным основаниям. В числе базовых критериев исправления авторами предлагается возмещение причиненного вреда [19].

А. С. Севрюгин выделяет качественные и количественные показатели исправления осужденных, предлагая математический расчет тех или иных критериев исправления осужденных с учетом общей их массы [20, с. 45].

Попытка установления критериев исправления осужденных, определенных степеней (ступеней) исправления и механизма реализации данных критериев с учетом расширения (сужения) правового положения осужденных была предпринята в рамках эксперимента по внедрению системы «социальных лифтов». Указанный эксперимент был достаточно позитивным и дал положительный эффект.

На сегодняшний день представляется возможным переработать ранее действовавшие в ходе эксперимента методические рекомендации в соответствии с современными условиями реформирования УИС РФ, согласовать их в установленном порядке со всеми заинтересованными структурными подразделениями ФСИН России и закрепить в форме приказа ФСИН

России с последующим внедрением во все исправительные учреждения.

Критерии степени исправления осужденных необходимо законодательно связать с достижением ими определенной степени исправления и с наступлением для них существенных правовых последствий при достижении той или иной степени исправления (расширение либо сужение объема правоограничений и т. д.).

По нашему мнению, критерии оценки степени исправления осужденных должны быть разделены на самостоятельные группы:

1) психологические: изменение правосознания осужденного (признание вины, раскаяние и др.);

2) связанные с трудовой деятельностью осужденного: трудоустройство, добросовестное отношение к труду и др.;

3) связанные с обучением осужденных: обучение в школе, получение профессии или высшего образования и др.;

4) характеризующие стремление осужденного к связям с социальной законопослушной средой в условиях изоляции, в том числе к поддержанию социально полезных связей: общение с семьей (свидания, переписка и др.), вступление в брак и др.;

5) связанные с отношением к воспитательному воздействию, проявлением выраженной жизненной и нравственной позиции, а также общественной активности внутри исправительного учреждения: участие в спортивных, патриотических и культурно-массовых мероприятиях и др.;

6) относящиеся к поведению в период отбывания наказания, соблюдению правил внутреннего распорядка ИУ: наличие поощрений, отсутствие дисциплинарных взысканий и др.;

7) характеризующие состояние здоровья и эмоционально-волевой сферы осужденного.

Каждый критерий должен равняться соответствующему количеству баллов, которые в совокупности могут свидетельствовать о достижении осужденным определенной степени исправления.

Например, максимально возможное количество баллов составляет 100, а для достижения осужденным первой положительной степени исправления необходимо 20 баллов. Достижение того или иного критерия может оцениваться различным количеством баллов. Например, признание вины — 2 баллами, длительное свидание с родственниками — 3 баллами, получение благодарности — 4 баллами и т. д. Для регрессивной системы отбывания наказания должны быть также предусмотрены баллы, которые будут указывать на отрицательную динамику в исправлении осужденного и повлекут увеличение объема правоограничений.

Тем не менее наличие определенных критериев степени исправления и установленного количества баллов не будет означать обязательности соответствия какой-

либо степени исправления и наступления правовых последствий для осужденных. Данные вопросы должны решаться на заседании административной (аттестационной) комиссии, состоящей из сотрудников территориального органа, ИУ и иных ее членов, с учетом личности осужденного и комплекса иных факторов.

Одним из основных критериев степени исправления осужденного должна быть проверка (испытание) его поведения в открытых условиях отбывания наказания.

Степени исправления осужденных. Соответствие тем или иным критериям может свидетельствовать о достижении осужденными определенной степени исправления.

В научной литературе обсуждались различные подходы к степеням исправления осужденных. Ученые в основном опирались на положения ранее действовавшего ИТК РСФСР 1970 г., в котором предусматривались те или иные степени исправления осужденных [21; 22, с. 18].

В качестве положительного примера из опыта стран СНГ мы можем привести ст. 95 УИК Республики Казахстан о различных степенях поведения (исправления). Для положительно характеризующихся осужденных — первая, вторая и третья положительные степени поведения; для отрицательно характеризующихся — первая, вторая и третья отрицательные степени поведения. Степень поведения осужденного является основанием для наступления правовых последствий в виде расширения либо сужения объема правоограничений.

По нашему мнению, в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве необходимо связать критерии исправления осужденных, степени исправления, наступление правовых последствий достижения той или иной степени исправления с понятиями прогрессивной и регрессивной систем отбывания наказаний [23, с. 118–220].

Психологические критерии степени исправления осужденных. Для определения психологических критериев степени исправления осужденных необходимо использование комплексного психодиагностического инструментария, в том числе психологических тестов (опросников), методик и исследований [10, с. 150].

Е. В. Дежурова полагает, что необходимо создать установку осужденного на раскаяние, перестроить его установки по отношению к преступлению и наказанию, и выделяет компоненты психологического критерия исправления осужденных: эмоционально-волевой; когнитивный; мотивационный; поведенческий. В содержание поведенческого компонента автор включает исполнение религиозных обрядов, посещение храма [24, с. 49].

Е. В. Овчарова указывает на то, что, по данным методики Шмишека, психологическими критерия-

ми исправления осужденных являются: спокойный, ровный эмоциональный фон; способность прощать и забывать все плохое; жизнерадостность; склонность к переменам; ответственность. Перечисленные критерии были получены в результате эмпирического исследования. Общая выборка испытуемых составила 19 296 осужденных мужского пола, отбывающих наказание в исправительных учреждениях УФСИН России по Ярославской области, средний возраст которых 32 года [25].

В. Е. Бурый из всей совокупности критериев степени исправления осужденных предлагает выделять самостоятельные их группы, такие как уголовно-исполнительные и криминологические показатели; социальные и психолого-педагогические критерии (общие и конкретно-типологические).

К числу общих психологических критериев степени исправления осужденных автор относит следующие: уровень агрессивности и конфликтности личности (высокий, средний, низкий); постановку на учет у нарколога и (или) психоневролога (психиатра) медицинской части ИУ (состоит, не состоит, состоял, но снят) [26, с. 25].

Конкретно-типологические критерии исправления осужденных проявляются в адекватном уровне притязаний, способности разрешения внутрличностного конфликта между «Я-хочу» и «Я-имею», согласованности системы потребностей и ценностных ориентаций, показателе эмоционально-волевого контроля, самооценке, наличии психических расстройств и акцентуаций характера и степени нейтрализации увлеченности криминальным образом [27].

Важным направлением в практике деятельности ИУ является психологическое изучение особенностей «Я-концепции» осужденных, а также взаимосвязи «Я-концепции» с понятиями «самосознание», «Я-образ», «самооценка», «самопознание» [28].

По нашему мнению, психологические критерии степени исправления осужденных относятся к основополагающим в современных условиях реформирования УИС РФ. Их учет и оценка, анализ в наибольшей степени свидетельствуют о достижении либо недостижении цели исправления осужденного, в связи с тем что исправление по своей сути является очень сложным внутренним психологическим процессом.

Механизм определения степени исправления осужденных. Важным моментом определения степени исправления осужденного выступает законодательное закрепление указанного механизма.

В целях легитимизации процесса установления степени исправления осужденных, на наш взгляд, необходимо предусмотреть в УИК РФ состав аттестационной комиссии, ее полномочия и процедуру принятия решений.

Предложения по созданию аттестационных комиссий, регулирующих вопросы изменения правового положения осужденного (изменение условий отбывания наказания, предоставление бесконвойного передвижения, проживание осужденных за пределами ИУ, изменение вида ИУ и др.), поддерживаются и обосновываются некоторыми учеными [29, с. 26]. В данную комиссию обязательно следует включить представителей территориального органа ФСИН России, а именно начальника (заместителя) начальника территориального органа, сотрудников заинтересованных отделов территориального органа, а также представителя прокуратуры, надзирающего за местами лишения свободы, начальника ИУ, его заместителей, руководителей заинтересованных структурных подразделений по направлениям деятельности, членов общественной наблюдательной комиссии и др.

Выводы

Процесс исправления осужденных должен быть связан с критериями (ориентирами), позволяющими оценить его прогресс.

Критерии оценки степени исправления осужденных должны быть разделены на самостоятельные группы:

- 1) психологические: изменение правосознания осужденного (признание вины, раскаяние и др.);
- 2) связанные с трудовой деятельностью осужденного: трудоустройство, добросовестное отношение к труду и др.;
- 3) связанные с обучением осужденных: обучение в школе, получение профессии или высшего образования и др.;
- 4) характеризующие стремление осужденного к связям с социальной законопослушной средой в условиях изоляции, в том числе к поддержанию социально полезных связей: общение с семьей (свидания, переписка и др.), вступление в брак и др.;
- 5) связанные с отношением к воспитательному воздействию, проявлением выраженной жизненной и нравственной позиции, а также общественной активностью внутри исправительного учреждения: участие

в спортивных, патриотических и культурно-массовых мероприятиях и др.;

6) относящиеся к поведению в период отбывания наказания, соблюдению правил внутреннего распорядка ИУ: наличие поощрений, отсутствие дисциплинарных взысканий и др.;

7) характеризующие состояние здоровья осужденного и эмоционально-волевой сферы.

Тот или иной критерий должен равняться соответствующему количеству баллов, которые в совокупности могут свидетельствовать о достижении осужденным определенной степени исправления. Для положительно характеризующихся осужденных предлагается установить пять степеней исправления.

В отечественном уголовно-исполнительном законодательстве необходимо связать критерии исправления осужденных, степени исправления, наступление правовых последствий достижения той или иной степени исправления с понятиями прогрессивной и регрессивной систем отбывания наказаний.

По нашему мнению, для легитимизации процесса установления степени исправления осужденных необходимо предусмотреть в УИК РФ состав аттестационной комиссии, полномочия и процедуру принятия решений.

Перспективы. Затронутая в настоящей статье тема исследования представляется нам достаточно перспективной в связи с тем, что соответствует основным направлениям современной уголовно-исполнительной политики нашего государства.

Развитие рассматриваемой тематики очень актуально в рамках предполагаемого создания учреждений объединенного типа в структуре исправительных учреждений УИС РФ. Определение четких критериев (в том числе психологических) и степеней исправления осужденных позволит наиболее полно и качественно выстраивать исправительный процесс в учреждениях указанного вида и переводить осужденных в рамках одного учреждения на различные виды режима (участки) в предусмотренных законодательством случаях.

Список источников

1. Кириллова Т. В. Принцип приоритета цели исправления в организации исправительного воздействия на осужденных // Перспективы науки. 2021. № 2(137). С. 20–22.
2. Синичкин А. А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2003. 260 с.
3. Агильдин В. В., Пузикова А. В. Исправление осужденных как цель // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11, № 1. С. 50–56. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2020.11\(1\).14](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2020.11(1).14).
4. Миняева Т. Ф., Добряков Д. А. Исправление осужденного (преступника) как цель наказания // Евразийская адвокатура. 2016. № 2(21). С. 63–66.
5. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. 160 с.
6. Бутенко Т. П. Исправление осужденных как цель наказания в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве // Политика и право: ученые записки / отв. ред. С. В. Чердаков. Благовещенск, 2014. С. 8–16.
7. Зубкова В. И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. 120 с.

8. Шевцов Ю. Л. Исправление осужденных как цель уголовного и уголовно-исполнительного права // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 2. С. 100–107.
9. Орлов В. Н. Исправление осужденного как цель уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007. № 4. С. 139–144.
10. Труш В. М., Гомонов Н. Д., Тимохов В. П. Психологические критерии процесса исправления осужденных к лишению свободы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9-1. С. 147–161.
11. Зубков А. И. Юридическое значение цели исправления осужденных к лишению свободы // Преступление и наказание. 1998. № 4. С. 27–29.
12. Казак Б. Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы / под ред. С. Н. Пономарева, С. А. Дьячковского. Рязань, 2002. 324 с.
13. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986. 176 с.
14. Гришко А. Я. Понятия в уголовно-исполнительном праве: результаты криминологического и уголовно-исполнительного анализа // Вестник Кузбасского института. 2021. № 4(49). С. 41–49.
15. Дебольский М. Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных // Психология и право. 2014. № 1. С. 35–49.
16. Alexander Yu. Epikhin & Oleg A. Zaytsev & Sergei V. Tasakov & Elena V. Nechaeva & Andrey V. Mishin & Gulnar I. Aliyeva. The Purpose of «Correction» in the Russian Criminal and Criminal and Executive Law. *Journal of Politics and Law*. 2019. Vol. 12, No 5. Pp. 6–9.
17. Поздняков В. Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 2. С. 34–36.
18. Поздняков В. Критерии оценки исправления осужденного: какими им быть? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 8. С. 42–45.
19. Alexander Yu. Epikhin & Oleg A. Zaytsev & Sergei V. Tasakov & Elena V. Nechaeva & Timur R. Mukhametshin. The Correctional Process in Russian Penitentiary Institutions. *The Journal of Social Sciences Research, Academic Research Publishing Group*. 2018. Vol. 4, No 11. Pp. 183–186.
20. Севрюгин А. С. Критерии и показатели исправления и перевоспитания осужденных. Рязань, 1989. 80 с.
21. Хаитжанов А. А. К вопросу об определении степени оценки исправления осужденного, содержащегося в местах лишения свободы // Надежность и качество : тр. междунар. симпозиума : в 2. Пенза, 2006. Т. 2. С. 253–254.
22. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М., 1974. 136 с.
23. Южанин В. Е., Горбань Д. В. Режим и меры предупреждения правонарушений среди осужденных в системе исполнения наказания в виде лишения свободы. М., 2018. 492 с.
24. Дежурова Е. В. К вопросу об определении психологических критериев степени исправления осужденных // Пенитенциарная социально-психологическая работа: проблемы и перспективы : межвуз. науч.-практ. семинар, посвященный 70-летию со дня рождения д-ра психол. наук, проф. Сухова А. Н. Рязань, 2019. С. 44–50.
25. Овчарова Е. В. Психологические критерии исправления осужденных // Прикладная юридическая психология. 2021. № 2(55). С. 71–75. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2021.2\(55\).071-075](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2021.2(55).071-075).
26. Бурый В. Е. Научно-методические рекомендации по криминологическому прогнозированию поведения осужденных, досрочно освобождаемых из мест лишения свободы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 3. С. 20–28.
27. Бурый В. Е. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы. Могилев: М., 2016. URL: <http://www.institutemvd.by/images/NIO> (дата обращения: 15.06.2022).
28. Adas'kova S. B. Theoretical analysis of approaches to the study of I-concept in the context of convicts' correction'. *International penitentiary journal*. 2021. Vol. 3(1–3). Pp. 21–25. [https://doi.org/10.33463/2712-7737.2021.03\(1-3\).1.021-025](https://doi.org/10.33463/2712-7737.2021.03(1-3).1.021-025).
29. Березиков С. В. Правовые и организационные аспекты обеспечения эффективности дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 31 с.
Поступила 17.07.2022; одобрена после рецензирования 20.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.
Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 340.312 © В. В. Кожевников, В. О. Зверев, Л. И. Войнаровская, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-97-102

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Виды правосознания в правопедении и возможная их деформация

Владимир Валентинович Кожевников¹, доктор юридических наук, профессор;

cta6973@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1323-4167>

Вадим Олегович Зверев², доктор исторических наук, начальник кафедры психологии и педагогики;

zverevoma@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5179-8599>

Людмила Ивановна Войнаровская³, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий;

voinalu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3521-8504>

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а, Россия

² Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

³ Северо-Западный институт управления РАНХиГС, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект, Васильевский Остров, 57/43, Россия

Реферат

Введение. Правосознание, являясь частью национальной правовой системы государства, оказывает большое влияние на правотворчество и правоприменение, выступает предпосылкой правового поведения граждан. Цель — уточнение видов правосознания в отечественном правопедении. **Материалы, результаты и обсуждение.** Использовались теоретические концепции и разработки отечественных ученых-юристов в области правосознания. Применялась система методов исследования правовых явлений. Рассматриваются виды правосознания с точки зрения его субъектов (носителей) — индивидуальное, групповое, массовое и общественное; уровни правосознания — обыденное, профессиональное и научное. Уточняется, что массовое правосознание — это разновидность группового, характерного для динамичных социальных групп населения. Обращается внимание на профессиональную деформацию правосознания правоприменяющих субъектов органов внутренних дел в разнообразных формах ее проявления. **Выводы.** Массовое правосознание не выделяется в качестве вида, а является групповым правосознанием динамичных социальных групп населения. С позиции уровня правосознания следует рассматривать не профессиональное правосознание, а практическое, учитывая наличие профессиональных деформаций в различных их формах.

Ключевые слова: правосознание, субъекты правосознания, уровни правосознания, массовое правосознание, практическое правосознание

Для цитирования: Кожевников В. В., Зверев В. О., Войнаровская Л. И. Виды правосознания в правопедении и возможная их деформация // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 97–102. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-97-102>

Scientific and Practical Article

UDC 340.312 © V. V. Kozhevnikov, V. O. Zverev, L. I. Voynarovskaya, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-97-102

5.1.1. Theoretical and Historical Law Sciences; 5.3.9. Legal Psychology and Psychology of Security

Types of Legal Consciousness in Jurisprudence and their Possible Deformation

Vladimir V. Kozhevnikov¹, Doctor of Science in Law, Professor; cta6973@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1323-4167>

Vadim O. Zverev², Doctor of Science in History, chief of the chair of Psychology and Pedagogy;

zverevoma@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5179-8599>

Lyudmila I. Voynarovskaya³, Candidate of Science in History, Associate-Professor at the chair of Social Tehnologies;

voinalu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3521-8504>

¹ Dostoevsky Omsk State University, 55a Mira pr., Omsk, 644077, Russia

² the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

³ North-West Institute of Management of RANEP, 57/43 Sredny prospect Vasilievsky ostrov, St. Petersburg, 199178, Russia

Abstract

Introduction. Legal consciousness, being a part of national legal system of the state, has a great impact on lawmaking and law enforcement, and is prerequisite for the legal behavior of citizens. The goal is to specify the types of legal consciousness in domestic jurisprudence. **Materials, Results and Discussion.** Theoretical concepts and developments made by domestic law scholars in the field of legal consciousness were employed. A system of methods for studying legal phenomena was applied. Under consideration are such types of legal consciousness, from the view of its subjects (bearers), as individual, group, mass and social; and levels of legal consciousness — common, professional and scientific. It is clarified that mass legal consciousness is a kind of group consciousness, typical for dynamic social groups of the population. The focus is made on the professional deformation of legal consciousness of law enforcement subjects of the Internal Affairs' bodies in various forms of its manifestation. **Conclusions.** Mass legal consciousness is not specified as a separate type, but rather as a group legal consciousness of dynamic social groups of the population. From the view of legal consciousness it is reasonable to consider not professional legal consciousness, but the practical one, professional deformations in their different forms taken into account.

Keywords: legal consciousness, subjects of legal consciousness, levels of legal consciousness, mass legal consciousness legal consciousness, practical legal consciousness

Citation: Kozhevnikov V. V., Zverev V. O., Voynarovskaya L. I. Types of Legal Consciousness in Jurisprudence and their Possible Deformation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 97–102 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-97-102>

Основные положения

1. Правосознание — совокупность чувств, настроений, представлений, взглядов и т. п., в которых выражено отношение к действующему праву, к вновь создаваемым юридическим нормам, ко всей государственно-правовой действительности.

2. Правосознание в юридической науке подразделяется по субъектам (носителям) правосознания и по его уровню.

3. Профессиональная деформация правосознания правоприменяющих субъектов проявляется в разнообразных формах и обуславливает негативные последствия в оценке населением деятельности соответствующих правоохранительных органов.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Актуальность обуславливается тем обстоятельством, что правосознание как часть национальной правовой системы пронизывает все стадии правотворческого процесса; оказывает влияние на осуществление правовых норм гражданами; играет важную роль в правоприменении [1–3]. Правосознание — это своеобразный фильтр, через который пропускаются различные факторы, влияющие на право. В свое время Е. А. Лукашева подчеркивала, что «правосознание, отражая объективные условия общественного развития, направляет, регулирует и координирует социальную практическую деятельность людей, преобразуясь в ходе этой деятельности, наполняясь новым содержанием» [4, с. 5].

Цель исследования — уточнить виды правосознания в отечественном правоповедении.

Результаты и обсуждение

Среди проблем правосознания необходимо обратить внимание на его виды, т. е. классификацию. В отечественной юридической литературе классификация традиционно представляется с учетом таких оснований, как а) субъекты (носители) правосознания; б) его уровень.

Субъекты правосознания. С точки зрения первого критерия правосознание дифференцируется на 1) индивидуальное; 2) групповое и 3) общественное¹ [4, с. 6]. В энциклопедическом юридическом словаре указывается, что «правосознание — категория теории государства и права и криминологии, означающая сферу общественного, группового и индивидуального сознания, связанную

с отражением правозначимых явлений и обусловленную правозначимыми ценностями, правопониманием, представлением должного правопорядка»². Обращая внимание на другое деление видов правосознания, полагаем, что первый вариант является более оправданным.

Индивидуальное правосознание складывается у отдельного человека под воздействием разнообразных факторов и отношений, в которые он вступает, а также его психологических свойств. Уровень культуры, образования, социальное положение и др. обуславливают особенности правосознания каждого человека. **Групповое правосознание** отражает специфику той или иной социальной группы. Общность интересов членов группы определяется сходством восприятия ими государственно-правовой действительности, в том числе единообразным представлением о том, каким должно быть право. В этом плане можно говорить о правосознании молодежи, судей, адвокатов, врачей, педагогов и т. д. **Общественное правосознание** связано с характером отношений к праву в обществе. Оно обусловлено индивидуальным и групповым правосознанием, но не сводится к нему. Вместе с тем общественное правосознание непосредственно воздействует на правосознание индивидуальное и групповое.

В рамках данной классификации рассматривается и такой вид правосознания, как **массовое**, которому ученые придают следующий смысл. Есть авторы, отождествляющие массовое правосознание с групповым. Так, Р. Х. Макуев утверждал, что «общественное (массовое) правосознание — правосознание гражданского общества, основанное на результате оценки (на уровне теории, психологии или их симбиоза) исторической практики взаимодействия с государством. Это правосознание макроколлектива (нации, населения, страны, континента, мирового сообщества, исторической эпохи)»³. Думается, что указанной точки зрения придерживается и В. И. Червонюк, считающий, что, в отличие от индивидуального и группового, массовое правосознание менее ситуативно, имеет свои, особенные формы выражения, например проявляется в ходе общенациональных выборов, референдумов. Автор полагает, что «индивидуальное и групповое правосознание подвержено действию массового правосознания»⁴. В философском словаре также подчеркивается, что «массовое сознание (в том числе

¹ Соколов Н. Я. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права : учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2007. С. 425.

² Румянцев О. Г., Додонов В. Н. Энциклопедический юридический словарь. М., 1997. С. 240.

³ Макуев Р. Х. Теория государства и права : учебник. М., 2010. С. 417.

⁴ Червонюк В. И. Теория государства и права : учебник. М., 2006. С. 462, 463.

и правосознание. — *Авт.*) — общественное сознание масс (классов, социальных групп, конкретного общества), отражающее условия их повседневной жизни, потребности, интересы». Оно «включает в себя распространенные в обществе идеи, взгляды, представления, иллюзии, социальные чувства людей»⁵. В. К. Самигуллин, выделяя следующие «срезы» правосознания: индивидуальное, групповое и массовое, поясняет, что «носителем индивидуального правосознания является отдельный человек, группового — группа, массового — неорганизованная группа людей, объединенная какой-то идеей, целью» [5, с. 6]. Автор, конкретизируя свою позицию, пишет, что носителем массового сознания, которое «питается» слухами, мифами, искаженными представлениями о законах и практике их осуществления, является масса, которая с трудом поддается классификации, ибо «оно представляет правосознание и „дна“ общества, и людей, относящихся к благополучным социальным слоям; носителем массового правосознания может быть и больной человек, и здоровый, слепой и зрячий, алкоголик и трезвенник, необразованный и образованный, служащий и предприниматель, рабочий и безработный, свободный (несудимый), заключенный или освобожденный из мест заключения и т. д.» [5, с. 8]. В. К. Самигуллин полагает, что «здесь общим для правосознания всех является нелинейность, фрагментарность, инертность и неустойчивость, неровность в соотношении идеологического и социально-психологического компонентов, импульсивность, сочетание правды и кривды, погрешности в правовых знаниях, приблизительное представление о значимых юридических фактах, значительные произвольные допущения в рассуждениях и высказываниях» [5, с. 14].

На наш взгляд, указанная позиция должна быть подвергнута критике, ибо ученые, ее поддерживающие, исходят не из критерия субъекта (носителя) правосознания, а из степени распространенности правосознания.

Другая группа авторов, приверженцев массового правосознания, считает, что последнее характерно для нестабильных, временных объединений людей (митинги, демонстрации, бунтующая толпа)⁶. Полагаем, что и эта точка зрения является дискуссионной. В словаре С. И. Ожегова слово *массовый* толкуется как «совершаемый большим количеством людей, свойственный массе людей... распространяющийся на множество, многих...»⁷. Н. А. Пьянов, рассуждая о массовом правосознании и отмечая, что единообразного понимания этот вид правосознания не получил (одни отождествляют его с обыденным правосознанием, другие — с обще-

ственным, третьи считают его самостоятельным видом правосознания наряду с индивидуальным, групповым и общественным), писал, что массовое правосознание — это «обыденное правосознание, поскольку основная масса членов общества имеет самые общие, подчас весьма поверхностные представления о праве и других правовых явлениях»⁸.

Думается, что так называемое массовое правосознание — это тоже групповое правосознание, свойственное динамичным социальным группам, входящее в один вид с групповым правосознанием, характеризующее правосознание стабильных социальных групп. «Эта классификация правосознания вполне вписывается в следующую закономерность: общественное правосознание складывается из представлений о юридической действительности отдельных индивидов, отдельных социальных групп»⁹. Справедливости ради заметим, что закономерность в ряде случаев выражается следующим образом: «Общественное правосознание оказывает воздействие на групповое, которое, в свою очередь, накладывает отпечаток на индивидуальное»¹⁰.

Уровни правосознания. Как известно, большинство исследователей теории права с позиции данного критерия выделяют следующие виды: 1) обыденное правосознание, свойственное основной массе членов общества, формирующееся на базе повседневной жизни граждан в сфере правового регулирования. Для людей с этим уровнем правосознания характерно знание общих принципов права, у них правовые воззрения тесно переплетаются с нравственными представлениями; 2) профессиональное правосознание, которое складывается в ходе специальной подготовки (например, при обучении в юридическом образовательном учреждении), в процессе практической юридической деятельности. Субъекты этого уровня обладают специализированными, детализированными знаниями действующего правосознания, умениями и навыками его применения; 3) научное, теоретическое правосознание, характерное для исследователей, научных работников, занимающихся вопросами правового регулирования общественных отношений. В основном соглашаясь с предложенной классификацией правосознания, отметим, что подавляющее большинство ученых-юристов выступают сторонниками выделения профессионального правосознания. В. Н. Протасов и Н. В. Протасова считают, что «профессиональное правосознание является групповым правосознанием людей, получивших специальное юридическое образование и профессионально занимающихся юридической

⁵ *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. М., 1986. С. 265.

⁶ Баранов В. М. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание // *Теория государства и права : учебник* / под ред. В. К. Бабаева. М., 2007. С. 323, 333; Русинов Р. К. Правосознание и правовая культура // *Теория государства и права : учебник* / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2007. С. 212.

⁷ Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. М., 1984. С. 293.

⁸ Пьянов Н. А. *Консультации по теории государства и права : учеб. пособие*. Иркутск, 2010. С. 517.

⁹ Лазарев В. В., Липень С. В. *Теория государства и права : учебник*. М., 2010. С. 396.

¹⁰ Кожевников В. В. *Теория государства и права : учебник : в 2 частях*. М., 2021. Ч. 2. С. 275.

деятельностью. Профессиональное правосознание — это официально-должностное правосознание»¹¹. Н. Л. Гранат утверждала, что «профессиональное правосознание — это правовое сознание юристов... в зависимости от предмета отражения в правосознании юриста образуются сферы, соответствующие разным отраслям правовых отношений (например, хозяйственным, коммерческим, гражданско-правовым, уголовно-правовым, уголовно-процессуальным и т. д.)»¹². Т. Н. Радько, уточняя, пишет, что «профессиональное правосознание необходимо в определенном объеме не только юристам, но и тем сотрудникам различных органов и организаций, которые связаны с правовыми отношениями, правовыми документами (работники кадровых, социальных, коммерческих и т. п. служб), ибо их решения должны приниматься на основании и в рамках закона (назначение пенсии, определение меры взыскания, заключение договора и др.)»¹³.

Вызывает большие сомнения, что данный вид правосознания почти все ученые определяют как профессиональное. Дело в том, что тем самым каждый субъект правоприменения рассматривается как носитель профессионального правосознания. Между тем это далеко не так. И. М. Карелина полагает, что «профессионал — это квалифицированный (курсив наш. — Авт.) человек, продающий результаты своего труда. В отличие от профессионала, дилетант — это человек, не имеющий стандартного уровня профессиональной квалификации» [6, с. 3].

Как известно, будущие правоприменители получают специализированное юридическое образование на основе комплексного подхода. В результате анализа же компетенций сложилось неприятие некоторых из них. Например, компетенция ОК-1 формулировалась так: «Осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает достаточным уровнем профессионального правосознания». Даже студенты, изучавшую такую важную, методологическую науку, как теория государства и права, хорошо знают, что профессиональное (пока будем оперировать этим термином) правосознание состоит из взглядов, складывающихся у работников, непосредственно занимающихся юридической деятельностью и имеющих правовые знания и опыт работы (судьи, адвокаты, следователи, прокурорские работники, иные госслужащие, юрисконсульты и т. д.). Профессиональное правосознание формируется на основе получения юридического образования и юридической практики¹⁴. В. И. Червонюк уточняет, что профессиональное правовое сознание — это представление о праве, которое

складывается у служащих государственного аппарата (в особенности у юристов-практиков) на основе мировоззренческой идеологии и специальных юридических знаний и аккумулирует юридическую практику, опыт применения права, компетентное понимание всех сторон его содержания¹⁵. На наш взгляд, выпускники юридических вузов, даже самые лучшие из них, имеют обыденное правосознание, качественно отличающееся от обыденного правосознания граждан, однако стремящееся к профессиональному, оно обуславливается не только субъективными, но и объективными факторами.

Профессиональные деформации правосознания.

Интересно, что даже авторы, признающие профессиональный уровень правосознания, которому свойственны высокая устойчивость, уважение права, готовность следовать его предписаниям, полная правовая информированность, установка на активное, творческое правомерное поведение, обращают внимание и на его деформации, порождаемые прежде всего юридической практикой, в том числе обвинительный уклон, формализм, стремление действовать в соответствии с буквой, а не духом закона и др.¹⁶

Опасность профессиональной деформации заключается не столько в ней самой, сколько в отношении к ней. Осведомленность о данном явлении и в связи с этим критическое отношение к оценке своих решений и действий могут предостеречь практических работников органов внутренних дел от неверных поступков. Напротив, отсутствие критичности, самонадеянность и самоуспокоенность, забвение того, что каждое юридическое дело индивидуально, проявление чувства всезнания и отсюда своей непогрешимости могут привести к обвинительному уклону и обусловить серьезные ошибки в процессе правоприменения. Профессиональная деформация — это негативное социально-психологическое явление, представляющее в виде разнообразных личностных поведенческих проявлений, оказывающих деструктивное влияние на процесс и результат профессиональной деятельности. Это такое состояние, при котором человек переносит образы некоей группы людей на всех. Например, врач начинает считать всех людей больными, надзиратель — заключенными, следователь — преступниками (подозреваемыми). Это лишь одно из проявлений профессиональной деформации.

Как пишет М. И. Еникеев, «властные полномочия следователя могут вызвать и закрепить такие негативные личностные качества, как высокомерие, чванливость, грубость, душевная черствость. Постоянное подчинение

¹¹ Протасов В. Н., Протасова Н. В. Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010. С. 404.

¹² Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 162.

¹³ Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. М., 2005. С. 748.

¹⁴ Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. В. М. Сырых. М., 2008. С. 487.

¹⁵ Червонюк В. И. Указ. соч. С. 463.

¹⁶ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М., 2007. С. 403.

деятельности следователя процессуальной регламентации может содействовать ригидности, негибкости, приверженности к шаблонным решениям, формализму; постоянное соприкосновение с асоциальными проявлениями — сформировать устойчивую подозрительность, предвзятость, склонность к обвинительному уклону в своей деятельности. Часто возникающий дефицит времени может привести к торопливости, поверхностности, пренебрежительности к отдельным процессуальным требованиям. Эти возможные проявления личностно-профессиональной деформации должны быть сняты развитым устойчивым самоконтролем следователя»¹⁷. При этом подчеркнем, что профессиональная деформация правоприменяющих субъектов органов внутренних дел в разнообразных формах ее проявления объективно обуславливает не только негативные юридические, но и неюридические последствия, в частности низкую оценку населением деятельности соответствующих правоохранительных органов.

В. К. Самигуллин, определяя профессиональное правосознание как «элемент профессиональной культуры; чувства, убеждения, традиции, складывающиеся в процессе специальной подготовки и постоянно „подпитываемые“ юридической практикой, взятой во всей ее сложности», особо акцентирует внимание на профессиональной деформации, которая «может выражаться в переоценке профессионалами (дознавателями, следователями, прокурорами, адвокатами, судьями) своих знаний, снижении самокритичности в отношении принимаемых решений, пренебрежении формальными требованиями закона, если они расходятся с их мнениями» [5, с. 217].

Как считает Н. Я. Соколов, «имея свои исключительные стороны, обусловленные специализацией, правовое сознание юристов по этой же причине страдает недостатками. Одностороннее влияние профессионального опыта юристов может привести к костным стереотипам, шаблонным оценкам, снижению эмоционального отношения к происходящему, пренебрежению непрофессиональным мнением. Встречаются и такие юристы, которые подвержены формализму, бюрократизму, а порой и сами встают на путь нарушения требований закона» [7, с. 27].

Результатом социологических исследований Н. Я. Соколова явилась типология юристов, в основе которой лежит правовой консенсус юристов с точки зрения духа и буквы закона, а также их социальная активность в сфере права: 1) службист — умело сочетает дух и букву закона, но не стремится к каким-либо изменениям закона и практики; 2) прагматик — понимает дух и букву закона, но заинтересован прежде всего в «прохождении» дела и в связи с этим ориентируется на мнение лиц, от которых зависит окончательное решение вопроса; 3) энтузиаст — умело сочетает дух и букву закона, стремится в общественных интересах к совершенствованию

законодательства и юридической практики; 4) флюгер — допускает отступления от требований закона под давлением вышестоящих или местных руководителей; 5) педант — предельно строго руководствуется буквой закона, но поступает подчас его духом ради соблюдения формы; 6) антипедант — руководствуется духом закона, но подчас допускает отступление от его буквы; 7) карьерист — склонен поступиться законом ради продвижения по службе; 8) бюрократ — заслоняется законом или якобы «не замечает» букву закона, выхолащивает его дух ради своего удобства и спокойствия; 9) лжеюрист — попирает в личных целях закон, пользуясь своим служебным положением [7, с. 205–207]. Наблюдения и выводы Н. Я. Соколова относятся ко второй половине 80-х гг. XX в., но не потеряли значения и применительно к нашему времени.

В контексте настоящего исследования весьма актуальными являются рассуждения Н. Л. Гранат, согласно которым становление специалиста, в частности следователя, проходит как бы два этапа: 1) в течение первых 5–7 лет работы в одной и той же службе, в одной и той же должности или по одной и той же специальности работник в нормальных условиях овладевает профессией, приобретает квалификацию; 2) через 7–10 лет и более, если не изменяются профиль и характер работы, отсутствует эффективная профилактика, происходят нежелательные изменения сознания и личности работника, которые принято называть профессиональной деформацией.

Автор утверждал, что профессиональная деформация является объективной закономерностью, во всяком случае, при решении мыслительных задач в юридически значимых ситуациях. Действие ее усиливается или ослабевает в зависимости от обстановки, атмосферы, в которых профессиональная деятельность и личность реализуются. Особое внимание Н. Л. Гранат обращала на то обстоятельство, что профессиональная деформация обуславливает нежелательные изменения в представлении и оценке принципов норм права и морали, их ценности и функций. На общесоциальном, мировоззренческом уровне такая деформация получила название «правовой нигилизм» [8]. Причем последний как результат социально-психологической деформации профессионально-правового сознания выражается в непризнании: 1) приоритета прав и свобод личности; 2) права и законности в качестве высших морально-политических ценностей; 3) умалении их роли и значения в иерархии иных предпочтений и приоритетов¹⁸. Говоря о преступности в правоохранительных органах, И. И. Карпец отмечал, что «не меньшей трагедией для сотрудников является то, что они подвержены обратному влиянию самого преступного мира. Они видят зло насильственной преступности и сами привыкают к применению насилия» [9, с. 37].

¹⁷ Еникеев М. И. Юридическая психология : учебник. М., 2000. С. 121.

¹⁸ Червонюк В. И. Указ. соч. С. 462–463.

Больше всего приговоров за коррупцию в РФ (672 из 898) с января по сентябрь 2021 г. было вынесено в отношении полицейских. За 9 месяцев 2021 г. в судах с участием прокуроров рассмотрено 8946 уголовных дел коррупционной направленности в отношении 9948 лиц. Вынесены обвинительные приговоры по 7328 уголовным делам в отношении 8088 лиц, в том числе 467 должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления (исполнительная власть — 171, исполнительная власть в субъектах — 61, главы муниципалитетов и местных администраций — 130). «Кроме того, депутаты субъектов Федерации — 7, депутаты органов местного самоуправления — 43, должностные лица правоохранительных органов — 898 (в том числе органы внутренних дел — 672, приставы — 47, таможня — 30, следствие и дознание — 62 (СК — 19, МВД — 38), прокуроры — 16, судьи — 9)», — отметил генеральный прокурор РФ И. В. Краснов в интервью РИА Новости¹⁹.

Практический уровень правосознания. Вышеизложенное не позволяет назвать анализируемый уровень правосознания профессиональным. По мнению Н. Я. Соколова, речь должна идти о практическом уровне правосознания, которое «связано с опытом непосредственного воздействия на реальную общественную жизнь...», «имеет большую четкость и организованность, опирается на опыт правового строительства»²⁰. Автор пишет, что «целесообразно в структуре правового сознания общества наряду с научным и обыденным выделить еще один, промежуточный уровень — практический» [7, с. 204].

В других работах Н. Я. Соколов также акцентирует внимание на практическом уровне правосознания, выделение которого «обуславливается в конечном

счете самой природой права, отражающего реальную действительность более непосредственно, чем другие субъективные факторы, и более прямо ориентированного на саму реализацию в ней... Поэтому правовое сознание принадлежит к одной из наиболее активно действующих разновидностей общественного сознания, ибо в нем социально-практическая сторона как бы преобладает над познавательной и оценочной функциями»²¹.

Выводы

1. Несмотря на существующие позиции ученых, которые либо отождествляют массовое и общественное правосознание, либо рассматривают массовое правосознание в качестве отдельного вида, полагаем, что массовое правосознание следует понимать как групповое, характерное для динамичных социальных групп населения.

2. С позиции уровня правосознания следует рассматривать не профессиональное правосознание, которое складывается в ходе специальной юридической подготовки, а практическое, учитывая, что далеко не все юристы-практики хорошо знают и понимают закон, уважительно к нему относятся.

3. Профессиональная деформация правосознания правоприменяющих субъектов органов внутренних дел наблюдается в разнообразных ее формах и объективно создает негативную почву для юридических и психологических оценок последствий их профессиональной деятельности, в частности, низкую оценку населением соответствующих правоохранительных органов.

Перспективы. Представляется, что рассмотренные в статье дискуссионные общетеоретические проблемы правосознания будут предметом дальнейших научных изысканий ученых-юристов.

Список источников

1. Kozhevnikov V. V., Cherednichenko A. E. The Question of the Legal Consciousness of a Society in Transition of Development of Russia: the Theoretical Aspect. *Budapest International Institute for Research and Criticism*. 2020. Vol. 3, No. 4. Pp. 3694–3703.
2. Кожевников В. В. К проблеме предмета отражения правосознания и его структуры // Государство и право. 2020. № 12. С. 45–56.
3. Kozhevnikov V. V. The issue of the legal consciousness of society in the context of the transitional development of Russia: theoretical aspect. *Budapest International Institute for Research and Criticism*. 2020. Vol. 3, No. 4. Pp. 3215–3225.
4. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. 344 с.
5. Самигуллин В. К. Правосознание: корень добра и справедливости. Уфа, 2009. 284 с.
6. Карелина И. М. Человек и профессия: Путь к гармонии: монография / под науч. ред. М. А. Дмитриевой. Омск, 2005. С. 3–12.
7. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов: монография / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1988. 224 с.
8. Гранат Н. Л. Деформации профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. М., 1993. С. 30–40.
9. Карпец И. И. Преступность: (Иллюзия и реальность). М., 1992. 432 с.

Поступила 09.06.2022; одобрена после рецензирования: 08.07.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

¹⁹ Полицейских в 2021 году чаще других правоохранителей осуждали за коррупцию. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/23b25c67> (дата обращения: 06.06.2022).

²⁰ Соколов Н. Я. Указ. соч. С. 425.

²¹ Соколов Н. Я. Понятие правосознания // Теория государства и права: учебник / под ред. М. М. Рассолова. М., 2004. С. 511.

Научно-практическая статья

УДК 343.985.32 © Я. М. Мазунин, П. Я. Мазунин, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-103-109

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Тактика предъявления для опознания людей (психологический аспект)

Яков Маркиянович Мазунин¹, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики; yakovmazunin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0876-0189>

Павел Яковлевич Мазунин¹, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики; p.mazunin75@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1073-4791>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. Выполнение задач уголовного судопроизводства во многом обусловливается качеством доказательственной информации, которая зависит от показаний лиц и результатов проведенного опознания. Цель — рассмотрение особенностей деятельности юристов при криминалистической идентификации и уточнение тактики предъявления объекта для опознания. **Материалы, результаты и обсуждение.** Одним из наиболее распространенных следственных действий выступает предъявление для опознания, результаты которого часто имеют большое практическое значение и носят идентификационный характер. Функция данного следственного действия заключается в факте установления тождества лица, предмета или другого объекта с тем объектом, который в прошлом воспринимал опознающий. При производстве предъявления для опознания опознающий по сохранившемуся в его памяти образу опознаваемого объекта может либо отождествить объект, либо установить его сходство с образом, либо дать отрицательный ответ на вопрос о тождестве. **Выводы.** Для улучшения качества проведения опознания необходимо учитывать факторы, которые могут повлиять на достоверность информации: социальные и психологические признаки носителей информации, их физическое и психологическое состояние, взгляд на происшедшее.

Ключевые слова: восприятие, запоминание, узнавание, отождествление, предъявление для опознания

Для цитирования: Мазунин Я. М., Мазунин П. Я. Тактика предъявления для опознания людей (психологический аспект) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 103–109. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-103-109>

Scientific and Practical Article

UDC 343.985.32 © Ya. M. Mazunin, P. Ya. Mazunin, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-103-109

5.1.4. Criminal Law Sciences

Tactics of Presenting Persons for Identification (Psychological Aspect)

Yakov M. Mazunin¹, Doctor of Science in Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor at the chair of Criminalistics; yakovmazunin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0876-0189>

Pavel Ya. Mazunin¹, Candidate of Science in Law, Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminalistics; p.mazunin75@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1073-4791>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. Performing the tasks in criminal proceedings is largely determined by the quality of information related to proving, which depends on the testimony of persons and the results of the identification. The aim is to examine the peculiarities of lawyers' activity in criminal identification and specify the tactics of presenting the object for identification. **Materials, Results and Discussion.** One of the most common investigative actions is identification parade which results are frequently of great practical importance and are of an identification nature. The function of this investigative action is the fact of establishing the identity of a person, object or another object with the object which was perceived by the identifier in the past. During the identity parade an identifying person can either identify the object, or establish its similarity with the image, or deny the identity, according to the image of the identified object preserved in his memory. **Conclusions.** To improve the quality of identification parade it is necessary to consider the factors which may influence the reliability of the information: social and psychological signs of the bearers of information, their physical and psychological state, their vision of the happening.

Keywords: perception, memorizing, recognizing, identifying, identification parade

Citation: Mazunin Ya. M., Mazunin P. Ya. Tactics of Presenting Persons for Identification (Psychological Aspect). *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 103–109 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-103-109>

Основные положения

1. Опознание по своей сущности относится к отождествлению, в основе которого лежит запоминание признаков увиденного или ранее наблюдавшегося объекта. В процессе предъявления объекта опознающее лицо сопоставляет признаки, запечатленные в его сознании (мысленный образ), с признаками предъявляемого объекта и в случае их совпадения опознает объект (лицо, предмет). Происходит то, что называется субъективным отождествлением.

2. Криминалистическими целями производства опознания является анализ многочисленных причинно-следственных и иных связей между элементами криминалистической характеристики конкретного вида (группы) преступлений: между обстановкой совершения преступления и способом совершения преступления; между способом подготовки и способом совершения преступления; между способом совершения и способом сокрытия преступления; между способом совершения преступления и личностью преступника и т. д.

3. Опознание того или иного объекта в ситуации, связанной с раскрытием и расследованием преступления, всегда происходит в конкретных обстоятельствах места и действия. Выяснение их, в силу взаимосвязей элементов криминалистической характеристики, позволяет получить соответствующую информацию о большем либо меньшем числе указанных элементов и увязать ее с информацией, полученной в ходе производства других следственных действий.

Актуальность, значимость и сущность проблемы. В настоящее время вслед за социально-экономическими и политическими переменами появляются новые способы и формы совершения и сокрытия преступлений. В сложившейся обстановке большую значимость в установлении лиц, совершивших преступление, приобретают знания криминалистической и психологической наук, способствующие раскрытию и расследованию преступлений.

Выполнение задач судопроизводства во многом зависит от качества доказательственной информации, которая часто состоит из свидетельских показаний и результатов проведенного опознания. Существует достаточно большое количество определений психологической сущности процесса опознания. Однако наиболее близкое определение, предложенное Ю. В. Чуфаровским: «... с психологической точки зрения опознание представляет собой следственное действие, при котором лицо сравнивает предъявляемые ему объекты, сопоставляет их с мысленными образами объектов, воспринятых им ранее — в момент совершения преступления, и на этой основе приходит к выводу об их тождестве, сходстве или различии»¹.

Наряду с объективными носителями информации, внешний вид конкретных объектов может быть ото-

бражен и запечатлен в памяти других лиц, которые их ранее наблюдали. Эта возможность отображения и запечатления конкретных объектов в памяти других лиц позволяет узнавать ранее наблюдавшиеся объекты в процессе повседневного общения. Это обусловлено тем, что объекты материального мира обладают множеством свойств и признаков, которые в своей совокупности образуют индивидуальные, устойчивые комплексные системы, характеризующие конкретный объект.

В повседневной жизни эти комплексы используются для узнавания знакомых объектов (людей, жилищ, участков местности и др.), причем происходит это на подсознательном уровне, путем сравнения воспринимаемых признаков с образами, хранящимися в памяти. «В силу необходимости постоянного применения и многократности повторения при выполнении разнообразных функций в процессе жизнедеятельности узнавание в кратчайшие сроки развивается в один из важных и жизненно необходимых навыков человека. В его основе лежат такие методы, как наблюдение (восприятие объекта), анализ и синтез, сравнение, абстрагирование, аналогия и другие, применение которых на практике происходит моментально на подсознательном уровне» [1, с. 21].

Таким образом, при решении вопроса о производстве опознания личности следует учитывать психическое состояние опознающего в момент совершения преступления, а также после его совершения.

Целью послужили рассмотрение социально-психологических особенностей деятельности юристов при криминалистической идентификации и уточнение тактики предъявления объекта для опознания.

Материалы, результаты и обсуждение

Психологические особенности опознания как процессуального действия информационного характера. В отличие от обыденного узнавания объектов, производимого непосредственно наблюдавшим их человеком, решение ряда задач, стоящих перед правоохранительными органами, предполагает необходимость использования информации о них людьми, которые, как правило, эти объекты никогда не видели, но по роду своей деятельности должны заниматься их целенаправленным розыском и идентификацией. Такая информация может быть получена от людей, которые ранее наблюдали подлежащих розыску людей и объекты, а также из различных материальных носителей информации о них: от личных дел, альбомов и социальных сетей до медицинских карт, криминалистических и иных учетов. Для розыска интересующих следствие объектов также используют их детальные словесные описания.

Несмотря на то что на объективность формирования различного рода отображений значительное влияние оказывают субъективные факторы, в основе которых лежит объективное отображение свойств наблюдаемых объектов, воспринятых человеком при помощи органов

¹ Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология : учебник. М., 2010. С. 394.

чувств, сформированных и хранящихся в его памяти, их принято называть идеальными следами.

«Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»². При этом даже краткий анализ приведенного суждения дает основание говорить о том, что хотя в основе формирования отображений (следов) и лежат объективные образы наблюдавшихся материальных объектов и событий, они всегда подвергаются субъективной обработке (осмыслению). В связи с этим нельзя не согласиться с И. М. Егеревым и Д. А. Степаненко в том, что, «отображая признаки внешнего облика человека, мысленный образ беднее оригинала. Он характеризуется определенной фрагментарностью, поскольку признаки внешности отображаются в нем не полностью, некоторые искажаются, а другие вовсе не отображаются» [2, с. 11]. При этом извлечь информацию о них из памяти может только человек, который является ее носителем.

Исходя из специфики задач, решаемых в процессе расследования, идеальные следы используются в качестве исходных для получения субъективных изображений, для розыска объектов и для идентификации указанных объектов посредством предъявления для опознания.

В криминалистической литературе предъявление для опознания определяется как предоставление лицом, проводящим предъявление для опознания, опознающему лицу объектов в целях установления тождества, сходства или различия с предметами и иными объектами (например, лицо, труп), которые ранее наблюдались опознающим в связи с событием преступления или при иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела [3, с. 71]. Учитывая идентификационный характер действия, необходимо подчеркнуть, что сущностью предъявления для опознания выступает отождествление объекта по мысленному образу, сохранившемуся в памяти. Верно отмечает А. С. Князков, что в существующих «определениях предъявления для опознания в наибольшей мере отражена внешняя сторона действия следователя, а также его цель; в то время как особенность идентификации по мысленному образу, определяющая сущность этого следственного действия, остается неназванной» [4, с. 81].

При этом познавательной ценностью характеризуется как само опознание или неопознание предъявляемого объекта, так и процесс его восприятия опознающим лицом. При этом необходимо учитывать, что экспериментальные исследования, проведенные другими исследователями³, показали, что при опознании человека свидетели чаще всего ошибаются в оценке роста (средняя ошибка 20 см), цвета волос (83% ошибок) и возраста (средняя ошибка — 8 лет) преступника. Вместе с тем основными признаками, по которым опознается лицо человека, являются структура лица и глаза, реже нос, кожа и рот, еще реже подбородок, волосы и уши. Кроме

того, точность опознания лица зависит от его индивидуальных особенностей: лучше запоминаются необычные и «криминальные» лица, соответствующие обыденным представлениям о преступнике. Изменение внешнего вида преступника, например удаление очков или добавление бороды, затрудняет его опознание. Внешний вид женщин запоминается лучше, чем мужчин.

Полевые исследования, в которых принимали участие люди, ставшие жертвами или свидетелями вооруженных ограблений, также показали, что они достаточно точно описывают детали происшедшего (действия преступников, их оружие и одежду) даже через достаточно большие промежутки времени. Однако они плохо помнят внешний вид преступников (особенно цвет глаз и волос), а также детали обстановки, в которой происходило преступление (Christianson, Hubinette, 1993).

При этом нельзя не отметить, что последовательность событий запоминается очевидцами лучше, чем внешний вид участников. Кроме того, свидетели часто переоценивают время, которое заняло происшествие. Есть свидетельства, что, когда человек испытывает стресс или страх, тенденция к переоценке времени возрастает.

На точность показаний очевидцев влияют:

а) время суток, в которое было совершено преступление: люди более точно вспоминают то, что увидели при дневном свете или в ранних сумерках, чем ночью;

б) длительность преступления: чем дольше совершалось преступление, чем дольше очевидец видел его участников, тем точнее он опознает их впоследствии;

в) применение насилия — если во время совершения преступления оно имело место, то точность показаний уменьшается.

Последнее можно объяснить сильным эмоциональным возбуждением, возникающим у очевидца, наблюдавшего за насильственными действиями. Оно ухудшает качество восприятия и запоминания информации, сужает объем внимания очевидца. В таком состоянии люди концентрируются на некоторых особенностях происходящего, уделяя меньше внимания другим. Частным случаем влияния эмоционального возбуждения служит эффект сосредоточенности свидетеля на оружии: он смотрит только на оружие и упускает из виду остальные аспекты происходящего, в том числе плохо запоминает внешность преступника.

На результаты опознания могут воздействовать условия проведения опознания, внешний вид и иные признаки опознаваемых людей, трупов или предметов неживой природы, степень их индивидуальности, т. е. то, что выделяет объект из числа иных, совместно предъявляемых с ним однородных объектов и т. д. Это могут быть и отдельные жесты, движения, элементы мимики опознаваемых лиц, так называемые улики поведения, которые во многих случаях приобретают существен-

² Маркс К., Энгельс Ф. Послесловие ко второму изданию. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 21.

³ Гулевич О. А. Психологические аспекты юриспруденции: учеб. пособие. М., 2006. С. 324.

ное доказательственное значение для уголовного дела⁴, а также особенности поведения опознающих субъектов, например, ярко выраженные проявления уверенности или, наоборот, неуверенности в узнавании предъявленных объектов.

Таким образом, предъявление для опознания характеризуется активным использованием невербального способа процессуального познания, в частности визуальных механизмов восприятия полезной информации. Сказанное позволяет «расценивать данное следственное действие как родственное осмотру, освидетельствованию, обыску и другим познавательным приемам, основанным на закономерностях чувственного восприятия отдельных материальных фрагментов объективной реальности» [5, с. 326]. Вероятно, поэтому в соответствии со ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. результаты предъявления для опознания относились не к показаниям, а к протоколам следственных действий.

В то же время представляется, что данная позиция не раскрывает всей сложности и многогранности предъявления для опознания. Это обусловлено тем, что установленный законом порядок предъявления для опознания (ст. 193 УПК РФ) и тактические рекомендации по его производству предполагают более сложные познавательные операции, чем просто узнавание представленного на обозрение объекта. Так, в соответствии с ч. 7 ст. 193 УПК РФ опознающему предлагается устно пояснить, по каким приметам или особенностям он отождествил предъявленный объект с имеющимся в его сознании мысленным образом. Наряду с этим в криминалистической литературе обосновывается целесообразность постановки перед опознающим дополнительных вопросов. Например, в случае положительных результатов следственного действия следователю рекомендуется осведомляться о наличии и характере внешних изменений опознаваемого объекта. Тогда как при отрицательных результатах желательно выяснить причины подобного неузнавания, чтобы понять, обусловлено ли это недостаточно четким мысленным образом или твердой уверенностью в отсутствии знакомого предмета, лица и т. д. [6, с. 28–29]. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что для процесса предъявления для опознания характерно наличие различных сведений вербального характера, в чем состоит его сходство с допросом и очной ставкой. О частично вербальном характере данного следственного действия неоднократно говорилось в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе [7, с. 7].

Сходство предъявления для опознания с допросом и очной ставкой подтверждается рядом положений уголовно-процессуального закона. Например, предъявление каких-либо объектов для опознания свидетелям и потерпевшим сопровождается их предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний в соответствии

со ст. 307, 308 УК РФ. Таким образом, предъявление для опознания обладает комплексным гносеологическим характером, предполагающим сочетание и достаточно тесное переплетение вербального и невербального способов процессуального познания. В связи с этим рассматриваемое следственное действие фактически обуславливает одновременное формирование слитых воедино и тем не менее двух различных видов доказательств. В части восприятия следователем устных пояснений, ответов на задаваемые вопросы и т. п. результаты предъявления для опознания выступают специфическими показаниями, похожими на сведения, полученные посредством допроса либо очной ставки, но имеющими узконаправленное содержание: они могут касаться лишь обстоятельств, связанных с предметом этого процессуального действия. Тогда как в части восприятия невербальных познавательных сигналов — внешних признаков опознаваемых объектов, поведения участвующих лиц и пр. — они охватываются по смыслу ст. 83 УПК РФ, что обуславливает их гносеологическое сходство с результатами (протоколами) осмотра, освидетельствования, обыска и иных следственных действий [5, с. 326].

Одним из наиболее сложных при проведении опознания представляется вопрос о способности человека сохранить в сознании информацию о наблюдаемом ранее объекте, которая является индивидуальной и зависит от сохранности психических процессов [8, с. 98–114; 9, с. 76–89].

Момент совершения преступления для любого человека является нестандартной, экстремальной ситуацией, поэтому восприятие информации у человека в такое время имеет несколько искаженный характер [10; 11].

Потерпевший, свидетель в момент совершения преступления испытывают чувство страха, которое не дает объективно воспринимать окружающий мир, необходимость собственной защиты не позволяет рассмотреть, тем более изучить нападавших. Кроме того, внешность последних может быть изменена посредством использования различных способов маскировки. Лицо человека, его внешность меняются также в зависимости от психологического состояния, в котором он находится. Поэтому в сознании опознающего остается то лицо, которое он наблюдал во время совершения преступления и которое может отличаться от выражения лица человека в нормальной жизненной ситуации. Это может повлиять на процесс опознания.

Таким образом, следует учитывать психическое состояние опознающего при совершении преступления и после его совершения, а также его способность к восприятию информации, запоминанию и ее воспроизведению.

Особенности криминалистической идентификации, предъявления объекта для опознания. Как уже отмечалось, воспринятые органами чувств человека

⁴ Белкин П. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 223.

свойства и признаки наблюдаемого объекта отражаются в его сознании. Этот процесс непосредственно связан с мышлением человека и такими его свойствами, как анализ и синтез, сравнение, абстрагирование. При этом восприятие объекта может быть как целенаправленным, так и произвольным. Целенаправленное восприятие происходит, когда за объектом или событием ведется преднамеренное, осознанное наблюдение. Целенаправленное наблюдение дает возможность более детально и объективно запечатлеть данные о наблюдаемых объектах, в ходе его нередко используются научно-технические средства, повышающие эффективность восприятия объекта органами чувств и обеспечивающие более объективную фиксацию воспринятого на материальные носители.

Однако на практике при производстве предъявления объектов для опознания следователь, как правило, имеет дело с результатами непровольного (непреднамеренного, случайного) восприятия и запоминания. Очевидцы преступления чаще всего получают информацию об объектах в ходе непровольного, случайного, кратковременного наблюдения, что, в свою очередь, сказывается на качестве воспринимаемых образов и их запоминании. Как утверждает А. М. Алексеев, «в подавляющем большинстве случаев показания очевидцев и иных свидетелей и потерпевших формируются при отсутствии у них установки на специальное запоминание воспринимаемого, то есть при непровольном запоминании» [12, с. 34]. При этом он отмечает, что «непровольное запоминание обеспечивает довольно высокий уровень сохранения и адекватного отражения воспринятого события, а в некоторых случаях оно даже превосходит произвольное» [12, с. 26].

Будучи разновидностью криминалистической идентификации, предъявление объекта для опознания представляет собой отождествление объекта по его прошлому отображению — по идеальному следу его свойств и признаков, запечатленных в памяти очевидца. При этом в качестве идентифицируемого объекта выступает объект, который нужно опознать, а в качестве идентифицирующего — его образ (идеальный след), хранящийся в памяти опознающего.

Нельзя не согласиться с Д. А. Степаненко в том, что «особенностью идентификации по мысленному образу является то, что в ее основе лежит механизм узнавания» [13, с. 52], а также с ее утверждением, что «предъявление для опознания может быть охарактеризовано как разработанный законодателем процессуальный способ собирания и проверки доказательств, представляющий собой правовую интерпретацию процесса идентификации по мысленному образу, осуществляемого с соблюдением установленных в законе требований по специально разработанным для этого правилам» [14, с. 1003].

В отечественной и зарубежной психологической литературе описано множество различных факторов, определенным образом влияющих на точность опознания. Основные из них можно разделить на три группы:

1. *Объективные* — условия, при которых происходило восприятие, особенности воспринимаемых объектов, т. е. условия, которые не зависят от субъекта восприятия, но могут быть тесно с ним связаны (продолжительность и частота восприятия объектов, время суток, когда произошло преступление, расстояние между субъектом и объектом опознания и т. д.).

2. *Субъективные* — факторы, влияющие на формирование мысленного образа, т. е. психологические и физиологические особенности, характеризующие конкретного человека (установки и эмоциональное состояние опознающего, уровень интеллекта опознающей личности, возраст и пол субъекта и объекта опознания и т. д.).

3. *Условия непосредственно самой процедуры опознания* — содержание инструкции свидетеля, последовательность предъявления членов группы опознания, выбор ведущего опознания и т. д. [15, с. 3].

Таким образом, предъявление для опознания как следственное действие заключается в отождествлении конкретного объекта по мысленному образу, который сохранился в сознании опознающего лица. При этом считается, что при проведении предварительного допроса воспроизведение точного описания внешности помогает выразить мысленный образ, систематизировать запоминание, сделать его более длительным и четким, а также мобилизовать память, что приведет к успешному опознанию [16, с. 43–44]. В то же время нельзя не отметить ситуацию, когда опознающий при допросе заявляет, что опознать лицо сможет, но не в состоянии указать четких примет воспринимаемого им ранее лица. Тогда прибегают к опознанию «по общему образу».

По мнению отдельных криминалистов, если допрашиваемое лицо не указало точные приметы воспринятого им ранее лица, то последующее предъявление для опознания утрачивает доказательственное значение. Свою точку зрения они обосновывают тем, что, если из предварительного допроса не ясно, по каким причинам допрашиваемый не указал приметы лица, подлежащего опознанию, либо заявил, что не рассмотрел его приметы, а впоследствии опознал предъявленного, ценность такого опознания весьма сомнительна.

Как считает Ю. Г. Корухов, «необходимо, чтобы опознающий не только назвал признаки, по которым он опознает лицо, но и чтобы охарактеризовал их так же, как ранее при допросе»⁵.

В определении Верховного Суда СССР по делу В. подчеркивалось, что «опознание лица только по общим признакам, лишенным индивидуального характера,

⁵ Корухов Ю. Г. Предъявление для опознания на предварительном следствии и в суде : лекция для студентов. М., 1968. С. 27.

и при отсутствии других объективных доказательств не может быть положено в основу обвинения»⁶.

Нельзя не согласиться с тем, что большее доказательственное значение имеет простая следственная ситуация, нежели сложная. Однако нам ближе позиция тех авторов, которые, опираясь на психологические особенности и закономерности функционирования психических явлений, основывают свое суждение о том, что не менее важное доказательственное значение имеет опознание в сложной ситуации. Это обусловлено тем, что одним из важных психических процессов при идентификации объекта является узнавание.

Мы поддерживаем суждение Л. Ф. Ивановой и Д. С. Иванова, что память человека способна хранить большое количество образов из предшествующего опыта, но информация не всегда запоминается в полном объеме. Часто визуальный материал при его исследовании структурируется за счет отвержения ненужного или не имеющего значения, и запоминается только главное. Даже когда субъект воссоздал картину происшествия в полном объеме, он не в состоянии ответить на детализирующие вопросы, например о форме головы и пропорциях лица (лоб, брови, глаза, нос, рот, подбородок, уши). При узнавании целого объекта совсем не обязательно узнавать все его отдельные части. Многие идентифицирующие объект признаки воспринимаются неполно, тем не менее предмет узнается [17, с. 22].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что неспособность описать объект не исключает возможности безошибочного опознания, так же как правильное описание не исключает ошибки при опознании.

Д. А. Степаненко и И. М. Егерев подтверждают сказанное суждение о том, что «даже в случае отсутствия полного описания признаков лица предъявление для опознания необходимо проводить» [18, с. 26].

Итак, опознание, проведенное по общему образу, должно иметь доказательственное значение. При этом некоторые авторы, обосновывая данную точку зрения, отмечают так называемый эмоциональный фактор восприятия, когда воспринимается не отдельная деталь лица, а человек в целом. Это обусловлено тем, что опознание по общему образу возможно, так как отвечает всем закономерностям восприятия, в том числе эмоциональным факторам, и человек может в дальнейшем вспомнить необходимые детали⁷.

В любом случае опознание по общему образу будет иметь тактико-криминалистическое значение. Как отмечают отдельные авторы, в следственной практике нередки случаи, когда сам факт опознания преступника без указания отличительных примет оказывал сильное

психическое влияние на опознаваемого и приводил его к даче достоверных показаний о совершении преступления [16, с. 48].

Для следственной (судебной) практики наибольший интерес представляет вариант опознавательного процесса, который получил название идентификации (установления тождества) объекта-стимула с помощью образа, запечатленного в памяти человека, опознающего предъявляемый ему объект в группе других однородных объектов⁸. Предъявление для опознания представляется процессом, в результате которого предъявляемый объект соотносится с ранее сформированным психическим образом, т. е. образ текущего восприятия сравнивается с образом, хранящимся в памяти.

Объектами опознания могут быть люди (подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие), различные предметы, документы, помещения, участки местности. Опознаются по признакам внешности, функциональным признакам, особенностям голоса и речи. Для опознания предъявляются как реальные объекты, так и их изображения в целях установления индивидуального, а иногда и группового тождества.

Для установления лиц, совершивших преступление, несомненно значимость приобретают психолого-криминалистические знания, способствующие раскрытию и расследованию преступлений. При этом нельзя не отметить того, что юридическая психология является одной из прикладных, пограничных отраслей психологической науки, возникшей в результате межнаучной интеграции на стыке психологических и правовых знаний [19, с. 40].

Однако нельзя не согласиться с А. В. Дуловым в том, что юридическая психология «призвана изучать не только психические явления у отдельных участников процесса осуществления правосудия, отношения между ними, но она должна исследовать психологические особенности самой деятельности, связанной с осуществлением правосудия в целом, ее отдельных функций»⁹.

Таким образом, предъявление для опознания — это следственное действие, в процессе которого опознающий, полагаясь на свой мысленный образ опознаваемого объекта, устанавливает его сходство или различие с тем объектом, который он видел ранее и о котором давал показания [19, с. 48].

Для улучшения качества проведения опознания считается необходимым учитывать факторы, которые могут повлиять на достоверность информации, а именно социальные и психологические признаки носителей информации, их физического и психологического состояния, взгляд на происшедшие события¹⁰.

⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1956. № 4. С. 22.

⁷ Дулов А. В. Введение в судебную психологию. М., 1970. С. 29.

⁸ Романов В. В. Юридическая психология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. С. 588.

⁹ Дулов А. В. Указ. соч. С. 77.

¹⁰ Там же.

Выводы

Деятельность следователя по раскрытию и расследованию преступлений предъявляет к нему определенные требования, предполагая наличие системы профессиональных навыков и умений, в том числе владения эмоциональной сферой.

Управление эмоциями опознающего, наличие контакта с ним, т. е. создание такой атмосферы, при которой опознающий проникается уважением к следователю

(дознавателю), понимает его задачи и обязанности, исключает личные мотивы в его действиях, осознает необходимость установления истины по делу, способствуют раскрытию и расследованию преступлений.

Перспективы. Тактика предъявления для опознания нуждается в дальнейшем совершенствовании и расширении видов предъявления для опознания. В частности, целесообразно рассмотреть возможность предъявления для опознания по видеозаписи.

Список источников

1. Бирюков В. В., Бирюкова Т. П. Использование в расследовании информации о внешности человека: история и современность : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. В. Бирюкова. М., 2020. 216 с.
2. Егеров И. М., Степаненко Д. А. Криминалистическая идентификация по мысленному образу и особенности реализации ее процессуальной формы. М., 2010. 216 с.
3. Зинин А. М., Самошина З. Г. О некоторых видах и формах предъявления для опознания // Вестник криминалистики / отв. ред. А. Г. Филиппов. М., 2012. Вып. 2(42). С. 71–77.
4. Князьков А. С. Проблемные вопросы предъявления для опознания // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 81–86.
5. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М., 2021. 408 с.
6. Гинзбург А. Я. Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике / под ред. Р. С. Белкина. М., 1996. 122 с.
7. Петренко В. М. Предъявление для опознания при расследовании преступлений. М., 1975. 48 с.
8. Зейгарник Б. В. Патология мышления. М., 1962. 244 с.
9. Каппрара Дж., Сервон Д. Психология личности. СПб., 2003. 288 с.
10. Короленко Ц. П. Психофизиология человека в экстремальных обстоятельствах. М., 1978. 258 с.
11. Пуховский Н. Н. Психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций. М., 2000. 286 с.
12. Алексеев А. М. Психологические особенности показаний очевидцев. М., 1973. 104 с.
13. Степаненко Д. А. Криминалистическая идентификация по мысленному образу: состояние, проблемы и перспективы развития // Вестник Российской правовой академии. 2006. № 3. С. 51–54.
14. Степаненко Д. А. Теоретические проблемы тактико-криминалистической идентификации по мысленному образу // *lex russica* (Русский закон). 2006. Т. 65, № 5. С. 1000–1006.
15. Фадеева Д. А., Сафуанов Ф. С. Психологические особенности опознания как процессуального действия информационного характера // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 80–90.
16. Самошина З. Г. Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976. 90 с.
17. Иванова Л. Ф., Иванов Д. С. Предъявление для опознания (психологический аспект) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18, № 2. С. 21–25.
18. Степаненко Д. А., Егеров И. М. Психологическая сущность предъявления для опознания (тактико-криминалистические аспекты). Иркутск, 2006. 60 с.
19. Ратинов А. Р. Юридическая психология и проблемы борьбы с преступностью // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1983. Вып. 38. С. 40–48.

Поступила 08.12.2021; одобрена после рецензирования 22.02.2022; принята к публикации 30.11.2022.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научно-теоретическая статья

УДК 340.15:343.01 © В. Н. Борков, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-110-114

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Наказание в дореволюционном, советском и современном уголовном праве России: движение к антикриминальной консолидации общества

Виктор Николаевич Борков¹, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права; borkovv@mail.ru; <https://orcid/0000-0002-7583-5665>

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. Юристы постоянно находятся в поиске новых действенных средств борьбы с преступностью. Повышение эффективности уголовно-правового предупреждения невозможно без осмысления истории развития технологий воздействия посредством применяемого уголовного наказания на психологию конкретного индивида и всего общества. Важным условием справедливой и сбалансированной уголовной политики, направленной на предупреждение преступлений, борьбу с актуальными внутренними и внешними угрозами, выступают адекватная оценка и учет складывающихся социально-экономических задач, решаемых государством. **Материалы, результаты и обсуждение.** Исследуется эволюция института наказания, его понятия и целей в дореволюционном и советском уголовном праве середины XIX в. — 1920 г. Обращение к заложенным в памятниках права основах регламентации уголовного наказания свидетельствует о присущем ему характере государственного принуждения и кары, состоящей в причинении преступнику физических страданий. Публичный характер исполнения истязующих наказаний был призван обеспечить общую превенцию. Исследована историческая тенденция достижения целей специального и общего предупреждения не за счет причинения виновному физических страданий, а посредством реализации идеи справедливости: соразмерности наказания опасности совершенного преступления. **Выводы.** Современную доктрину уголовного наказания предлагается формировать с учетом восприятия и оценки обществом опасности преступления и его консолидации на основе неприятия посягательств данного вида. Показана роль морального осуждения гражданами криминалитета и солидарности общества в борьбе с преступностью. Обосновано возрастание значения развитого правосознания и консолидации общества против посягательств на публичные интересы в условиях внешних угроз.

Ключевые слова: наказание, цели наказания, телесные наказания, публичное исполнение наказания, общее предупреждение, специальное предупреждение, справедливое наказание

Для цитирования: Борков В. Н. Наказание в дореволюционном, советском и современном уголовном праве России: движение к антикриминальной консолидации общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 110–114. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-110-114>

Scientific and Theoretical Article

UDC 340.15:343.01 © V. N. Borkov, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-110-114

5.1.1. Theoretical and Historical Law Sciences; 5.1.4. Criminal Law Sciences

Punishment in Pre-Revolutionary, Soviet and Modern Russian Criminal Law: towards Anti-Criminal Consolidation of Society

Viktor N. Borkov¹, Doctor of Science in Law, Associate-Professor, chief of the chair of Criminal Law; borkovv@mail.ru; <https://orcid/0000-0002-7583-5665>

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. Lawyers are in constant search of new effective means of combating crime. Increasing the effectiveness of prevention by means of criminal law is impossible without understanding the history of the development of technologies for influencing the psychology of a particular individual and the whole society through the applied criminal punishment. An important condition for a fair and balanced criminal policy aimed at preventing crime, combating current internal and external threats is an adequate assessment and consideration of emerging socio-economic tasks solved by the state. **Materials, Results and Discussion.** The article examines the evolution of the institution of punishment, its concept and goals in pre-revolutionary and Soviet criminal law from the mid-19th century to 1920. Considering the fundamentals of the regulation of criminal punishment laid down in the monuments of law testifies to its inherent nature of state coercion and retribution meant to cause physical suffering to the criminal. The public nature of the execution of torture punishments was intended to ensure general prevention. The author reveals the historical tendency of achieving the goals of special and general prevention not by inflicting physical suffering on the guilty person, but by implementing the idea of justice: the proportionality of punishment to the danger of the crime committed. **Conclusions.** The modern doctrine of criminal punishment is proposed to be formed with regard to the society's perception and assessment of the danger of a crime and consolidation of the society on the basis of rejection of this type of encroachment. The role of citizens' moral condemnation of criminals and solidarity of society in the fight against crime is shown. The increase in the importance of a developed legal consciousness and the consolidation of society against encroachments on public interests under external threats is substantiated.

Keywords: punishment, purposes of punishment, physical punishment, public execution of punishment, general prevention, special prevention, justice of punishment

Citation: Borkov V. N. Punishment in Pre-Revolutionary, Soviet and Modern Russian Criminal Law: towards Anti-Criminal Consolidation of Society. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 110–114 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-110-114>

Основные положения

1. Современную доктрину уголовного наказания следует формировать с учетом восприятия и оценки обществом опасности преступлений и его консолидации на основе морального осуждения посягательств на наиболее важные интересы личности и государства.

2. В условиях повышения опасности посягательств на публичные интересы, модификации внешних и внутренних угроз возрастает значение развитого правосознания граждан, солидарности общества и государства в борьбе с преступностью.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Наказание относится к одному из базовых институтов российского уголовного права. «Преступление и реакция государства на него — в виде наказания или иных уголовно-правовых мер — главнейшие составляющие уголовного права во всем мире» [1, с. 128]. От того, насколько справедлива, сопоставима со степенью общественной опасности преступления и личности осужденного выбранная судом мера принуждения, зависит авторитет уголовного закона в обществе, а также уровень преступности. «Современные технологии воздействия на психологию как индивида, так и масс в целом способны доказать абсолютную необходимость применения мер экстраординарного характера, непопулярность которых будет нивелироваться степенью опасности возможной угрозы» [2, с. 14].

«Как и любое иное направление политики государства, судебно-уголовная политика главным источником имеет прежде всего реальное состояние общественных отношений, которое сложилось в обществе в тот или иной момент времени» [3, с. 28]. Законодательство нашего государства прошло длинный путь и изменялось под влиянием множества факторов, которые по-разному отражались в нормах закона.

Уголовное право состоит из множества различных правовых институтов, одним из которых является институт наказания. Наказание — мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Она применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица (ч. 1 ст. 43 УК РФ). Четко сформулированы следующие цели наказания: восстановление социальной справедливости, предупреждение совершения будущих преступлений, а также исправление осужденного лица (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Новые криминальные угрозы обуславливают необходимость совершенствования уголовно-правового воз-

действия, что невозможно без осмысления института наказания.

Цель — на основе изучения в теоретико-историческом аспекте основных этапов эволюции видов и целей наказания определить социальные основания и задачи актуальной уголовной политики при применении наказания.

Материалы, результаты и обсуждение

Эволюция института наказания, его понятия и целей в дореволюционном и советском уголовном праве (середина XIX в. — 1920-е гг.). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. определения наказания не содержит, хотя данному институту в нем отведена целая глава. Впервые указывается, что наказание назначается за проступок или преступление в соответствии с их тяжестью и подразделяется на два основных вида: «уголовное» и «исправительное». В Уложении перечислены признаки наказания: обусловленность преступлением, возможность его применения только по отношению к лицу, являющемуся виновным в совершении преступления или проступка. Причем каждое наказание может быть назначено только судом.

Телесные наказания, сопутствующие основным уголовным наказаниям в качестве дополнительных, предусмотренные в Уложении 1845 г., позволяют предположить, что одной из целей уголовного наказания являлось устрашение. Это подтверждают статьи, требующие приведения наказания в исполнение публично, что предполагало не только специальную превенцию, но и общую. Со временем в России стали отказываться от применения телесных наказаний. Указ от 17 апреля 1863 г. «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» запретил использование плетей, наложение клейм и штемпельных знаков (пп. 1, 2), однако сохранил наказание розгами, которое не распространялось на женщин (п. 4) [4, с. 533–534]. Телесные наказания сохранялись вплоть до революции 1917 г.

Согласно Уголовному уложению 1903 г. смертная казнь должна была осуществляться непублично. Таким образом, в Российской империи укреплялось убеждение в безнравственности и нецелесообразности применения телесных наказаний, что побуждало к поиску иных подходов к предупреждению преступлений. Предполагалось достижение целей специального и общего предупреждения не за счет причинения физических страданий, а посредством использования иных мер государственного принуждения. Со временем российский законодатель пришел к идее справедливости как соразмерности наказания опасности совершенного преступления.

Обращаясь к постреволюционному законодательству, мы видим иной подход к пониманию наказания. Впервые наказание определяется в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. Его суть раскрывается через категорию принудительного воздействия¹. «Задача наказания — охрана общественного порядка от совершившего преступления или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц» (ст. 8). Стало быть, уголовная репрессия проводилась в целях как общей, так и специальной превенции. Способами достижения последней цели Руководящие начала называли следующие: «Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, можно или приспособлением его к данному общественному порядку, или, если не поддастся приспособлению, изоляцией его и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его» (ст. 9).

Обратим внимание на упоминание еще одной цели наказания — перевоспитание и исправление. В советский период их сущность понималась по-особому. Так, Е. Г. Ширвиндт предостерегал от неправильного толкования смысла исправления и перевоспитания: «Из целей наказания и перевоспитания человека, его исправление в прошлом мещанском смысле исчезает и остается лишь приспособление преступников к общественной жизни и разного вида воздействия на его психику» [цит. по: 5, с. 11].

Отход в 1919–1920 гг. от практики назначения наказания в виде лишения свободы, выбор судьями в качестве предпочтительных мер воздействия общественного порицания и принудительных работ свидетельствовали об изменении уголовно-правовой политики. Молодое Советское государство должно было не карать, а воспитывать и предотвращать преступления. «Преступник — это человек, который опасен в данное время, которого нужно изолировать или попытаться исправить, но которому ни в коем случае нельзя мстить» [6, с. 262].

Данный подход был в полной мере реализован в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., в ст. 26 которого подчеркивался оборонительный характер наказания, призванного быть целесообразным и в полной мере лишенным «признаков мучительства»². Анализ советского уголовного законодательства позволяет утверждать, что концептуально представления о целях наказания не менялись. Последним посвящена ст. 8 УК РСФСР 1922 г.: «Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя

к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений». По сути, во всех трех пунктах идет речь о превенции.

По логике законодателя, опасность преступника заключается в возможности совершения им повторно правонарушения. Поэтому, пожалуй, главной целью должна является именно превенция, которую можно достичь тремя способами: перевоспитанием («приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия» [6, с. 262], ст. 8); устрашением либо лишением преступника физической возможности совершения преступлений в дальнейшем. На это указывают предусмотренные Кодексом меры социальной защиты, применяемые вместо наказания или наряду с ним (ст. 46 УК РСФСР 1922 г.). Однако успех достижения специальной превенции ставится в прямую зависимость от назначения наказания, при определении вида и размера которого необходимо учитывать «степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления» (ст. 24).

В Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. (далее — Основные начала) и УК РСФСР 1926 г. термин «наказание» отсутствует. «Отказ от понятия “наказание” в данное время не означает для нас простой терминологической замены слова “наказание” словами “мер социальной защиты”». В этом отказе выражается разрыв советского уголовного права со старыми, проникнутыми юридическим фетишизмом уголовно-правовыми построениями», — указывал А. Я. Эстрин [7, с. 6]. При этом цели уголовного наказания практически не изменились. Как и ранее, применение мер социальной защиты было направлено на «предупреждение преступлений, лишение общественно опасных элементов возможности совершать новые преступления, а также исправительно-трудовое воздействие на осужденных». Особо подчеркивалось, что «задача возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит. Все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижение человеческого достоинства» (ст. 4 Основных начал). Как видно из содержания нормы, приоритетной оставалась цель превенции, в первую очередь — общей.

В УК РСФСР 1926 г. приоритеты в целях наказания расставлены несколько иначе, нежели в Основных началах. На первый план выдвигалось «предупреждение новых преступлений со стороны лиц, совершивших их»³, т. е. специальная превенция. Далее указывалось на применение мер социальной защиты в иных целях:

¹ *Руководящие начала по уголовному праву РСФСР*: постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР*: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР*, редакции 1926 года (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР»): постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«...воздействия на других неустойчивых членов общества и приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся» (ст. 9). Подобные расхождения советский ученый-юрист А. А. Пионтковский объяснял тем, что «соотношение общего и частного предупреждения, иерархия целей наказания зависят от конкретной социально-политической обстановки, а развитие советской уголовной политики будет идти по пути выдвижения на первый план специальной, но не общей превенции» [цит. по: 6, с. 262].

Однако стоит заметить, что подход законодателя к преступникам был крайне избирательным. В отношении «неустойчивых трудящихся элементов», нарушивших социалистический правопорядок, большое значение приобретала воспитательная работа, в частности, приспособление — путем принуждения — совершившего преступление к условиям социалистического общежития, в то время как для «врагов революции и социалистического правопорядка» предусматривалось только самое суровое наказание.

В середине XIX в. сложилось современное представление о наказании, однако общее определение данному институту уголовного права было впервые дано только в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. С течением времени (к началу XX в.) возмездие, устрашение уходят на второй план, а в уголовном законодательстве РСФСР они вообще не упоминаются как цель наказания. Однако согласно ст. 20 УК РСФСР 1960 г. наказание является карой, хотя не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. В науке уголовного права стало общепринятым понимание сущности наказания как совокупности правоограничений карательного характера [8, с. 3]. А. И. Марцев характеризовал кару как сущность, но не цель наказания: «Перед уголовным законом могут быть поставлены только две цели: общее предупреждение преступлений и специальное предупреждение преступлений» [9, с. 131-132]. В свою очередь, «механизм специального предупреждения, — продолжает А. И. Марцев, — складывается главным образом, из устрашения и воспитания» [9, с. 132]. Действительно, устрашать следует только лицо, совершившее преступление. Законопослушные граждане в устрашении не нуждаются, их ожидаемой реакцией может выступить солидарность с государственным осуждением преступника. «Взгляд на сущность наказания как на осуждение, — считает А. А. Нечепуренко, — имеет право на существование, однако с оговоркой, что в осуждении проявляется сущность более высокого порядка, свойственная не только наказанию как элементу в системе мер уголовно-правового принуждения» [8, с. 4]. В контексте позиции А. А. Нечепуренко государственное осуждение характеризует и наказание, и иные смежные правоограничения, но данное обстоятельство не препятствует единству общества и государства в неприятии преступления.

В период развитого социализма высказывались аргументы, обосновывающие гуманизацию уголовной политики. «Причиняя излишние страдания осужденным и его близким, такое наказание превращает преступника в глазах общественности в жертву, вызывая к нему чувство сострадания вместо осуждения его преступного поведения. Тем самым чрезмерно суровое наказание препятствует формированию правильного правосознания, достижению целей общей превенции» [10, с. 152]. Наказание не должно быть избыточным, но при этом государство, должно не просто обеспечить баланс между интересами осужденных и потерпевших, но всячески поддержать последних.

Предпосылки антикриминальной солидарности общества и государства. «...Наказание в историческом контексте меняло свою сущность неоднократно. Пережив при этом несколько идейных трансформаций, начиная от мести за совершенное преступление до исправления виновного лица, транзитом через начало устрашения, оно неизменно выполняло карательную функцию», — пишет М. В. Бавсун [11, с. 645-647]. Для подавляющего большинства людей совершение преступления невозможно по морально-этическим соображениям, но лиц, склонных к общественно опасным посягательствам, способен остановить только страх перед неотвратимым наказанием. Предупредительное воздействие последнего усиливает справедливая суровость, поддержанная обществом.

Находясь в постоянном поиске наиболее эффективных и при этом гуманных средств предупреждения преступлений, ученые все чаще обращаются к мерам профилактики и безопасности. М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин исследуют практику конструирования и внедрения государством превентивных мер, лежащих за пределами уголовного закона. «Эти правоограничения применяются не потому, что лицо в прошлом совершило преступление, а в силу того, что такое лицо представляет потенциальную опасность, несет в себе значимый риск повторения преступной деятельности. Это правоограничение „не за совершенное“, а „для несовершенного“, сугубо упреждающая правоограничительная мера» [12, с. 139]. Учитывая, что данные меры не являются воздаянием за конкретное совершенное деяние, серьезной проработки требует проблема оснований применения таких ограничений.

Уголовный закон не может оставаться в стороне от осуществления государственных функций. «Уголовно-политическая составляющая пронизывает все сферы деятельности государства. Поэтому повышению эффективности уголовно-правовой охраны его функционирования концептуально подчинены цели, направления и приоритеты уголовной политики» [13, с. 23]. Актуализация отдельных направлений деятельности государства не может не сопровождаться акцентированием их уголовно-правовой охраны. Механизмы усиления и ослабления уголовной репрессии

в различных сферах используются для регулирования социальных, экономических процессов, обеспечения безопасности общества и государства. Например, негативное влияние санкций на экономику и предпринимательскую деятельность обусловило внесение в уголовный закон изменений, направленных на смягчение наказания за уклонение от уплаты налогов и иных платежей [14, с. 44]. И напротив, подвергнуты дополнительной криминализации деяния, представляющие собой разновидности государственной измены, посягательства в сфере оборонного заказа, усилена ответственность за совершение ряда преступлений против военной службы в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Уголовно-правовая политика учитывает приоритетное значение в современной России задач по обеспечению социальной справедливости, развитию государства в интересах всех граждан и консолидации общества. В исследуемом аспекте интересна констатация М. М. Бабаевым и Ю. Е. Пудовочкиным существования доктрины, оправдывающей конструирование «уголовно-правовых запретов в целях обеспечения безопасности процесса социальной трансформации от любых минимально возможных и потенциальных угроз за счет формирования и поддержания посредством угрозы уголовного наказания необходимого морального статуса отдельных лиц и морального единства общества на основе тех ценностей, которые представляются смыслообразующими акторам социальной трансформации» [15, с. 123]. Легитимность

наказанию придает государственный, основанный на солидарной воле народа, осуществляемый при его исполнении характер принуждения.

Выводы

1. Наказание должно быть не избыточным, но достаточным. При осуществлении функции борьбы с преступностью государство должно не просто обеспечить баланс между интересами осужденных и потерпевших, но всячески поддержать последних, в том числе и формируя положительное отношение общества к практике назначения и исполнения наказания.

2. Восприятие обществом опасности того или иного деяния как является одним из оснований его криминализации, так и предполагает объединение подавляющего большинства в солидарном неприятии посягательств данного вида.

3. Значение развитого правосознания, консолидации граждан и государства многократно возрастает в условиях роста посягательств на публичные интересы, модификации внутренних и внешних угроз.

Перспективы. Перспективными при осуществлении поиска новых подходов к обеспечению безопасности личности и общества, определению преступности и наказуемости деяний являются идеи справедливости, солидарности гражданина и государства, учета актуальных угроз. Последние, возникая и видоизменяясь, проявляются в посягательствах, которые требуют немедленного пресечения и предупреждения. Моральная поддержка обществом их криминализации повысит эффективность уголовно-правового воздействия, обеспечит благополучие и безопасность социума.

Список источников

1. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. С. 124–140.
2. Бавсун М. В. «Чрезвычайное» правовое регулирование как новая модель управления общественными отношениями // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 10–16.
3. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Преступность и судебно-уголовная политика // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 26–40.
4. Шаргородский М. Д. Избранные труды. СПб., 2004. 655 с.
5. Быков А. В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: монография. Омск, 2011. 179 с.
6. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб., 2008. 969 с.
7. Камалова Г. Т. Концепция законности в годы нэпа: теория и практика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2008. Вып. 15. С. 3–10.
8. Нечепуренко А. А. Деструктивные процессы в системе уголовных наказаний России и подходы к их преодолению // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2(65). С. 3–11.
9. Марцев А. И. Избранные труды. Омск, 2005. 272 с.
10. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. 176 с.
11. Бавсун М. В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 39–50.
12. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Особенности уголовного наказания в аспекте рискологического анализа // Правосудие / Justice. 2022. Т. 4, № 2. С. 134–152.
13. Борков В. Н. Уголовная политика и функции государства // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 23–30.
14. Лопашенко Н. А. Уголовно-правовая охрана экономики России: реалии и тенденции последних лет // Ученые записки юридического факультета. 2022. № 1. С. 49–55.
15. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 110–125.

Поступила 21.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

Научно-теоретическая статья

УДК 340.1; 342.71 © М. А. Буцакова, Т. Е. Грязнова, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-115-119

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Институт гражданства: вопросы теории и правоприменительной практики

Марина Александровна Буцакова¹, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права; mb290163@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1149-5315>

Татьяна Евгеньевна Грязнова¹, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории государства и права; griaznova-te@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России, 644092, Омск, пр. Комарова, 7, Россия

Реферат

Введение. Рассматриваются теоретические аспекты гражданства: понятийный аппарат, характер взаимосвязи личности с государством, а также проблемы реализации законодательства о гражданстве в части правового уточнения оснований его приобретения. Цель — анализ и синтез основных теоретических аспектов и проблем гражданства и формирование предложений по совершенствованию российского законодательства о гражданстве. **Материалы, результаты и обсуждение.** Представлены особенности, основные характеристики гражданства как политико-правовой категории, особенности Закона о гражданстве Российской Федерации. Подчеркивается взаимосвязь государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей с миграционными процессами и институтом гражданства, что требует определенной корреляции норм российского законодательства в данной сфере. **Выводы.** На основе анализа проблем, связанных с гражданством, миграционных и демографических процессов авторы делают заключение о необходимости совершенствования законодательства о гражданстве и его корреляции с миграционными процессами в части ужесточения условий приема в него иностранных граждан и лиц без гражданства.

Ключевые слова: гражданство, миграция, демография, устойчивая правовая связь, традиционные ценности

Для цитирования: Буцакова М. А., Грязнова Т. Е. Институт гражданства: вопросы теории и правоприменительной практики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28, № 1(92). С. 115–119. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-115-119>

Scientific and Theoretical Article

UDC 340.1; 342.71 © М. А. Buchakova, Т. Е. Gryaznova, 2023

doi: 10.24412/1999-6241-2023-192-115-119

5.1.1. Theoretical and Historical Law Sciences; 5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

Institute of Citizenship: Issues of Theory and Law Enforcement Practice

Marina A. Buchakova¹, Doctor of Science in Law, Associate-Professor, chief of the chair of Constitutional and International Law; mb290163@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1149-5315>

Tatyana E. Gryaznova¹, Doctor of Science in Law, Associate-Professor, chief of the chair of State and Law Theory; griaznova-te@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract

Introduction. Under study are theoretical aspects of citizenship including terminology, character of interrelation of an individual and the state, as well as the problems related to implementation of legislation concerning citizenship with regard to legal clarification of grounds for acquiring it. The purpose is to analyze and synthesize the main theoretical aspects and problems of citizenship and formulate proposals to improve Russian legislation referring citizenship. **Materials, Results and Discussion.** The paper comprises peculiarities, main characteristics and multi-faceted nature of citizenship as a political legal category, distinguishing features of Law on Citizenship of the Russian Federation. The authors underline the interrelation between the state policy aimed at preservation and forging of traditional Russian moral spiritual values, migration processes and institute of citizenship, which requires certain correlation of norms of Russian legislation in this sphere. **Conclusions.** The analysis of the problems related to citizenship, migration and demographic processes enabled the authors to conclude that it is necessary to enhance legislation concerning citizenship and correlate it with migration processes in regard to toughening the requirements for acquiring it by foreign citizens and stateless persons.

Keywords: citizenship, migration, demography, stable legal relationship, traditional values

Citation: Buchakova M. A., Gryaznova T. E. Institute of Citizenship: Issues of Theory and Law Enforcement Practice. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2023. Vol. 28. No. 1(92). Pp. 115–119 (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2023-192-115-119>

Основные положения

1. Гражданство выступает в качестве одного из основных субъективных прав человека, имеет политико-правовой характер, является конституционно-

правовым институтом и основой взаимоотношений человека и государства, способствует сплочению народа, поддержанию высокого чувства патриотизма, проявлению высокой гражданской позиции.

2. Гражданство неразрывно связано с вопросами миграции и демографии. В законе о гражданстве отдельно взятого государства содержатся механизмы, направленные на удовлетворение потребностей государства в численности граждан.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. Гражданство является одной из составляющих конструкции правового статуса личности. Уникальность данного феномена выражается в том, что, обладая гражданством, индивид приобретает весь комплекс прав и свобод, установленных государством, и одновременно несет закрепленные Основным законом обязанности. Специфичность гражданства заключается в том, что между государством и гражданином формируется устойчивая взаимосвязь, имеющая политико-правовой характер. Гражданство неразрывно связано с вопросами миграции и демографии. Соответственно, демографическая и миграционная политика государства направлена на регулирование числа граждан, прибывающих из других государств. Проведение Россией спецоперации в отношении Украины в 2022–2023 гг., усиление обеспечения национальной безопасности Российской Федерации обуславливают необходимость корреляции законодательства о гражданстве Российской Федерации в соответствии с изменяющимися обстоятельствами.

Существенную роль в изучении проблем гражданства сыграли фундаментальные исследования В. М. Гессена, Н. М. Коркунова и А. Д. Градовского, в которых рассматривались соотношение гражданства и подданства применительно к форме правления государства, вопросы приобретения и утраты гражданства. В советский период проблематикой гражданства в разные периоды занимались С. С. Кишкин, Л. Д. Воеводин, В. С. Шевцов. В современной России отдельные аспекты института гражданства исследовались А. Н. Кокотовым, Е. А. Лукашевой, М. А. Буцаковой, Я. Л. Ванюшиной и др.

В последние годы проблематике гражданства посвящали свои труды А. А. Галушкин [1], Д. Н. Курин [2], Е. В. Барашева, Я. С. Терентьева, К. С. Шайдурова [3], О. В. Одинцова [4], С. С. Лампадова [5], А. В. Семенистый [6].

Цель — анализ и синтез основных теоретических аспектов и проблем гражданства и формирование предложений по совершенствованию российского законодательства о гражданстве.

Материалы, результаты и обсуждение

Теоретико-философские аспекты гражданства, его особенности и основные характеристики. Многогранность гражданства как политико-правовой категории заключается в различиях его функциональных и юридических свойств. Поэтому российские исследова-

ватели по-разному дифференцируют понятийный аппарат гражданства, подчеркивая правовой характер возникающих правоотношений. Вместе с тем в юридической науке устоялись следующие подходы к гражданству: 1) данное явление имеет политико-правовой характер, выступает основой специфических взаимоотношений человека и политико-социального образования — государства; 2) гражданство — одно из основных субъективных прав человека; 3) гражданство представляет собой конституционно-правовой институт [7].

В содержании данных подходов прослеживается тесная взаимосвязь гражданства с государством, на территории которого, как правило, постоянно проживает отдельно взятый индивид, на которого распространяется государственная юрисдикция.

Аристотель, определяя «правильное государственное устройство», проводил теоретическое осмысление понятий «гражданин» и «гражданство». Он признавал свойства гражданина, который участвовал в суде и народном собрании. Между тем в Древнем Риме в силу особенностей развития государства невозможно было дать полную характеристику свойств гражданства в силу специфики общественно-экономической формации того периода. Эпикур в своей философско-правовой концепции о договорной природе государства, основанной на либерализме и либеральном индивидуализме, отмечал такие свойства «соучредителей» государства, как свобода, равенство и независимость членов договорного общения [8, с. 31].

Понятие гражданства развивается и конкретизируется в период становления буржуазных государств конца XVIII — начала XX вв. Гражданство выступает составляющей теорий договорного происхождения государства и народного суверенитета. В философских идеях тех времен можем встретить взгляды на соотношение понятий «гражданин», «народ» и «подданство». Так, Лабанд считал, что подданный является субстратом, объектом государственной власти, а все его субъективные права — рефлексом подданства¹. Значительный вклад в определение сущности гражданства внес один из наиболее ярких ученых эпохи Просвещения Ж. Ж. Руссо, который пристальное внимание уделил законам построения гражданского общества. В своих рассуждениях Ж. Ж. Руссо приходит к выводу: «Народ как простая совокупность частных лиц отнюдь не может быть творцом законов. При этом соглашение между членами общества — это не соглашение высшего с низшим, но соглашение целого с каждым из его членов, соглашение законное, ибо оно имеет основой общественный договор; справедливое, ибо оно общее для всех; полезное, так как оно не может иметь иной цели, кроме общего блага» [9, с. 46].

Несмотря на развитие идей о гражданском обществе индивиды, имевшие политико-правовую связь с госу-

¹ Брун М. Подданство // Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 24. С. 71.

дарством, в тот период времени являлись его подданными, т. е. в системе «человек — общество — государство» действовал примат государства, определяющего и направляющего действия каждого члена общества. Соответственно, граждане были лишены права на участие в управлении делами государства и могли быть выдворены за его пределы.

Данный подход к взаимоотношениям человека с обществом и государством наблюдался и в Советском Союзе. Высокая централизация власти сохраняла подчиненность индивида государству, соответственно, понятие гражданства как принадлежности лица государству влияло на правовой статус гражданина и его роль в государстве. Н. А. Буганин в своем докладе «О проекте Закона о гражданстве» на второй сессии Верховного Совета СССР 1938 г. отмечал: «Гражданство определяет принадлежность лица к государству, определяет правовое положение лица не только внутри государства, но и вне его в международном общении» [цит. по: 10, с. 66]. В юридической науке того периода характеристика гражданства рассматривалась как правовая принадлежность лица к государству. С. С. Кишкин пришел к выводу, что «гражданство есть личная связь индивида с государством, обуславливающая возможность определяемости данного лица всеми элементами правовой и политической системы страны» [11, с. 73]. Л. Д. Воеводин определял гражданство как «правовую принадлежность лица к данному государству, в силу которой на него распространяется суверенитет этого государства, и оно пользуется защитой своих прав и законных интересов как внутри страны, так и вне ее пределов» [12, с. 4–5].

Демократизация общественных отношений в последние четверти XX в., закрепление в конституциях государств большого объема прав и свобод человека и гражданина, выделение прав, присущих только гражданину, привели к трансформации понятийного аппарата гражданства, которое стало рассматриваться в качестве устойчивой правовой связи лица с государством, связи, в которой устанавливаются равноправные отношения. В. С. Шевцов писал о сущности гражданства, подчеркивая специфичность связи, возникающей между государством и индивидом, на которого могла распространяться юрисдикция государства. Данный правовой феномен, определяемый как правовая связь лица с государством, имеет объективный характер. По мнению ученого, это служит необходимым условием, предпосылкой для установления правового статуса гражданина [13, с. 55]. Такой концептуальный подход во взаимоотношениях личности и государства согласуется с характеристикой государства как правового и создает условия для обеспечения баланса интересов личности, государства и общества.

Правовое регулирование гражданства Российской Федерации. В настоящее время регламентация вопросов гражданства в Российской Федерации осуществляется совокупностью нормативных правовых актов. Обновлен-

ному подходу понимания гражданства способствовало признание и закрепление категории «права человека» на международном и национальных уровнях. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., был закреплён комплекс основных прав и свобод человека и гражданина. В статье 15 предусмотрено, что каждый человек имеет право на гражданство (ч. 1); никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство (ч. 2). Тем самым данный международный документ подчеркивает равенство личности и государства в их политико-правовой связи.

Указанное выше положение не распространяется на тех лиц, которые не имеют подобных отношений с государством: иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих на территории государства. Эта категория лиц также обладает определенными правами и свободами, однако есть существенные различия прав между ними и гражданами. В. С. Нерсесянц отмечал, что «на различных этапах исторического пути к современной концепции прав человека мы имеем дело с тем или иным вариантом привилегированного человека. Последним типом такого привилегированного человека в историческом ряду является гражданин, а последней формой прав привилегированного человека — права гражданина в их соотношении с правами человека»². Наиболее ярко эти различия проявляются в политической сфере, где, согласно ст. 32 Конституции РФ, только граждане имеют право на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1); право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме (ч. 2).

Закон о гражданстве Российской Федерации. Особенностью гражданства является устойчивость правовой связи, возникающей между государством и гражданином, что закреплено в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее — Закон о гражданстве).

Устойчивость как характеристика правовой связи проявляется, прежде всего, в том, что данные правоотношения, как правило, возникают с момента рождения и сопровождают человека в течение всей жизни, что подтверждается соответствующими юридическими документами. Правовые отношения между государством и иностранными гражданами и лицами без гражданства действуют до момента выезда этих лиц с территории Российской Федерации, что является моментом прекращения соответствующих правоотношений.

В Законе о гражданстве ничего не говорится о политическом характере связи гражданина и государства. Однако именно политические права напрямую связаны с гражданством государства. Они способствуют тому, чтобы индивид, потенциально обладая возможностью, предусмотренной законом, мог ее реализовать, участвуя

² Нерсесянц В. С. Философия права : учебник. М., 2013. С. 121.

в политической сфере жизни общества. Важно, что политическая позиция не может прервать его правовую связь с государством, так как в ст. 6 Конституции РФ закреплено, что гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства или права изменить его.

Взаимосвязь гражданства с миграцией и демографией. Гражданство неразрывно связано с вопросами миграции и демографии. Демографическая и миграционная политика государства направлена на регулирование числа граждан, прибывающих из других государств. В законе о гражданстве любого государства закреплены механизмы, соответствующие потребностям государства в количестве проживаемого на его территории населения. Ряд государств, таких как США, Франция, Швейцария и др., вводят законы, ограничивающие число новых граждан государства, устанавливая высокие цензы оседлости, имущественные, моральные и образовательные требования. Вместе с тем государства, стремящиеся к увеличению численности граждан за счет мигрантов, могут упростить процедуру приобретения гражданства, снижая требования к кандидатам.

Гражданство, выступая в качестве устойчивой правовой связи, способствует сплочению народа, поддержанию высокого чувства патриотизма среди населения, проживающего на территории государства, проявлению высокой гражданской позиции. В целях решения данной задачи Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — Основы), к которым относятся гражданственность, патриотизм, гуманизм и единство народов России. Реализация Основ предусматривает создание комплексного механизма, включающего меры как организационного, так и правового характера. В связи с этим также возникает вопрос о способности восприятия российских традиционных духовно-нравственных ценностей новыми гражданами РФ. Опыт некоторых развитых зарубежных государств показывает, что мигранты, въехавшие на территорию этих государств, сохраняют национальную идентичность, традиции и обычаи своего народа и не желают воспринимать ценности западного общества. Политика мультикультурализма, провозглашающая толерантность и терпимость параллельного существования различных культур и их взаимного обогащения показала свою несостоятельность [14; 15].

Данные проблемы характерны и для российского общества. В частности, в 2022 г. половину всех трудовых мигрантов в РФ (49,6%) составили граждане Республики Узбекистан. Высока численность мигрантов из Республики Таджикистан, Киргизской Республи-

ки. Именно представители этих государств преимущественно обращаются в органы публичной власти за приобретением российского гражданства. Только в 2022 г. число лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства, составило 691 046, а в 2021 г. — 735 385. В 2022 г. в Российской Федерации зарегистрировано 16 870 094 факта постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, в 2021 г. — 13 392 897³. В то же время количество преступлений, совершенных мигрантами, имеет рост. Так, за 2022 г. на территории РФ иностранными гражданами совершено 40,2 тыс. преступлений, что на 10,3% больше, чем за аналогичный период 2021 г.⁴, при этом речь идет о преступных группах, созданных иностранными гражданами по национальному признаку. Как видим, наблюдается рост не только числа мигрантов, поставленных на миграционный учет, но и количество совершенных ими преступлений.

На протяжении последних лет законодательство о гражданстве РФ, являющееся составной частью миграционного законодательства, претерпевает изменения с учетом меняющейся в стране политической и социально-экономической обстановки. Так, в свете проводимой спецоперации и необходимости решения вопроса о приобретении российского гражданства в упрощенном порядке для всех граждан Украины, жителей Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики 11 июля 2022 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 440.

С началом мобилизации издан Указ Президента РФ от 30 сентября 2022 г. № 690 «О приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке иностранных граждан и лиц без гражданства, заключивших контракты о прохождении военной службы», направленный на увеличение количества лиц, принимающих участие в военных действиях, за счет привлечения иностранных граждан. Вместе с тем в целях обеспечения национальной безопасности России, решения задач по сохранению и развитию традиционных российских ценностей, законодательство о российском гражданстве должно быть скорректировано в части повышения требований к лицам, приобретающим российское гражданство, и корреляции с миграционной политикой.

Выводы

Таким образом, институт гражданства в отдельно взятом государстве имеет огромное значение для определения объема прав и свобод лиц, являющихся его гражданами, взаимоотношения между которыми приобретают характер устойчивой политико-правовой связи.

Вопросы гражданства Российской Федерации непосредственно связаны с миграционной, демографической политикой и должны рассматриваться в контексте

³ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–ноябрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/34428645/> (дата обращения: 15.01.2023).

⁴ В МВД сообщили о росте уровня преступности среди мигрантов за год на 10%. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16874075> (дата обращения: 15.01.2023).

обеспечения национальной безопасности, что является определяющим миграционной политики и законодательства о гражданстве.

Перспективы. В целях сохранения и развития традиционных российских ценностей законодательство о гражданстве Российской Федерации должно быть скор-

ректировано в части повышения требований к лицам, его приобретающим. Сам факт состояния в гражданстве РФ, его приобретение иностранными гражданами и лицами без гражданства должны рассматриваться в качестве составляющих элементов патриотического воспитания молодежи.

Список источников

1. Галушкин А. А. Организационно-правовые основы института гражданства и его место в системе российского права // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 138–146.
2. Курин Д. Н. Формирование и реализация института гражданства Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 47(337). С. 320–322.
3. Барашева Е. В., Терентьева Я. С., Шайдурова К. С. Приобретение гражданства Российской Федерации // Наука, общество, образование : мат-лы науч.-практ. конф. Иркутск, 2018. С. 13–15.
4. Одинцова О. В. Проблемные аспекты института гражданства в Российской Федерации // Актуальные проблемы административного и финансового права : науч. ст. М., 2018. С. 171–174.
5. Лампадова С. С. О некоторых вопросах приема в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : мат-лы X юбилейной междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2019. С. 184–188.
6. Семенистый А. В. О совершенствовании законодательства в области гражданства Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2022. № 1. С. 97–99.
7. Бучакова М. А. Российское гражданство: состояние и перспективы правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 178 с.
8. Бучакова М. А. Философско-правовые подходы к определению гражданства // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2(20). С. 30–32.
9. Руссо Ж. Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права / пер. с фр. А. Д. Хаютина и В. С. Алексеева-Попова // Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. 416 с.
10. Понизова Е. В. Становление института гражданства в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 2. С. 66–72.
11. Кишкин С. С. Советское гражданство / под ред. В. И. Яхонтова. М., 1925. 73 с.
12. Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 3–4.
13. Шевцов В. С. Гражданство в Советском союзном государстве. М., 1969. С. 55.
14. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society / E. Pevtsova, N. Pevtsova, M. Lavitskaya [et al.]. E3S Web of Conferences. Rostov-on-Don, 2020. p. 126.
15. State and non-state actors ensuring constitutional order and public security: Problems of legal regulation of interaction the ability to understand and the textual typologies in the primary basic education, third grade / A. I. Yastrebova, A. I. Stakhov, V. M. Redkous [et al.]. *Universidad y Sociedad*. 2020. Vol. 12. Pp. 60–66.

Поступила 08.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает законодательство Российской Федерации, включая нормы об охране авторского права, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи до 14 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи, шифр научной специальности;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), ORCID, адрес электронной почты;

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 250 слов);

— ключевые слова (key words) (6–8 речевых единиц) из текста статьи;

— основные положения.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — до 30 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования, в него следует включать и произведения зарубежных авторов, а также источники, входящие в ведущие научные базы (Scopus, Web of Science). Число источников должно быть достаточным для оптимального раскрытия темы статьи. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5-2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»), тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://pp.omamvd.ru>, <https://ppe.omamvd.ru> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), ERICH PLUS.

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала.

Публикации в журнале бесплатные.

Подписные индексы 41979 в объединенном каталоге «Пресса России». **Интернет-подписка** <http://www.ppressa-rf.ru>; <http://www.akc.ru>.

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!